

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ТУРКМЕНІЮ И ХИВУ

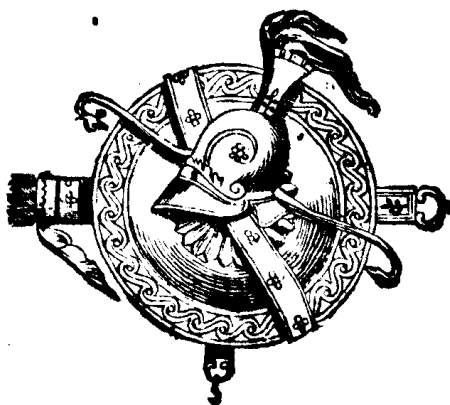
въ 1819 и 1820 годахъ,

ГВАРДЕЙСКАГО ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА КАПИТАНА

НИКОЛАЯ МУРАВЬЕВА,

ПОСЛАННАГО ВЪ СІИ СТРАНЫ ДЛЯ ПЕРЕГОВОРОВЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

1822.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ публику, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ Іюня 27 дня, 1821 года. Книгу сію разсматривалъ Адъюнктъ

ДмитрійПеревощиковъ.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ

МУРАВЬЕВУ.

ОСНОВАТЕЛЮ МОСКОВСКАГО УЧЕБНАГО
ЗАВЕДЕНІЯ ДЛЯ РОССИЙСКАГО ЮНОШЕСТВА.

господину
ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРУ
И КАВАЛЕРУ.

Желаніе исполнить долгъ мой одушевляло меня въ трудномъ моемъ путешествіи; Рука Провидѣнія подала силы ослабѣвшему. И привязанность къ Отечеству, и Вѣру въ Небесное Покровительство внушило мнѣ попеченіе родительское. Да будетъ же и слабый трудъ сей озаренъ именемъ почитаемаго Отца и Соревнователя Просвѣщенія.

Всепокорнѣйшій сынъ

НИКОЛАЙ МУРАВЬЕВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Первой части

ПРЕДИСЛОВІЕ.....	2
ГЛАВА I. Путешествіе въ Прибрежную Туркменію.....	5
ГЛАВА II. Путешествіе въ Хиву и пребываніе въ Ханствѣ Хивинскомъ.....	29
ГЛАВА III. Обратный путь.....	74

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Господину Главнокомандующему въ *Грузіи* Генералу отъ Инфантеріи и Кавалеру Алексѣю Петровичу Ермолову, угодно было послать экспедицію къ Восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря, дабы склонить Туркменовъ по онѣмъ обитающихъ къ пріязненнымъ сношеніямъ съ Россіей. Намѣреніе Господина Главнокомандующаго было, устроить на тѣхъ берегахъ пристань, въ которой купческія суда наши могли бы лежать спокойно на якорѣ и безопасно складывать товары свои; почему и предполагалъ устроить для сего не большую крѣпость.

Порученіе сіе клонилось къ исполненію видовъ Императора Петра Великаго, Который желалъ установить чрезъ обширныя степи, называемыя нами Татарією, постоянную торговлю съ Индією. Исполненное намѣреніе сіе рушилось тогда съ умерщвленіемъ князя Бековича ходившаго съ отрядомъ въ Хиву, и погибшаго тамъ съ войскомъ. Нарушивъ договоры и клятвы, по коимъ Князь явился въ лагерь къ Хивинцамъ, они схватили его, принудили подъ предлогомъ недостатка въ продовольствіи на столь значительное количество войска расположить отрядъ по селеніямъ и пользуясь таковымъ раздробленіемъ силъ его, перерѣзали всѣхъ и самаго его умертвили мученически. Прочія войска, высаженные еще кромѣ того въ трехъ мѣстахъ на берегъ Каспійскаго моря, именно: въ Мангышлакѣ, Александрѣ Баѣ и Красноводскѣ принуждены были отплыть обратно въ Астрахань, оставивъ начатыя ими укрѣпленія. Нещастная участь Бековича показала хищническія и коварныя расположенія Хивинцевъ, и съ тѣхъ поръ правительство наше не возобновляло сего предпріятія.

Для совершенія онаго должно было сперва завести связи съ Туркменами народомъ кочевымъ, разбойническимъ, безъ промышленности, почти безъ нравственности, и по различію вѣроисповѣданій, издревле не примиримымъ во враждѣ съ Персіянами.

Въ 1813 году бывшій Главнокомандующій въ Грузіи Господинъ Генералъ отъ Инфантеріи Николай Ѳедоровичъ Ртищевъ, посылалъ въ Туркменію Дербентскаго купца Армянина Ивана Муратова, которой прежде занимаясь торговлею съ Астрабадомъ, имѣлъ знакомство въ тѣхъ странахъ. Муратовъ, передалъ предложенія Николая Ѳедоровича Ртищева нѣкому Султанъ Хану, которой въ то время предводительствуя племенами Туркменскими и ополчивъ оныя, наносилъ Персіянамъ значительной вредъ. Султанъ Ханъ въ надеждѣ содѣлаться со временемъ законнымъ повелителемъ необузданныхъ Туркменовъ, былъ чрезвычайно порадованъ обѣщанному покровительству отъ нашего Главнокомандующаго и послалъ къ нему своихъ пословъ изъ людей почетныхъ и старшинъ, испрашивая на

первый случай милостиваго только воззрѣнія правительства нашего, на положеніе Туркменовъ (коихъ Персіяне наказывали за ихъ воровства и грабежи.)

Къ несчастію его, послы Туркменскіе въ числѣ коихъ былъ *Кіатъ Ага*, (о которомъ въ продолженіи путешествія моего будетъ часто упомянуто) застали Главнокомандующаго въ *Гюлистанскомъ* лагерѣ что въ *Карабагъ* въ то самое время, когда онъ заключалъ мирные договоры съ *Абуль Гуссейнъ Ханомъ*, полномочнымъ и довѣреннымъ чиновникомъ отъ Персидскаго двора. *Абуль Гуссейнъ Ханъ* знавши сколь Туркмены поддержанные Россіею могутъ быть опасны для его отечества, требовалъ чтобы правительство наше не входило съ ними ни въ какія сношенія. Главнокомандующій на сіе согласился, и прилично подаривъ пословъ, отправилъ ихъ обратно. Народъ Туркменской былъ очень огорченъ сею неудачею и не будучи болѣе въ силахъ противиться Персіянамъ, покорился имъ, давъ залоговѣрности; тѣже изъ Туркменовъ, которые не хотѣли принять ига сосѣдей, удалились къ *Балканскому заливу* въ мѣста неприступныя для Персіанъ, или въ Хиву, гдѣ ихъ принялъ нынѣшній *Магмедъ Рагимъ Ханъ*, жесточайшій врагъ *Каджаровъ* ¹. Султанъ Ханъ къ нему же удалился и до сихъ поръ въ Хивѣ находится.

Исполненіе намѣренія своего вступить въ дружескія сношенія съ Туркменами, Господинъ Главнокомандующій возложилъ на Елисаветпольскаго окружнаго Начальника Господина Маіора Пономарева, а мнѣ какъ офицеру Генеральнаго Штаба поручено было, обозрѣвъ съ нимъ вмѣстѣ Восточные берега Каспійскаго моря, слѣдовать въ Хиву для сношенія съ владѣтелемъ оной и описанія того края.

По сему поводу я былъ на берегахъ Туркменскихъ и въ Хивѣ. Записки сіи были ведены мною тайно и для себя, въ сохраненіи видимаго памятника благодати спасаго меня провидѣнія.

Возвратясь въ отечество, многіе любопытствовали получить нѣкоторыя свѣдѣнія какъ о странѣ мною посѣщенной, такъ и о приключеніяхъ моего странствованія; записки мои были не въ порядкѣ и сдѣланы только для прочтенія роднымъ и малому числу друзей; но желаніе многихъ видѣть записки сіи напечатанными, заставили меня рѣшиться издать ихъ въ свѣтъ; я излагаю просто все что видѣлъ и могъ узнать, заключенному мало средствъ познавать край особенно среди подозрительнаго народа; я сдѣлалъ все что могъ, желаніе мое было быть полезнымъ, видѣнное мною и сдѣланное описываю какъ было не желая дѣлать книги; соотечественникамъ судить о моихъ дѣйствіяхъ а моя обязанность посвятить имъ свои труды.

Въ продолженіи сихъ записокъ, я часто называю, лица которыя кажутся незначительными; но я почелъ себя обязаннымъ сіе сдѣлать,

Примѣчаніе

¹ Нынѣ царствующая фамилія въ Персіи.

Н. Муравьевъ

дабы впередъ облегчить пути нашего правительства въ случаѣ какого нибудь предпріятія въ сѣмъ краю; особы которыхъ я называлъ имѣють связи въ той странѣ и знавши имена ихъ и нравъ, посланной будетъ уже нѣсколько знакомъ съ тамошними чиновниками, ибо большая часть изъ нихъ занимають довольно значительныя должности.

ГЛАВА I.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВЪ ПРИБРЕЖНУЮ ТУРКМЕНІЮ.

1819 года іюня 17 числа Господинъ Главнокомандующій Грузинскимъ отдѣльнымъ корпусомъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, снабдивъ насъ всѣми нужными бумагами, отправился на Кавказскую линію, куда призывали его военныя дѣйствія противъ Чеченцовъ. Къ намъ назначенъ былъ переводчикомъ Армянинъ Муратовъ, который ѣздилъ во время Николая Ѳедоровича Ртищева въ Туркменію.

Іюня 17

Того же дня, готовясь къ отправленію мы отслужили въ Тифлисской соборной церкви Сіонѣ обѣдню, прося Всевышняго, о щастливомъ совершеніи возложеннаго на насъ порученія.

Маіоръ Пономаревъ имѣлъ особенное предписаніе; онъ принялъ также подарки назначенные для Туркменовъ. Въ предписаніи своемъ ко мнѣ Господинъ Главнокомандующій давая наставленія, которыми надлежало мнѣ руководствоваться въ сношеніяхъ съ Туркменами и Хивою, объяснялся между прочимъ слѣдующимъ образомъ: «отъ ловкости въ обхожденіи вашемъ можно обѣщать немалые успѣхи, и знаніе ваше въ Татарскомъ языкѣ много способствовать вамъ будетъ. Не смотрите какъ Европеецъ на средства лести; между народами Азіятскими употребленіе оной обыкновенно, и вы имѣете выгоду не страшиться быть расточительнымъ въ ономъ, Ваше Высокоблагородіе можете сдѣлать другія полезныя изслѣдованія, къ которымъ можетъ дать поводъ ваше между ими пребываніе, болѣе нежели что могу я предписать, а паче о народѣ почти совершенно намъ неизвѣстномъ. Я отъ способностей вашихъ и усердія могу себѣ обѣщать, что не останутся бесплодными дѣлаемая усилія войти съ Туркменскимъ народомъ въ пріязненныя сношенія, и что доставленными свѣденіями облегчите вы пути къ будущимъ Правительства предпріятіямъ.»

Іюня 17

Отправился я изъ Тифлиса. — Штабсъ-Капитанъ Ренненкамфъ провожалъ меня до половины дороги къ Соганлугскому посту, гдѣ мы съѣхались съ Пономаревымъ, отправившимся въ путь за полчаса до меня; я прибылъ на станцію Салаглы, гдѣ въ то время располагался ночлегомъ сводной отрядъ войскового старшины Табунщикова въ числѣ 250[™] козаковъ, онъ шелъ въ Дагестанъ ¹ противъ Лезгинъ ².

18

Я прибылъ ночевать на Таузской постъ. Ужасный проливной дождь не переставалъ во весь день.

19

День былъ несносно жарокъ. Я прибылъ къ вечеру въ Елисаветополь, прекраснѣйшій городъ, засаженный садами, ограды коихъ образуютъ улицы и площади; изъ за нихъ мѣлкая долина

20

¹ По переводу: страна горъ.

² Настоящее названіе ихъ Лекзи.

хорошія каменные дома и развалины. Я остановился въ предмѣстьѣ называемомъ *Килиса кунтъ* на правомъ берегу рѣки Ганжинки.

Въ Елисаветополѣ ¹ жили мы до 1го числа Іюля; Пономаревъ занимался здѣшею должности своей тамошнему Коменданту. Предъ въѣздомъ въ городъ со стороны Тифлиса возвышается древняя крѣпость; при Князѣ Циціановѣ Джавотъ Ханъ владѣлъ оною; орудія его еще и до нынѣ на башняхъ находятся. Крѣпость приходитъ въ разрушеніе, но внутри ея видны еще остатки пышныхъ каменныхъ домовъ. Подъ крѣпостью есть потаенные ходы, которые однакожъ совсѣмъ уже завалились; жители увѣряютъ, что въ нихъ хранятся сокровища, свезенныя во время приступа, главныя же богатства бывшаго Хана сокрыты, по рассказамъ ихъ, въ саду внѣ крѣпости, куда будто бы сынъ убитаго Джавотъ Хана пріѣзжалъ недавно, отрылъ ихъ и увезъ; но сказаніе сіе повидимому ложно ²

Я видѣлъ еще внутри крѣпости дерево, достойное замѣчанія по своей толщинѣ; оно имѣетъ въ окружности 4¹/₂ сажени. — Мнѣ пріятно упомянуть здѣсь о гостепріимствѣ, которымъ семейство Пономарева славилось и которымъ я часто пользовался.

Въ вечеру отправились мы изъ Елисаветополя въ бричкѣ, которая по минутно ломалась, такъ что въ этотъ вечеръ мы не могли доѣхать до Кургу—Лугая, и ночевали въ полѣ на половинѣ дороги; съ восхожденіемъ мѣсяца отправились опять въ путь и къ ночи 2го числа Іюля прибыли на Турганской постъ. Цѣлый день жаръ былъ несносный. Въ Мингичаурѣ переправились мы черезъ Куру на поромѣ. Страна представлявшая до сихъ поръ одну голую степь, покрытую кое-гдѣ солончаками, принимаетъ отсюда совсѣмъ иной видъ. — Самые берега Куры уже прекрасны; они обросли съ обѣихъ сторонъ рощами и садами, въ коихъ поселены Армяне. — Переправясь мы постепенно отдалялись отъ рѣки. Съ лѣвой стороны были обнаженные горы; отъ нихъ отражающіеся солнечные лучи палили насъ зноемъ; съ правой стороны простиралась плодороднейшая, обширная, населенная и обработанная равнина, въ коей видны развалины бывшаго города, называвшагося Аревша ³.

Іюля 1

Выѣхавъ изъ Тургана весьма рано, мы прибыли на ночлегъ въ новую Шамаху. Новая Шамаха недавно была столицею Мустафы Хана Ширванскаго, котораго предки издревлѣ жили въ старой Шамахѣ; большая же часть народа почти всегда занимала равнину около новой Шамахи, гдѣ земли весьма плодородны. Мустафа Ханъ,

Іюля 2

¹ Городъ сей называется обывателями *Ганжа*.

² По возвращеніи моемъ изъ Хивы я видѣлся въ Тифлисѣ съ Англичанами, пріѣхавшими изъ Персіи; они увѣряли меня, что лично видѣлись съ сыномъ Джавотъ хана, пребывающимъ въ Персіи, и знаютъ о мѣстѣ сего клада. Подробнѣйшія изслѣдованія о семъ городѣ помѣщены будутъ въ описаніи Грузіи, когда время позволитъ мнѣ привести въ порядокъ записки, веденныя мною въ бытность мою въ той странѣ.

³ О семъ городѣ упоминается въ Соймоновомъ описаніи Каспійскаго моря, гдѣ онъ называется Аррашь.

оставивъ свою прежнюю столицу, построилъ городъ на сей равнинѣ среди подданныхъ своихъ, дабы удобнѣе содержать ихъ въ повиновеніи; но народъ опять переселился въ горы въ Фитагу, и Ханъ принужденъ былъ снова перенести туда свою столицу. Въ новой Шамахъ остался теперь только одинъ козацій постъ, на которомъ мы и ночевали.

Проѣхавъ верстъ 7 равниной, мы стали подыматься на крутыя горы, отдѣляющія новую Шамаху отъ старой;— переѣздъ былъ не великъ, но лошади такъ пристали, что едва къ вечеру мы прибыли на станцію. — Обширная и богатая сія равнина простиралась у подошвы горъ за нами; горизонтъ ея сливался съ небомъ; горы, на которыя подымались; множество Армянскихъ селеній, разбросанныхъ по ущеліямъ и вершинамъ, — народъ вездѣ на жатвѣ и селенія, со всѣхъ сторонъ обставленныя скирдами хлѣба представляли прелестную и богатую картину. Это та самая обширная и плодоносная равнина, которая славится своимъ Шамаханскимъ шелкомъ, въ столь великомъ количествѣ по всюду развозимымъ.

Іюля 4

Старая Шамаха или Когнашаръ (т.е. Кегнешееръ, что значитъ древній городъ) величественно открывается взору; не далеко отъ онаго видны обширныя и великолѣпныя развалины; бани, мечети, палаты, крѣпость еще и до сихъ поръ внушаютъ уваженіе къ строителю сей древней столицы. Дворецъ Ханской лежитъ на высотѣ и возносится надъ сими памятниками древности. Почтовой дворъ расположенъ въ прекрасно выстроенномъ Керванъ-Сараѣ. Цитадель находится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ крѣпости; въ ней подѣланы глубокія пещеры, въ которыхъ, по преданіямъ стариковъ, погребена съ богатыми сокровищами какая то Царь-Дѣвица Лютра строительница сей Цитадели. Увѣряютъ, что Мустафа посылалъ людей своихъ отрывать оныя, но будто бы Дѣвица не допустила до сего. — Мнѣ нельзя было идти въ сіи пещеры по причинѣ позднаго времени, но по возвращеніи своемъ намѣревался непременно ихъ посѣтить.

Мы выѣхали изъ старой Шамахи, и проѣхали двѣ станціи до глубокой балки (такъ называется козацій постъ, расположенный въ безводной и неплодной степи) гдѣ мы ночевали. Страна здѣсь принимаетъ совершенно другой видъ: степь, горы, изрѣдка кочевья, представляются взору среди остатковъ селеній, зданій и городовъ.

Іюля 5

На другой день прибыли мы на Арбатской постъ, расположенный въ весьма исправной и хорошо выстроенной крѣпостцѣ. Мы застали на ономъ фуру свою съ подарками, отправленную впередъ изъ Елисаветополя, и нагнали опять войсковаго старшину Табунщикова, которой, минуя Баку,¹ шель прямо на Кубу.

Сдѣлавши 30 верстъ, мы пріѣхали въ Баку. Поднявшись на высоту, не доѣзжая города, увидѣли мы крѣпость, море и суда. Городъ

6

¹ Настоящее названіе *Бадку* по Персидски *Бадъ* значитъ *вѣтръ а Ку* — *гора, Бадку же горный вѣтръ*.

Баку окружёнъ двойной крѣпостной стѣной съ башнями, амбразурами и орудіями. Онъ имѣетъ видъ величественный и обширенъ; окрестности онаго гористы и совершенно голы, крѣпость нуждается въ водѣ и дровахъ; вообще положеніе ея совсѣмъ не выгодно. Улицы въ ней узки, строенія высоки, но довольно опрятны. Жителей много, базаръ порядочный, Керванъ-Сараи хороши. Баку ведетъ значительную торговлю съ Астраханью. Въ пристани обыватели строятъ суда, которыя однакожь ходятъ не далѣе береговъ Гинлянскихъ. Въ Баку на берегу моря построена высокая башня называемаяся дѣвичей, по рассказамъ жителей она получила сіе названіе отъ слѣдующаго происшествія: въ древнія времена одинъ изъ владѣтельныхъ Хановъ Бакинскихъ влюбившись въ свою дочь, хотѣлъ на ней жениться. Долго она ему сопротивлялась — но наконецъ дала притворное согласіе, съ тѣмъ чтобы отецъ ей выстроилъ высокую башню на берегу моря, въ которой хотѣла скрыть позоръ свой; Ханъ выстроилъ башню въ весьма короткое время; дочь повела его на самой верхъ, и указывая ему вышину оной, когда онъ наклонился, свергнула его въ море и сама за нимъ кинулась.

Суда наши уже давно были готовы, мы запаслись всѣмъ нужнымъ и взяли съ собой изъ Бакинскаго гарнизона 30 человѣкъ съ офицеромъ. Пономаревъ взялъ къ себѣ въ письмоводители Титулярнаго Совѣтника Полетаева.

Мы познакомились съ комендантомъ Бакинскимъ Лейб-Гвардіи Кирасирскаго полка Полковникомъ П. М. Меликовымъ и съ морскими офицерами, назначенными слѣдовать съ нами въ море. Для экспедиціи нашей изготовлено было два судна, изъ коихъ первое корветъ Казань 18 пушечной въ 1818 году пришедшій въ Баку изъ Астрахани, на немъ прибылъ Лейтенантъ А. В. Коробка но при отправленіи нашемъ поступилъ на мѣсто его Лейтенантъ Г. Г. Бассаргинъ. — Другое судно было Шкоутъ купеческой св. Поликарпа; онъ не былъ вооруженъ и назначенъ только для перевозу нашей команды и всей излишней тягости. Имъ начальствовалъ Лейтенантъ А. Ф. Остолоповъ. Общество морскихъ чиновниковъ нашего корвета состояло изъ Лейтенанта Бассаргина, двухъ Мичмановъ Юрьева и Иванова, Священника, Лѣкаря Формицына, Артиллерійскаго Лейтенанта Линицкаго, Штурмана и Шкипера; всей команды на немъ было 160 человѣкъ.

Іюля 7

Въ вечеру морскіе офицеры пригласили насъ на корветъ, откуда поѣхали къ домику, на берегу лежащему, называющемуся *Морскими Банями*.

8

Мы плыли мимо развалинъ большаго Керванъ-Сарая скрытаго подъ водой въ разстояніи полуверсты отъ берега; изъ воды показываются только однѣ башни. Неизвѣстно, когда и какъ сіе зданіе погрузилось въ море; надобно полагать, что сіе произошло отъ землетрясенія. Глубины въ семъ мѣстѣ, до трехъ сажень; здѣсь замѣчено что каждые тридцать лѣтъ море перемѣняетъ свои берега

значительною прибылью или убылью;¹ весь край сей заслуживаетъ особенное вниманіе по горючему и нефтеному свойству земли и по большимъ развалинамъ зданій, коихъ вездѣ много, и которыя могутъ служить для историческихъ изслѣдованій.

Въ вечеру Шкоутъ св. Поликарпа отправился на островъ Сару съ высадной командой для заготовленія дровъ и воды.

Іюля 13

Мы перебрались совершенно на корветъ и 18 въ 6 часу вечера снялись съ якоря, направивъ путь свой къ острову Сара. Вѣтеръ былъ N. и довольно свѣжій; плаваніе наше началось очень успѣшно. (Сколько я не перемогался, но не могъ избѣгнуть общаго недуга сажаящихся въ первый разъ на морскія суда. Ночью вѣтеръ утихъ; мы штилевали, а къ разсвѣту поднялся S. О, по которому 19 числа весь день ловировали и подвинулись впередъ очень мало.

17

Ночью сдѣлался штиль и мы стояли 2¹/₂ часа на якорѣ; поутру открылся намъ островъ Сара, и въ 12 часу мы бросили якорь въ рейдѣ. Сошедши на берегъ, обѣдали у командира Эскадры Капитанъ Лейтенанта С. А. Николаева. Островъ Сара имѣетъ видъ полу-мѣсяца и простирается почти на 8 верстъ съ длину; грунтъ его ракуша, на которой Русскіе поселились, обстроились и насадили ивняку; большая же часть острова покрыта камышемъ. Прежде не было даже на Сарѣ прѣсной воды и во всѣхъ колодезяхъ вода отзывалась солью; но поселянцы подѣлали въ нихъ срубы и отъ частаго вычерпыванія она очистилась.

20

Шкоутъ Поликарпа прибылъ въ Сару за два дни до насъ, въ немъ оказалась довольно сильная течъ.

21

Шкоутъ Поликарпа отправился въ Ленкоранъ, (крѣпость сія отстоятъ отъ Сары въ 15верстахъ) для запасенія себя дровами. До 24 мы простояли на якорѣ; во все продолженіе сего времени дождь не переставалъ.

Въ 7 часовъ мы снялись съ якоря при свѣжемъ N. О. Плаваніе наше продолжалось почти до полуночи, мы шли очень скоро, такъ что съ симъ вѣтромъ могли бы надѣяться на другой день увидѣть Туркменскій берегъ; но вѣтръ совершенно утихъ, и мы не больше 1¹/₂ и 2 узловъ въ часъ уходили (отъ 2 до 3 верстъ). Два дни сряду продолжалась тишина, но проливной дождь не переставалъ, на третьи только сутки къ вечеру погода прояснилась, ночь была прекрасная, зыбь совсѣмъ унялась и сдѣлался штиль; мы подвигались по 1¹/₄ узла въ часъ.

24

Намѣреніе наше было приплыть къ *серебряному бугру*, о которомъ прежде слышали, но никому изъ морскихъ нашихъ, берега сіи не были извѣстны.

Мы увидели Туркменской берегъ, на которомъ возвышался бугоръ; мы приняли его за такъ называемый *Бѣлой* или *Ахъ-тепе*; онъ имѣетъ видъ продолговатый и направленіе къ N. О. окончность его

28

¹ О семъ Керванъ-Сарафъ упомянуто въ описаніи Каспійскаго моря Соймонова, сдѣланномъ во время экспедиціи Петра Великаго къ симъ берегамъ.

прилежащая къ берегу, менѣ высока; мы легли на якорѣ верстахъ въ 7 отъ берега на глубине 4¹/₂ сажень. Смотри съ Марса въ зрительныя трубы, намъ казалось, что видѣнное нами были прибрежныя кибитки Туркменовъ, и по-сему предположили на другой день высадить меня на берегъ для обозрѣнія страны, а Армянина Петровича отправить для приведенія къ намъ жителей.

Спустили съ Корвета 12 весельный баркасъ, вооружили его 12 фунтовой коронадой, двумя фалконетами и 6 ружейными матросами; всего насъ было на баркасѣ 24 человекъ, и какъ мы полагали въ тотъ же вечеръ возвратиться, то и взяли съ собой сухарей и воды только на одинъ день. Проплывъ на веслахъ часа полтора, мы бросили дрекъ саженьхъ въ 30 отъ берега по причинѣ малой глубины, и перенесли на оной ружья и платья; на берегу саженьхъ въ 10 отъ воды были вѣтромъ нанесенные песчаные бугры, покрытые кустарникомъ; взойдя на одинъ изъ нихъ, я увидѣлъ въ трубу, что мнимой бѣлой *бугоръ* есть цѣлая гора, которая должна зависѣть отъ другой цѣпи горъ; она лежала верстахъ въ 10 отъ насъ, и казалась отдѣленною моремъ; и такъ мы полагали себя на острову.¹

Іюля 29

Я предполагалъ сперва идти отъ сего мѣста къ Севѣру для отысканія залива или *култука*, въ которомъ скрываются Туркменскіе *киржимы*²; но по словамъ артиллерійскаго унтеръ-офицера Добрычева, Петровича и одного матроса Агѣева, которые прежде здѣсь бывали, рѣшился я искать залива сего Южнѣ, подвигаясь къ Астрабаду, полагая также найти рѣку въ той сторонѣ; почему и пошелъ вдоль берега съ четырьмя матросами и Петровичемъ, а Лейтенантъ Юрьевъ равнялся съ нами на Баркасѣ, въ которомъ находились остальные люди. Однако прежде похода, вырыли мы на семъ мѣстѣ колодезь, коего вода оказалась соленою. Прошедши по берегу версть 15 по слѣдамъ верблюжимъ, коннымъ и босыхъ ногъ, увидѣли за кустами шесть, на коемъ навязанъ былъ флюгерокъ, по сему признаку предполагалъ я, что здѣсь долженъ быть Туркменской Киржимъ и сталъ продираться къ нему чрезъ кусты, но вмѣсто того увидѣлъ песчаной бугоръ, на которомъ собрано было множество сухихъ прутьевъ и посреди ихъ стоялъ высокой шесть съ флюгеромъ; неудача сія меня очень огорчила, я безуспѣшно мучился цѣлой день въ пескѣ на солнце. Въ три часа по полудни рѣшился уже возвратиться на корветъ, оставя Петровича на берегу для отысканія кочевья Туркменскаго. Мы собрались, но вдругъ сильный вѣтръ поднялся съ моря; отплывъ съ полверсты отъ берега, мы не могли идти далѣе, волна заливала насъ, Юрьевъ предлагалъ воротиться; я рѣшился, и мы опять

¹ Я послѣ узналъ, что кажущееся намъ море была соленая степь, или высохшее соленое озеро, на поверхности коего охристаллизованная соль сверкая отъ солнца сквозь волнующіеся пары, произведенные теплотой или сгущеніемъ воздуха, представляла изъ дали образъ воды.

² Слово сіе происходитъ отъ *Кириджи*, что значитъ на Турецкомъ языкѣ *плоскодонная лодка*.

привалили къ берегу на ночлегъ. Сильной вѣтеръ сей, или бурунь меня очень беспокоилъ тѣмъ более, что онъ могъ продлиться цѣлую недѣлю, а мы были безъ хлѣба и безъ воды; къ тому жъ мы опасались внезапнаго нападенія отъ Туркменовъ; для чего вытащивъ оба Фалконета на берегъ, заняли два бугра, обвелись цѣпью, и такимъ образомъ расположились ночевать. Песокъ засыпалъ намъ глаза и уши; ночью мы чередовались съ Юрьевымъ, обхаживая часовыхъ, и развели большой огонь, чтобы дать о себе извѣстіе на корветѣ. Я вырылъ еще два колодца, но вода въ нихъ была такъ солона, что не возможно было ее пить. Въ вечеру Петровичъ возвратился къ намъ, не нашедши ни одной живой души. Такимъ образомъ мы провели всю ночь въ пескахъ, усталые и томимые сильной жаждой.

Положеніе наше часъ отъ часу становилось непріятнѣе. Бурунь не уменьшался, сухари приходили къ концу, жажда усиливалась, люди стали даже употреблять морскую воду, обмакивая въ нее остальные сухари свои. Мы были въ крайности; я рѣшился идти въ степь къ видѣннымъ въ дали буграмъ, въ надеждѣ найти кочевье или прѣсную воду. Приказавъ Юрьеву передвинуть лагерь ближе къ берегу; собраться болѣе въ кучу и оставить только одинъ передовой пикетъ, я пошелъ, какъ вдругъ увидѣли мы, что Баркасъ нашъ совсѣмъ затопило. Все бросились въ волны. Каронада оставалась на Баркасѣ, ее выбросили за бордъ, и судно съ трудомъ всталили на берегъ; оно было нѣсколько повреждено. Послѣ сего я вооружился, и пошелъ въ степь съ Артиллерійскимъ Унтеръ-Офицеромъ, Петровичемъ, 4 ружейными матросами и двумя лопатниками, рѣшившись достигнуть дальнихъ береговъ. Мы шли версты четыре сыпучими песками и измучились, какъ вдругъ стали вязнуть и очутились по колѣно въ черной иловатой землѣ среди обширнаго высохшаго соленого озера. Тутъ я увѣрился въ оптическомъ обманѣ, производимомъ сими озерами, сколько разъ казалось мнѣ видѣть вдали воду и людей на берегу ея; но приближившись встрѣчали кусты и вязнулъ во мнимыхъ заливахъ. Должно было возвратиться, на обратномъ пути я еще вырылъ три колодца, но вода вездѣ была соленая. Тутъ я испыталъ средство, слыханное мною въ Персіи, для скорѣйшаго скопленія воды въ колодцахъ стрѣлять въ оныя; средство сіе хорошо удалось, но не доставало желаемой прѣсной воды. Возвратившись къ берегу, и не находя ни какихъ болѣе способовъ добыть воды, я рѣшился *сидѣть у моря, и ждать погоды.*

Наконецъ море начало утихать, и мы предположили въ вечеру, облегчивъ Баркасъ, отправить его къ корвету съ унтеръ-офицеромъ Шапочниковымъ и 12 гребцами.

Съ восхожденіемъ луны Баркасъ былъ отправленъ; я написалъ записку къ Пономареву, прося его прислать намъ средства къ продовольствію, прибавивъ, что въ случаѣ какого либо нещастія, отправимся пѣшкомъ въ Астрабадъ. До полдня Баркасъ возвратился, намъ прислали продовольствія только на одинъ завтракъ, и

Іюля 30

31

Пономаревъ чрезъ письма просилъ меня возвратиться. Море къ тому времени стало тише, мы нагрузили Баркасъ и по двухъ или трехъ часовомъ плаваніи прибыли къ корвету.

По сдѣланнымъ наблюденіямъ высоты солнца оказалось, что мы стояли подъ 37°. 24' 37". Севѣрной широты. По картѣ Графа Войновича, приложенной въ описаніи его путешествія къ симъ берегамъ, должно было полагать, что мы точно передъ бѣлымъ бугромъ, а по картѣ, которой слѣдуютъ мореходцы, мы стояли гораздо Севернѣе, и потому заключали, что находимся у *зеленаго бугра*. Намъ болѣе въ семъ послѣднемъ мнѣніи удостовѣряло то, что Астробадскихъ горъ не было видно, почему и рѣшились спускаться къ Югу для отысканія *бѣлаго бугра*, и въ тотъ же вечеръ снялись съ якоря. Вѣтеръ былъ почти противный и потому очень медленно подвигались.

Въ Воскресенье поутру во время обѣдни сказали намъ, что три киржима Туркменскихъ показались около береговъ; мы вышли на палубу и увидѣли ихъ 10, они плыли на парусахъ къ Севѣру. Намъ надобно было хотя одинъ изъ нихъ остановить, и потому сдѣлали холостой выстрѣлъ изъ коронады: но они, не понявъ нашего знака спѣшили уплыть; по нимъ пустили два ядра, которыя не долетѣли, наконецъ спустили шестерку съ вооруженными людьми, и Петровичемъ; шестерка едва успѣла отрѣзать дорогу послѣднему Киржиму, которой, видя себя захваченнымъ, привалилъ къ берегу. Народъ находившійся на ономъ, въ числѣ 5 мужчинъ и 3 женщинъ разбѣжался въ кусты; наши выбрались на берегъ; Петровичъ остановилъ одного Туркменца, и увѣрилъ его въ дружескихъ нашихъ расположеніяхъ; народъ возвратился изъ кустовъ и просилъ помилованія; ихъ увѣрили, что имъ нечего опасаться, и, отпустивъ прочихъ, взяли съ собою одного только хозяина Киржима, онъ назывался Девлетъ Али; шестидесяти-лѣтній старикъ сей былъ изъ почетнаго сословія. Сколько мы ни старались обласкать и угостить его, но онъ не довѣрялъ намъ, полагая себя въ плѣну, былъ грустенъ и ожидалъ несчастной участи. По сдѣланнымъ распросамъ оказалось, что мы прибыли точно къ *бѣлому бугру*, и что *серебряной бугоръ* лежитъ нѣсколько Южнѣе.

Кочевье сихъ Туркменовъ находится между двумя вышеупомянутыми буграми на берегу моря; оно называется *Гассанъ Кули*¹, и въ ономъ живетъ самъ старшина *Кіатъ Ага*, бывшій въ 1813 году посланникомъ у Генерала отъ Инфантерій Ртищева. Стада Туркменовъ пасутся около серебряннаго бугра; не взирая на отдаленность пастбищъ, они избрали сіе мѣсто для кочевья своего по удобству для Киржимовъ, на коихъ основана вся ихъ промышленность; водой же довольствуются изъ рѣки *Гюргенъ гай*², впадающей у серебрянаго бугра въ море; она течетъ въ разстояніи

Августа 1

¹ Слуги Гассана.

² Чай по Турецки значить *рѣка*.

полсутокъ езды отъ ихъ селенія. Отъ *Гюргенъ гая* до Астрабада одинъ день ѣзды; на семь разстояніи находится еще одна рѣчка *Кодже Нефесъ*¹. Девлетъ Али говорилъ мнѣ о многихъ развалинахъ большихъ городовъ, лежащихъ въ Туркменіи, между прочимъ объ одномъ при серебряномъ бугрѣ, коего построеніе Туркмены приписываютъ Искендеру или Александру Македонскому². Султанъ Ханъ или Джадукяръ³, о которомъ Петровичъ намъ часто говорилъ, находился уже въ Хивѣ, куда онъ бѣжалъ отъ Персіянъ по прекращеніи войны въ 1813 году. По отвѣтамъ Девлетъ Али мнѣ казалось, что Туркмены не имѣютъ общаго верховнаго владѣтеля; но что они раздѣлены на поколѣнія, изъ коихъ каждое имѣетъ своего старшину.

Девлетъ Али не могъ назвать мнѣ болѣе 5 таковыхъ старшинъ, а говорилъ, что ихъ въ Туркменіи много. Онъ увѣрялъ меня, что Хивинцы были всегда въ большой дружбѣ и въ частыхъ сношеніяхъ съ ними, и что отъ нихъ до Хивы конному человѣку 15 дней ѣзды. Болѣе свѣдѣній мы не могли отъ него отобрать. Онъ чрезвычайно безпокоился, видя себя среди чужихъ, и желалъ скорѣе вытти на берегъ, обѣщаясь прислать Кіатъ Агу; сіе понудило насъ бросить якорь противъ того места, гдѣ по словамъ его, находилось кочевье. Малая глубина заставила насъ остановиться такъ далеко отъ берега, что нельзя было видѣть твердой земли.

Въ вечеру на общемъ совѣтѣ Пономаревъ положилъ высадить на берегъ Девлетъ Али съ Петровичемъ и ожидать противъ серебрянаго бугра прибытія ихъ съ Кіатомъ. У сего бугра, мы надѣялись заpastись водою, ближе стать къ берегу, и слѣдственно имѣть удобнѣйшія сношенія съ Туркменами, и отыскать мѣсто для построенія предполагаемой пристани.

Мы простояли до вечера на якорѣ, ожидая тихой погоды для отправленія Петровича съ Девлетъ Алиемъ; но передъ вечеромъ рѣшились итти къ серебряному бугру, откуда я намѣревался уже отправиться въ Хиву.

Августа 2

Ночью видѣли мы два зарева, которыя по словамъ Девлетъ Али происходили отъ горящей сухой травы. Мы легли на якорь въ ожиданіи утра.

Снявшись съ якоря прибыли въ 7 часовъ утра къ серебряному бугру. Шкоутъ, отправившійся прежде насъ изъ Сары, находился тамъ уже три дни. Командиръ онаго Лейтенантъ Остолоповъ немедленно прибылъ къ намъ, и привезъ съ собою Назаръ Мергена, старшину кочевья, расположеннаго при семь бугрѣ. Наружность его пріятна, но, кажется, нравъ его несоотвѣтствуетъ оной. По сдѣланнымъ нами

Августа 3

¹ *Дыханіе коджи*, коджа есть названіе даваемое тѣмъ изъ мусульмановъ, которые ѣздятъ на поклоненіе ко гробу пророка въ Мекку.

² Обыкновенная ссылка Азіатцовъ въ рассказахъ о развалинахъ, о коихъ изустнаго вѣрнаго преданія не имѣютъ.

³ Вѣщій.

распросамъ, узнали, что въ семь Ауле¹ заключается до 200 Туркменскихъ кибитокъ, которые имѣютъ здѣсь постоянное пребываніе. Они занимаются земледѣліемъ, и, кажется, живутъ въ довольствѣ. Мы угостили Назаръ Мергена, онъ взялся доставить Петровича къ Кіатъ Агѣ, находившемуся въ то время на ярморкѣ, или на торгахъ съ Персіанами. Кіатъ весьма значительная особа у Туркменовъ; ему повинуются нѣсколько старшинъ; (когда имъ вздумается повиноваться ибо они говорятъ что Богъ одинъ ихъ начальникъ, и питаютъ не примиримую вражду къ Персіанамъ).

Вскорѣ наѣхало къ намъ челоѣкъ восемь гостей, которыхъ мы накормили пловомъ и старались угостить; но когда дѣло дошло до отправления Петровича къ Кіату, то Назаръ Мергенъ, согласившійся прежде проводить его за три червонца, сталъ отказываться, и просилъ пять а наконецъ и десять; Пономаревъ, выведенный изъ терпѣнія; отослалъ всѣхъ съ Корвета кромѣ Назаръ Мергена, который однакожъ не согласился сего исполнить, ссылаясь на Девлетъ Али. Девлетъ же Али охотно взялся; ему сдѣлали ничтожный подарокъ, возбудившій зависть въ Назарѣ, послѣднему послѣ подарили 2 кремня и фунтъ пороху, и въ тотъ же вечеръ Петровичъ отправился. Вообще простота нравовъ Туркменовъ не соотвѣтствуетъ привязанности ихъ къ деньгамъ.

Серебряной бугоръ имѣетъ видъ небольшого возвышенія, на которомъ, какъ говорятъ Туркмены, еще видны развалины бывшаго города; они называютъ его *Гюшимъ-Тепе*. По сдѣланному мною наблюденію я нашелъ широту сего бугра 37°—5'—22",82.

Поутру я поѣхалъ на Шкоутъ, откуда отправился на бударкѣ съ Остолоповымъ для изслѣдованія и обозрѣнія рѣки *Гюргенъ гая*, коей устье находится верстахъ въ 3 южнѣ серебрянаго бугра. Шкоутская лодка вооруженная двумя фалконетами, пушкой и десятью солдатами, слѣдовала за мной; не доходя версты или двухъ до берега, лодка принуждена была остановиться за недостаткомъ глубины. А бударку накренили и матросы притащили на себѣ почти до самаго берега; тутъ мы пересѣли въ обывательской *куласѣ*, (или выдолбленное дерево), которой также люди на себѣ привезли въ устье рѣки. На немъ поднялись мы около двухъ верстъ вверхъ по оной.

Рѣчка Гюргенъ окружена болотами, дно ея вязко, ширина отъ трехъ до шести сажень, берега низки, топъ продолжается далеко въ обѣ стороны, и заросла травой, имѣющею аршина полтора вышины; вкусъ воды нѣсколько солонъ, запахъ болотной, теченіе очень слабое, лѣтомъ часто пересыхаетъ, но никогда не бываетъ совершенно безъ воды. Поднявшись по ней около двухъ верстъ, я нашелъ Бакчу или поле Туркменовъ. Въ семь мѣстъ рѣчка имѣетъ болѣе сажени глубины, берега ее повыше и сухи; но сухобрегіи перешеекъ сей не имѣетъ болѣе ста или двухъ сотъ сажень, далѣе рѣчка опять течетъ болотомъ. Въ

Августа 4

¹ Селеніе.

семь мѣстѣ есть бродъ, чрезъ которой жители перегоняють стада свои на пастбище, и ѣздятъ въ Астрабадъ. Отсюда серебряной бугоръ былъ хорошо видѣнъ, онъ лежалъ на 33° N. W. въ трехъ верстахъ отъ брода. Продолживъ свои изслѣдованія сообразно съ цѣлью поездки, нашелъ я около сего мѣста нѣсколько Туркменовъ, съ которыми около двухъ часовъ разговаривалъ; они звали меня въ Ауль, но я отложилъ посѣщеніе до другаго дня. Они изъявляли мнѣ общее желаніе соотечественниковъ своихъ чтобы Русскіе возобновили раззоренную крѣпость на серебряномъ бугре, и тогда, говорили, они — «Мы Персіянамъ отомстимъ за ихъ грабежи; наши Туркменскія головы глупы, мы хотѣли бы сами построить крѣпость, но не умѣемъ,— по общему зову у насъ войска собирается больше 10,000 тогда мы бьемъ Персіянъ; пять лѣтъ тому назадъ мы разбили ихъ *Сардарей*¹ неподалеку отъ сего мѣста, и много набрали скота.» Не желаете ли вы имѣть орудія отъ насъ? спросилъ я, они очень обрадовались, и смотря другъ на друга щелкали языкомъ, изъявляя удовольствіе. Съ Хивой они имѣютъ частыя сношенія и увѣряютъ что пять или шесть человѣкъ вмѣстѣ безопасно могутъ туда ѣздить. Хива, по словамъ ихъ, обширный городъ, коего владѣтельный Ханъ имѣетъ большія сокровища.

Туркмены въ семь мѣстѣ обрабатываютъ землю, которая очень хлѣбородна, скотоводство у нихъ очень значительно. Они сами дѣлаютъ порохъ, и, кажется, нуждаются только въ издѣліяхъ искусственныхъ. Лѣсъ лежитъ отъ рѣчки верстахъ въ пятнадцати, и далѣе простирается къ Астрабаду. По словамъ ихъ онъ обширенъ и годенъ къ строенію.

Они сказали мнѣ, что на канунѣ видѣли Петровича, отправившагося къ Кіату на Киржимѣ въ сопровожденіи Девлетъ Али и двухъ жителей ихъ Аула. Проведши съ ними около двухъ часовъ, я приказалъ втащить бударку въ верхъ по рѣчкѣ и въ вечеру на ней возвратился къ корвету.

По утру была послана съ Шкоута лодка за Назаръ Мергеномъ и главнейшими особами Аула. Къ обѣду на ней прибыли къ Корвету одинъ изъ старшинъ по имени Девлетъ Али Ханъ. Назаръ Мергенъ старался отклонить насъ, чтобы за нимъ не посылали во ожиданіи получить подарокъ назначенный для него. Ханъ же сказалъ, что онъ для того прежде не пріѣхалъ, чтобы не нарушить обычая, запрещающаго Ханамъ ѣздить въ гости безъ зову; настоящая же причина та, что онъ не смѣлъ вступить въ сношеніе съ нами, опасаясь Персіянъ, отъ которыхъ былъ жалованъ Ханомъ. Девлетъ Али Ханъ умнѣ другихъ Туркменовъ, онъ служилъ въ войскѣ Ага Магомедъ Хана, и былъ на разграбленіи Тифлиса.² Нынѣ онъ оставилъ Фатъ Али

Августа 6

¹ *Сардаръ*, по Персидски *глава двери*, значитъ главнокомандующій пограничною областію или войскомъ — Туркмены называютъ симъ именемъ храбрѣйшихъ наѣздниковъ своихъ.

² Въ 1792 году.

Шаха¹ и быть принятъ въ своей родинѣ Старшиною. Впрочемъ мы отъ него не много болѣе нежели отъ другихъ узнали; онъ также не признаетъ особой власти надъ Туркменами, и, кажется, болѣе расположенъ къ Персіянамъ нежели къ Русскимъ. Онъ назвалъ еще нѣсколько главныхъ старшинъ, въ числѣ коихъ помѣстилъ себя, Кіать Агу изъ Аула Гассанъ Кули, Таганъ Кулиджъ Хана изъ селенія Герей, Тепе Мирза Хана изъ того же селенія, Коджамъ Кулибая и Таганъ Кази изъ кочевья Атрека.

Рѣка Атрекъ течетъ въ двухъ миляхъ Сѣвернѣе, Аулы расположены по симъ двумъ рѣкамъ; на Гюргенѣ по всему теченію видны развалины городовъ и крпостей. Пономаревъ написалъ къ помянутымъ особамъ пригласительныя письма, и, подаривъ Хану кусокъ парчи, вручилъ ихъ ему для доставленія; Назаръ же Мергенъ остался залогомъ на Корветѣ. Онъ между тѣмъ пересказалъ намъ слова Девлетъ Али Хана, что Туркмены полагаютъ, будто бы къ нынѣшней осени прибудетъ сюда множество кораблей нашихъ съ войскомъ и пушками, чего они очень боятся.

Того же числа прибылъ къ намъ Петровичъ съ Кіать Агою. Онъ умнѣ соотечественниковъ своихъ и также не признаетъ никакой верховной власти. Туркменами управлялъ нѣкоторое время Султанъ Ханъ, бѣжавшій послѣ въ Хиву, опасаясь Персіянъ; онъ впрочемъ не имѣлъ никакихъ особенныхъ правъ на управленіе, и начальствовалъ ими потому, что былъ умнѣ прочихъ. Онъ, кажется, былъ родомъ съ предѣловъ Китая или Индіи, и занимался Магіею, почему и называли его Джадукяромъ.

Кіать Ага сначала не довѣрялъ намъ, и когда Пономаревъ объяснилъ ему цѣль нашего Правительства, онъ долго противился, но наконецъ сказалъ: «Естьли намѣренія ваши искренны, я опять готовъ служить вамъ; но вы гораздо болѣе успѣете въ *Челекенихъ*²; тамъ есть у меня родственники, и мѣсто на берегу удобнѣе для предполагаемаго вами построенія; оттуда до Хивы 15 дней ѣзды; тамъ и люди Султанъ Хана, съ которыми отправлю вашего Чиновника въ Хиву; я самъ готовъ съ вами въ Челекени ехать.» Я поѣхалъ на берегъ къ серебряному бугру, а оттуда пошелъ въ Ауль къ Девлетъ Али Хану въ гости, и увидѣлъ, что предполагаемой нами бугоръ есть ни что иное, какъ стѣна большаго зданія, съ Восточной стороны отъ степи пескомъ занесенная, отъ чего и кажется издали бугромъ.

На семъ наносномъ пескѣ у жителей разведена не большая бакча. Отъ стѣны къ морю видны еще развалины многихъ строеній. Отъ сего мѣста до Аула болѣе полуверсты: я оставилъ прикрытіе свое изъ 12 человѣкъ состоящее за селеніемъ, а самъ пошелъ къ Хану, которой меня принялъ очень ласково. Множество народа собралось въ

¹ Царствующій теперь Шахъ въ Персіи.

² Отъ слова *гелекъ*. по переводу бочка, Челекенью называется островъ Нефтяной, съ котораго Туркмены добываютъ Нефть или земляную смолу въ бочкахъ.

его кибитку, жена его тутъ же присутствовала; онъ угощалъ меня кислымъ верблюжьимъ молокомъ и хлѣбомъ, и просилъ ввести солдатъ въ Ауль, я удовлетворилъ его желаніе.

Мирза Ханъ, къ которому Пономаревъ послалъ письмо, былъ уже въ Ауль, онъ навѣстилъ меня у Девлетъ Али Хана, и хотѣлъ со мной ѣхать на Корветъ; но послѣ раздумалъ, говоря что дождется прибытія прочихъ трехъ званыхъ особъ. Ханъ просилъ меня показать ему какъ наши солдаты ружьями играютъ. «Мы слышали отъ стариковъ, говорилъ народъ, что Русскіе такъ выучены, что когда одинъ топнетъ ногой, то и 300 человекъ разомъ топнутъ, и желали бы сіе видѣть.» Я сдѣлалъ маленькое ученіе съ пальбою, которому они чрезвычайно удивлялись.

Кибитки Туркменовъ сдѣланы на подобіе Татарскихъ въ Грузіи, жерди или чубухи обводятся камышевымъ плетнемъ, и покрываются войлоками. Женщины ихъ не скрываются; черты лица ихъ пріятны и довольно нѣжны, одежда ихъ состоитъ изъ цвѣтныхъ широваръ, длинной красной рубашки и головного убора, подобнаго Русскимъ кокошникамъ, только вдвое или втрое выше. Кокошники убраны, по состоянію мужа, золотомъ или серебромъ, волосы на лбу видны, расчесаны очень опрятно на двѣ стороны, и заплетены сзади въ длинную косу.

Поутру я отправился опять къ серебряному бугру съ заступами, ломами и рабочими людьми; мнѣ хотѣлось найти въ развалинахъ какую нибудь монету, по которой бы могъ заключить о древности бывшаго Города. Надобно было отвести вниманіе Туркменовъ; для чего я и высадилъ на берегъ не большую команду, съ Офицеромъ и барабанщикомъ, которая пошла въ Ауль учиться, а самъ я началъ свои изысканія.

Августа 7

До сихъ поръ еще не могу себѣ точно объяснить сихъ развалинъ; серебряной бугоръ, какъ выше сказано, есть наружная стѣна большаго зданія или крѣпости, занесенная пескомъ съ Восточной стороны; но въ самой сей стѣнѣ я нашелъ могилы и отрылъ нѣсколько оставовъ человеческихъ, похороненныхъ по мусульманскому обряду; то есть: положенныхъ бокомъ, и головой къ Сѣверо-Востоку. Я полагаю, что тела сіи позднѣйшаго времени и похоронены Туркменами. Стѣна, о которой я упоминалъ, имѣетъ около 100 сажень въ длину и болѣе 2 въ вышину, она построена изъ хорошаго сженаго кирпича, въ стѣнѣ послѣ каждыхъ трехъ рядовъ кирпичей, похожихъ на Грузинскіе¹, находится рядъ изъ кирпичей на подобіе употребляемыхъ въ Россіи; подъ стѣной нашелъ я не большой сводъ, въ которомъ рылся; но кромѣ разбитаго посуднаго стекла и угля ничего не отыскалъ.

Отъ сей стѣны сажень на 70 въ море вдается мысъ, которой кажется мнѣ, искусственной; ибо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашелъ я стѣны домовъ, круглыхъ башенъ и площадки, выложенныя весьма

¹ Имѣющихъ въ толщину не болѣе вершка, а въ бокъ квадратнаго основанія вершковъ пять.

правильно изъ большаго квадратнаго кирпича, имѣющаго въ бока полъаршина. Мѣсто сіе завалено обломками кирпичей, которые простираются даже по дну моря на разстояніи 30 или 40 сажень; но меня удивило, что остатки сіи не имѣютъ вида развалинъ; стѣны ни мало не возвышаются надъ горизонтомъ, и одна другой не выше, но какъ будто бы ровно срѣзаны, и потому я заключилъ, что зданія сіи провалились отъ землетрясенія, на подобіе Керванъ Сарая, находящагося въ Бакинскомъ Рейдѣ, и что я ходилъ не по низу ихъ, а по крышкѣ. Жители находили тутъ много серебряныхъ и золотыхъ монетъ, и говорятъ что будто бы крѣпость сія построена Русскими¹, которые прежде владычествовали на семъ берегу. Я разрывалъ внутренность одной изъ круглыхъ башенъ, но не нашелъ ничего, кромѣ множества битой стеклянной и каменной посуды; форма одного штофа, коего нашли горлышко съ плечами, совсѣмъ не похожа на форму Русскихъ штофовъ. Я бы продолжалъ поиски свои, и дорылся бы до основанія сей башни; еслибъ сильной жаръ не утомилъ работниковъ.

Читая путешествіе Россійской Эскадры подъ командою Графа Войновича въ Астрабадъ и по Восточному берегу Каспійскаго моря въ 1782 году, я нашелъ описаніе серебряннаго бугра совершенно несогласнымъ съ тѣмъ, что самъ видѣлъ; тамъ сказано что серебряной бугоръ есть островъ: острова нѣтъ. Не должно ли думать, что такъ какъ въ семъ море берега часто измѣняются отъ прибавленія или уменьшенія воды, то и сія перемѣна отъ сего же случилась съ 1782 года.

Серебряной бугоръ, по словамъ Кіата и другихъ Туркменовъ, точно былъ островъ, и не болѣе пяти или шести лѣтъ соединился съ твердой землей.

Я отправился рано поутру на берегъ съ Кіатомъ для произведенія съемки на серебряномъ бугрѣ; снялъ, сколько возможно, компасомъ отъ бугра до рѣки Гюргена, и, поднявшись нѣсколько вверхъ по оной, нашелъ другую рѣчку, текущую съ Сѣвера, и впадающую въ первую; вторая речка обросла съ береговъ камышемъ, и, по словамъ Кіата, течетъ по тому мѣсту, гдѣ прежде былъ рукавъ морской, отдѣлявшій серебряной бугоръ отъ твердой земли. Кіатъ предупредилъ меня, чтобы люди наши отправляющіеся за водой, были осторожнее, и не расходились; потому что Персіане подкупили

¹ (1) Вѣроятно они полагаютъ, морскимъ разбойникомъ Стенькой Разинымъ; но предположеніе сіе несправедливо; ибо извѣстно, что Разинъ никогда не бывалъ на Восточномъ берегу Каспійскаго моря. Серебряной бугоръ есть послѣдняя крѣпость стѣны, называющейся нынѣ *Кизимъ алалъ* или *золото добывающая*; по ней были крѣпостцы *Куру Сегри Джорданъ* и многія другія, коихъ развалины также, какъ и слѣды самой стѣны, еще по сіе время видны по всему правому берегу рѣки Гюргена. Преданія жителей не говорятъ о древности сей стѣны; но объ оной упомянуто въ *Bibliothèque Orientale d'Herbelot* какъ о границѣ царствъ Турана и Ирана (статья сія подробно изслѣдована въ замѣчаніяхъ моихъ о Туркменіи и Хиве).

Туркменовъ другихъ Ауловъ стрелять по насъ изъ за камышей.

Жаръ былъ несносный и я, кончивъ съемку свою часу во второмъ послѣ полдня, пошелъ отдыхать въ Ауль; Девлетъ Али Ханъ и потомъ Назаръ Мергенъ приняли меня очень ласково.

Августа 11

Кіатъ сказывалъ мнѣ, что бѣлой бугоръ, хотя и называется на Турецкомъ языкѣ *Ахъ-Тепе* но настоящее названіе его *Ахъ-Бартлаунъ*, что значитъ *бѣлое топкое мѣсто*; названіе сіе происходитъ отъ имени болотной травы, называющейся и по Русски *Бартлауномъ*. На горѣ сей, или бѣломъ бугрѣ, есть колодезь т: е: природная яма, въ которой вѣчно кипитъ съ большимъ шумомъ соленая вода.

Собрались на Корветъ Кіатъ, Девлетъ Али Ханъ, и Коджамъ Кули-бай главной старшина; а Мирза Ханъ и Таганъ Колиджъ Ханъ не прибыли; они присылали своихъ людей просить насъ, чтобы ихъ подождали; имъ хотѣлось избрать для сего удобнѣйшее время, дабы не навести подозрѣнія Персіянъ, которые за ними наблюдали¹.

Августа 17

Однакожъ Пономаревъ, не дождавшись ихъ, приступилъ къ дѣлу: онъ предложилъ симъ тремъ старшинамъ отправить Кіата посломъ къ Главнокомандующему, давъ ему полную довѣренность и снабдивъ его письмами².

Они съ радостію приняли наше предложеніе и хотѣли склонить къ сему всѣхъ старшинъ и самага *Кази* или верховную духовную особу, котораго, судя по словамъ ихъ, они почитаютъ за Царя всего Іомудскаго поколенія.

Кіатъ взялся согласить на наши предложенія протчихъ старшинъ Туркменскаго народа поколѣнія Іомудъ, въ чемъ онъ надѣялся успѣть въ теченіи четырехъ дней.

И такъ мы рѣшились, высадя его на берегъ, отплыть въ Гассанъ Кули; дождавшись тамъ его возвращенія, идти въ Красноводскій заливъ, что въ Балканѣ, пригласить тамошнихъ старшинъ къ подпискѣ означенныхъ бумагъ и заняться моимъ отправленіемъ въ Хиву.

Власть Хановъ у Туркменовъ не есть наслѣдственная; они жалованы Персіянами и народъ иногда повинуется имъ изъ уваженія къ ихъ уму или поведенію. Рабовъ — единоземцовъ они не имѣютъ, а земли ихъ обрабатываются невольниками, купленными, или захваченными въ плѣнъ. Власть *Ахъ Сахкаловъ* (бѣлобрадыхъ) или старшинъ, избранныхъ народомъ, кажется, значительнѣе Ханской, и сохраняется въ родѣ ежели родственники умершаго старшины своимъ добрымъ поведеніемъ заслужили общую довѣренность.

Я ѣздилъ на берегъ и распроставшись съ Девлетъ Али Ханомъ, которой уже въ четвертой разъ предлагалъ намъ въ подарокъ жеребца (въ принятіи котораго отказались за невозможностію вести)

Августа 24

¹ Мирза Ханъ уважаемъ Туркменами: онъ славится храбростію, и начальствуетъ надъ войсками во время войны противъ Персіянъ.

² Цѣль нашего путешествія въ прибрежную Туркменію, и полный отчетъ касательно исполненія сей цѣли доставлены мною правительству. Здѣсь предлагается одно только извлеченіе.

возвратился опять на Корветъ, привезши съ собой Колиджъ Бека и еще одного родственника Кіата. Корветъ между тѣмъ снялся съ якоря. Имъ сдѣлали подарки. Родственникъ Кіата сказалъ намъ, что Туркмены, поселившіеся въ сосѣдствѣ Персіянъ повинуются имъ; живущіе же на Атрекѣ и далѣе къ Сѣверу, не признають ихъ власти: вообще нельзя разобрать, кто у нихъ главнымъ. Отправивши родственника Кіата на берегъ, мы приказали ему ѣхать немедленно въ Гассанъ Кули и извѣстить Кіата, о скоромъ прибытіи нашемъ.

Туркмены не имѣють той строгости и правоты въ нравѣ, которыми столько отличаются Кавказскіе народы отъ прочихъ; нищій сей народъ не имѣетъ понятія о гостепріимствѣ; онъ алченъ къ деньгамъ, и изъ бездѣлицы готовъ сдѣлать всякаго рода низости. Повиновенія они не знаютъ; если же сыщется между ими кто по умнѣе и отважнѣе, (каковъ былъ Султанъ Ханъ) то они слушаются его, не заботясь о его правѣ. И по сему всякой Русской можетъ легко надъ ними одержать верхъ. Можно даже безопасно быть одному среди ихъ безъ оружія, кричать на нихъ, бранить, я думаю, даже и бить за дѣло. Объ общей пользѣ и стыдѣ они понятія не имѣють; всякой, желая что нибудь получить, называетъ себя старшиной; сосѣдъ же его не признаетъ сего званія, и въ свою очередь называетъ себя *Ахъ-сахкаломъ*.

Туркмены говорятъ Турецкимъ языкомъ, сходнымъ въ Казанскимъ. Грамотныхъ у нихъ кромѣ Мулловъ никого нѣтъ. Закона они Магометанскаго исповѣданія Омара, соблюдаютъ съ точностію время молитвъ и всѣ обряды; но о догматахъ закона своего не имѣють яснаго понятія.

Они роста высокаго и широкоплечи, волосы на бородѣ короткіе, окладъ лица большею частію Калмыковатой, одежда Персидская.

Женщины расчесываютъ свои волосы со тщаніемъ, сплетая ихъ косой со множествомъ серебряныхъ гремушекъ. Когда я нечаянно входилъ въ Ауль¹, то находилъ ихъ одѣтыхъ очень просто, при выходѣ же сидящихъ у своихъ кибитокъ въ полномъ нарядѣ.

Таковы Туркмены серебрянаго бугра; здѣсь они уже приняли нѣкоторые обычаи Персіянъ, вѣроятно живущіе Сѣвернѣе съ ними не сходствуютъ.

Мы лавировали къ Сѣверу и прошли очень мало; вѣтръ былъ N. W. . Шкоутъ стоялъ на якорѣ. Къ ночи вѣтеръ совсѣмъ утихъ, и мы также стали на якорь на глубинѣ пяти сажень.

Мы прибыли противъ Гассанъ Кули; но по недостатку глубины, принуждены были остановиться такъ далеко, что берега простымъ глазомъ не видно было; въ трубу же можно было видѣть множество Киржимовъ. По сдѣланному мною наблюденію широта здѣшняго мѣста 37°—27'—51 об.

Пономаревъ поѣхалъ со мной на берегъ, взявши съ собою

Августа 25

Августа 26

Августа 27

¹ Кочевье.

довольное количество подарковъ; мы ѣхали болѣе двухъ часовъ, и когда уже привалили; поднялся вѣтръ съ моря, продолжавшійся нѣсколько дней; почему и не могли возвратиться прежде 31 числа. По времени ѣзды нашей я полагаю, что корветъ нашъ стоялъ верстахъ въ 12 отъ берега. По причинѣ отмелей мы не могли даже съ лодкою подойти ближе 150 сажень къ твердой землѣ. Кіатъ встрѣтилъ насъ въ сопровожденіи всѣхъ жителей Аула; для пріема приготовлена была особая кибитка, убранная порядочными коврами.

Въ Гассанъ Кули считается до 150 кибитокъ, тутъ строятся Киржимы для которыхъ лѣсъ привозится изъ-за серебрянаго бугра.

Мы видѣли здѣсь слѣды окопа, сдѣланнаго за нѣсколько лѣтъ предъ симъ Кіатомъ для обороны отъ нападенія Кекленовъ¹ которыхъ Іомуды по видимому очень опасаются.

Названіе Гассанъ Кули происходитъ отъ имени предка сихъ Туркменовъ издревле поселившагося на семь мѣстъ.

Мѣсто сіе прежде было островомъ; но нынѣ, соединившись съ Сѣверной стороны съ твердой землей, образуетъ полуостровъ, отдѣленной отъ оной съ Восточной стороны заливомъ, имѣющимъ въ ширину 6, а въ длину до 12 верстъ, направленіе залива и полуострова съ Сѣвера на Югъ. Послѣдній имѣетъ въ ширину не болѣе полу-версты а въ длину версты три.

Противъ селенія по направленію О.С.О, за заливомъ впадаетъ въ него рѣчка *Атрекъ* на которой находится много кочевыхъ селеній Туркменскихъ того же поколѣнія Іомудъ. Изъ сей рѣчки жители Гассанъ Кули довольствуются водою.

Кіатъ старался занять насъ игроми Туркменовъ. Стрѣляли въ цель изъ пищалей и изъ луковъ, боролись, бѣгали въ запуски; все сіе дѣлалось за деньги, которыхъ Пономаревъ не щадилъ, и жители бросались съ большимъ рвеніемъ. Оружіе ихъ бѣдно и не исправно, порохъ слабый, стрѣляютъ не искусно,— многіе изъ нихъ одѣваются однакожъ очень порядочно. Жизнь ведутъ довольно праздную; и потому полагать должно, что единственный ихъ промыселъ, доставленіе нефти и соли въ Персію, приноситъ имъ большія выгоды; они ежегодно продаютъ до 2000 пудовъ оной. Соляная ломка и нефтяной промыселъ принадлежать однакожъ преимущественно Балканскимъ жителямъ, которые добываютъ то и другое съ нефтянаго острова, а жители Гассанъ Кули покупая только отъ нихъ сіи запасы берутъ большой барышъ за одно доставленіе ихъ въ Персію; для чего и имѣютъ довольно количество Киржимовъ. Къ промысламъ жителей Гассанъ Кули можно присоединить еще дѣланіе довольно хорошихъ ковровъ. Они вообще искусны въ разныхъ работахъ, и имѣютъ даже серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, которые чеканятъ разныя монеты, служащія украшеніемъ для женщинъ. Музыка ихъ состоитъ изъ двухъ струнной балалайки, сходной съ нашей Русской, и настраивается въ

¹ Названіе одного сильнаго поколѣнія Туркменскаго.

квартиру. Они пахутъ земли и пасутъ стада свои вверхъ по рѣкѣ Атреку и Гюргену, но своего хлѣба имъ недостаточно и они прикупаютъ еще въ Персіи. Полуостровъ ничего не производитъ кромѣ Арбузовъ. Рыбная ловля съ нѣкотораго времени въ половину уменьшилась, зимой ловятъ они лебедей доставляющихъ имъ большое количество пуху. На берегу бываетъ во всякое время множество куликовъ, которыхъ называютъ *Чилукъ* и *Кымъ-Кайдакъ*. Звѣри, водящіеся въ степи и камышахъ Атрека суть: волки, лисицы, Джейраны,¹ кабаны, чакалы и проч. Вѣтры здѣсь по большей части господствуютъ со стороны моря, и потому сообщеніе съ берегомъ бываетъ затруднительно.

Желательно было бы изслѣдовать и промѣрить заливъ при Гассанъ Кули; нельзя на вѣрное полагать, чтобы оной удобенъ былъ для якорныхъ стоянокъ большихъ судовъ; но для мѣлкихъ онъ безъ сомнѣнія хорошъ. Снять планъ со всего мыса было бы полезно; мѣсто сіе крѣпко положеніемъ своимъ, будучи окружено моремъ съ трехъ сторонъ; но время мнѣ сего не позволило; прѣсную же воду можно изъ Астрека добывать.

Въ числѣ старшинъ Гассанъ Кулинскаго Аула считаются Иль Магмедъ, Ханъ-Гельди и Девлетъ-Али; старшины сіи признаны Кіатомъ; впрочемъ есть и другіе, съ коими Кіатъ въ ссорѣ; и потому въ Аулѣ семь владычествуютъ двѣ стороны, изъ коихъ Кіатова сильнѣйшая.

Вечеру прибылъ изъ Атрека Петровичъ, отправленный на канунъ, и привезъ съ собою Кази, и Коджамъ-Кули-Бая, которые у Туркменовъ въ уваженіи. Кази хотя и молодъ; но всѣми чтимъ потому, что званіе его наслѣдственное и отецъ пользовался общою довѣренностію.

Августа 28

Подарки ему сдѣланные весьма хорошо расположили его къ намъ. Хотя предложенныя нами бумаги и были сскрѣплены печатью главнѣйшихъ особъ, но Пономаревъ хотѣлъ непременно получить общее согласіе всѣхъ Туркменовъ для назначенія Кіата Посломъ къ нашему Правительству; почему и собралъ всѣхъ старшинъ въ присутствіи Кази и самаго Кіата, которые въ собраніи числа Августа общимъ согласіемъ утвердили сего послѣдняго Посломъ. За симъ начались подарки. Кіату непріятно было, что безъ совѣта его составлены были списки почетнымъ людямъ Туркменскимъ и что сдѣланы были подарки Миръ Сеиду, Хаджи Магмеду и Тангри Кули (прозваннымъ Сардаремъ по храбрости); онъ болѣе оскорбился симъ потому, что, повидимому, прежде нашего назначенія многимъ обѣщаль оныя доставить; почему желая показать намъ свое неудовольствіе и власть надъ старшинами, уговорилъ преданныхъ ему Иль Магмета и Хана Гельди ничего не принимать, даже и неходить къ намъ; послѣ, когда мы съ нимъ объяснились и согласились одарить

¹ Родъ дикихъ козъ.

избранныхъ имъ, одинъ изъ нихъ отказался отъ подарка, которой показался ему недостаточнымъ, Пономаревъ перемѣнилъ его; сіе подало другимъ поводъ требовать лучшихъ, даже какой-то оборванный Мулла осмѣлился намъ съ неудовольствіемъ свой возвратить.

Вышедшій изъ терпѣнія, Пономаревъ вынужденъ былъ бранью укротить ихъ ропотъ; они тотчасъ присмирѣли; все въ Аулъ утихло и порядокъ возстановился по прежнему.¹

Вѣтръ нѣсколько утихъ, и мы достигли Корвета уже ввечеру послѣ четырехъ часового плаванія. Съ нами пріѣхалъ Кіатъ, который никому не позволялъ раздѣлять трудовъ своихъ, или лучше сказать, быть участникомъ въ награжденіяхъ и довѣренности, которыхъ ожидалъ отъ нашего Начальства.

Августа 30

Мы снялись съ якоря и цѣлый день лавировали. Отъ Кіата узналъ я между прочимъ, что Туркменскій народъ обитающій отъ Балканскаго залива къ Югу по берегу моря и внутри степи раздѣляется на три поколѣнія;— Іомудъ, Теке и Кекленъ. Племена Кекленъ хищнѣ прочихъ; часто нападаютъ на Іомудовъ и грабятъ ихъ. Два поколѣнія сіи съ давнихъ временъ находятся во враждѣ; они были въ мирѣ только во время Султанъ Хана. Хищныя Теке были усмирены 1813 году Хивинскимъ Ханомъ, проходившимъ чрезъ ихъ земли съ 30,000 войска на войну противъ Персіянъ².

Августа 31

Названіе поколѣнія Іомудъ происходитъ отъ имени одного предка, называвшагося Іомудомъ, у коего было три жены: отъ первой родились два сына: *Чуни* и *Шеребъ* отъ второй *Куджукъ* а отъ третьей *Байрамъ-Ша*; отъ сихъ четырехъ сыновей Іомуда произошли четыре поколѣнія Іомудскаго народа, носящія названія своихъ родоначальниковъ.

Сіи четыре поколѣнія живутъ въ самомъ тѣсномъ союзѣ и защищаютъ другъ друга; но особенное согласіе господствуетъ между двумя первыми. Въ первомъ считается до 15,000 дымовъ, во второмъ столько же, въ третьемъ 8,000 и въ четвертомъ до 14,000.

Поколѣнія сіи всѣ перемѣшаны; но съ Хивой поколѣнія Байрамъ Ша въ большихъ сношеніяхъ. Всякое изъ нихъ имѣетъ главнаго старшину и Кази; у Шеребовъ главный старшина Коджамъ Кули-бай; а Кази-Магмедъ Таганъ: онъ въ особенномъ уваженіи у всѣхъ Іомудовъ, какъ по древности рода, такъ и потому, что праотцы его всегда занимали сіе мѣсто.

Іомуды переносятъ кочевье свое на лѣто къ рѣчкамъ Атреку и Гюргену; а на зиму собираются около бѣлаго бугра и далѣе внутрь степи.

¹ Средства сіи необходимы съ Азіатцами; отъ онаго можно ожидать гораздо лучшаго успѣха нежели отъ ласкъ. Необразованные люди сіи робѣютъ передъ отважнѣйшими, хотя бы и самое большое превосходство силъ было съ ихъ стороны.

² Обстоятельство сіе также, какъ и раздѣленіе Туркменовъ на поколѣнія, подробно объяснено въ описаніяхъ Хивинскаго Ханства и Туркменскаго народа.

Главный старшина у Чуни называется *Надыръ-Ханъ*; онъ живетъ въ *Ата-Батъ*, гдѣ также имѣетъ пребываніе свое Кази ихъ Девлетъ Муратъ.

У *Куджукъ*, старшина *Ана Верди Ханъ*, бѣжалъ въ Хиву. Кази ихъ умеръ, и съ тѣхъ поръ никому не поручали сей должности.

У *Байрамъ Ши* старшиной *Менгъ-Али Сердаръ*, бѣжалъ въ Хиву съ большею частію своихъ единоплеменниковъ.

Поколѣніе Іомудъ можетъ выставить въ случае нужды до 30,000 человекъ въ поле, но изъ сего числа не болѣе 1,000, которые бы въ состояніи были сражаться и имѣть хорошее оружіе.

Я также спрашивалъ у Кіата о *Карабогазкомъ*¹ заливѣ, который будто поглощаетъ воду Каспійскаго моря. Онъ говорилъ мне, что мнѣніе сіе согласно съ предположеніями Туркменовъ.

По утру мы принуждены были, за неимѣніемъ вѣтра, бросить якорь противъ зеленого бугра; но вскорѣ опять пустились въ путь. Зеленый бугоръ имѣетъ видъ Конуса, коего поперешникъ основанія въ три раза болѣе высоты. На немъ такая же, какъ и на бѣломъ бугрѣ яма съ кипящей морской водой, испускающая сильной запахъ. Онъ называется Туркменами Бартлаукомъ, или Гесъ Бартлаукъ, что значитъ голубой или *небеснаго цвѣта*.

Сентября 1

Нѣсколько по Сѣвернѣ бугра на самомъ берегу моря находится древняя мечеть, которая называется *Мама Кызь* или *дѣвичьи сосцы*. Отъ серебрянаго бугра до Гассанъ Кули 5^3I_4 Нѣмецкихъ миль, отъ Гассанъ Кули до Бѣлаго бугра 3^1I_2 а отъ сего до зеленого 4^1I_4 .

Около полдня мы увидѣли Нефтяной островъ; *Огурчинской* оставался у насъ въ лѣвой сторонѣ, мы его не видали по причинѣ низменности береговъ и отдаленія. Въѣхавши въ заливъ, находящійся на Юго-Восточной сторонѣ Нефтянаго, я сдѣлалъ наблюденіе высоты солнца и нашелъ широту $39^{\circ}-10'-20''$,82. Островъ Нефтяной какъ и вышеупомянутые бугры, виденные на Востокъ, представляются издали большими возвышеніями желтаго цвѣта.

Сентября 2

Въ описаніи обратнаго пути Эскадры Графа Войновича, острова сіи довольно подробно и вѣрно описаны, также и на картѣ хорошо означены. Бывшій тогда островъ *Дереишъ*, лежавшій на Юго Западной оконечности Нефтянаго или *Челекени*, 15 лѣтъ тому назадъ соединился съ симъ послѣднимъ отъ сильныхъ землетрясеній.

Послѣ полудня мы легли на якорь въ разстояніи пяти верстъ отъ Аула, находящагося на Южной сторонѣ Нефтянаго острова. Я ѣздилъ съ Пономаревымъ въ Ауль — въ немъ не более 15^{ти} кибитокъ, которыя издавна тутъ поселились; промышляютъ нефтью и озерной солью, за которою пріѣзжаютъ къ нимъ Туркмены отъ Гассанъ Кули и серебрянаго бугра. Ключи нефтяные лежатъ за горами, гдѣ находится еще нѣсколько семействъ; по словамъ жителей, на семъ островѣ считается до ста дымовъ; они всѣ поколѣнія Шереба, воду пьютъ

¹ *Карл* — черный, *Богазъ* — горло. *Карабогазъ* черное горло или черный проливъ.

изрядную, но солоноватую изъ колодцевъ, коихъ не болѣе четырехъ.

Въ срединѣ острова есть нѣсколько пастбищъ, но рогатаго скота на немъ не держутъ, а пасутъ только верблюдовъ и овецъ; на островѣ семь произрастаетъ мѣлкой лѣсъ, годной для дровъ. Зима, по словамъ ихъ бываетъ очень холодная. Пристанище для Киржимовъ передъ Ауломъ очень удобно; оно прикрыто косою, идущей параллельно съ берегомъ по Восточной сторонѣ; но и самый рейдъ для большихъ судовъ также удобенъ, якорныя стоянки везде хорошія. Жѣлательно было бы изслѣдовать подробнѣ сіи острова; но краткость времени не позволила мнѣ сего сдѣлать.

Нѣкоторые изъ жителей острова помнятъ еще Графа Войновича, котораго называютъ Графъ Ханомъ. Одинъ изъ нихъ имѣетъ даже отъ него бумагу (вѣроятно охранный листъ, которымъ воспрещается прибывающимъ Астраханскимъ промышленникамъ обижать жителей. Они обѣщались намъ принести листъ сей въ Красноводскъ).

Мы снялись на разсвѣтъ съ якоря и направили путь свой на SS. W. къ проливу между островами Дервишемъ и Огурчинскимъ и Айданъ; вѣтръ былъ противной, и потому мы принуждены были лавировать; глубина часто измѣнялась по причинѣ косъ, идущихъ отъ Дервиша; мы даже разъ ударились килемъ объ одну изъ оныхъ.

Когда сдѣлали мы четыре галса, ночь наступила и мы легли на якорь. Огурчинской островъ былъ у насъ въ виду, на немъ примѣтенъ въ Сѣверной сторонѣ памятникъ.

По словамъ Кіата, памятникъ сей состоитъ изъ четырехъ простирающихся въ вышину до трехъ саженей деревьевъ, связанныхъ вмѣстѣ. Онъ воздвигнутъ лѣтъ 10 тому назадъ въ честь одного Дервиша, которой на семь мѣстъ имѣлъ въ прежніе годы свое жилище, и ушелъ въ Мекку. Теперь Туркмены завели тутъ свое кладбище — памятникъ служить имъ маякомъ. — Лѣтомъ островъ Огурчинской не обитаемъ; на немъ пасутся только овцы безъ пастуховъ, на зиму же нѣсколько жителей туда перекочевываютъ. Воды прѣсной на немъ нѣтъ; Туркмены замѣняютъ ее морскимъ льдомъ; вода произходящая отъ сего льду теряетъ горечь и солоноватость. Дровъ для отопливанія ихъ и варенія пищи достаточно на острову. Мнѣ говорили Туркмены, что стѣнныя Джейраны или дикія козы живутъ лѣтомъ по два и по три мѣсяца безъ воды; не знаю, можно ли вѣрить сему, извѣстно впрочемъ, что въ степяхъ сихъ нѣтъ ни прѣсныхъ, ни соленыхъ водъ. Не должно ли полагать, что животныя сіи утоляютъ жажду свою утренними росами, которыя бываютъ иногда очень сильны. Мы хотели пройти чрезъ проливъ между Огурчинскимъ и Дервишемъ, но не могли по причинѣ малой глубины, и такъ рѣшились обойти Огурчинской островъ или Айданъ съ Южной стороны; но едва успѣли поравняться съ оконечностью онаго, какъ поднялся сильной Сѣверной вѣтръ принудившій насъ лечь на якорь и не утихавшій во всю ночь.

Вѣтръ былъ противной, и потому принуждены были цѣлый

Сентября 3

Сентября 5

день простоять на якорѣ.

Поутру мы снялись съ якоря и плыли по направленію къ Красноводскому заливу. Обошедши Огурчинской островъ, въ полночь мы легли на якорь въ разстояніи 1¹/₂ Нѣмецкой мили отъ Нефтянаго острова на глубинѣ 11[™] сажень.

Сентября 6

Съ разсвѣтомъ увидѣли Красноводскія горы и снялись съ якоря; поднялся сильной Восточной вѣтръ, которой продержалъ насъ въ дрейфѣ, изорвалъ марсели и отнесъ далеко въ море. Вѣтръ сей продолжался до полудни; мы держались еще въ морѣ, и послѣ двухъ часовъ уже начали опять подыматься къ Красноводску.

Сентября 7

Цѣлый день лавировали, дабы попасть въ Красноводской проливъ, и къ вечеру легли на якорь близъ Сѣверной оконечности Нефтянаго острова на глубине 11[™] сажень.

Сентября 8

Вступивши въ проливъ между Красноводскимъ мысомъ и Челекеню, мы увидѣли горы, называющіяся *Балканскими* по имени главной горы, лежащей въ верховьи залива.

Сія цѣпь горъ продолжается по обѣимъ сторонамъ онаго. Вѣтръ не позволялъ намъ идти вдоль берега къ Западу, дабы прибыть къ скаламъ, называющимся *Оогъ* откуда мнѣ должно было отправиться въ Хиву по предложенію Кіата и потому лавировали весь день и къ вечеру только легли на якорь не подалеку отъ назначеннаго мѣста.

Здѣсь также путеописаніе Графа Войновнча, которое во всемъ справедливо, по той же причинѣ отступаетъ отъ вѣрности; онъ упоминаетъ объ одной отмели, которая по его словамъ въ иныхъ мѣстахъ не болѣе двухъ футовъ подъ водой: мы однакожь до самаго почти берега приблизились на глубине 3^{хъ} сажень. Перемена сія вѣроятно произошла отъ землетрясеній, соединившихъ острова Челекенъ съ Дервишемъ.

Сѣверная часть Балканскаго залива представляется высокими горами желтаго цвѣта, изъ которыхъ выдаются двѣ каменные горы, кажушіяся черными.

Передъ полуднемъ мы прибыли въ Красноводской заливъ и легли противъ горъ называющихся *Оогъ*, версты въ полторы отъ берега на глубинѣ трехъ слишкомъ сажонъ. Здѣсь по всему берегу кочевья и колодцы съ хорошей прѣсной водою, также какъ и на Красноводской косѣ. Коса сія закрывала насъ со стороны моря. Сѣверный берегъ Балканскаго залива возвышенъ и частью состоитъ изъ каменныхъ горъ; на косѣ есть нѣсколько кочевьевъ. Заливъ сей безопасенъ для судовъ, и, нѣтъ сомнѣнія, что предполагаемому построенію предстоитъ здѣсь гораздо болѣе удобствъ, нежели въ прочихъ мѣстахъ, нами видѣнныхъ. Лѣсъ для дровъ можно добывать съ *Челекенни* и *Дарджи*¹ жители увѣряютъ, что на горахъ при вершинѣ Балканскаго залива есть и строевой лѣсъ.

Сентября 10

По приѣздѣ нашемъ Кіатъ былъ посланъ на берегъ для

¹ *Дарджи*, бывшій во времена Графа Войновича островомъ, нынѣ соединенъ съ Твердой землей.

приведенія къ намъ человѣка, нужнаго для отправленія со мною въ Хиву.

Мы всѣ ходили на берегъ; вода здѣсь въ колодцѣ, высѣченномъ въ камнѣ, очень хороша¹.

Сентября 11

Съ разсвѣтомъ я опять отправился на берегъ, пошелъ съ ружьемъ въ горы за куропатками. Охота была довольно счастлива. Горы, прилежащія въ семъ мѣстѣ къ берегу, круты и состоятъ изъ каменныхъ скалъ, обламывающихся подъ ногами и потому всходъ на нихъ очень труденъ; взобравшись однакожь на оныя, я могъ довольно хорошо обозрѣть все мѣстоположеніе.

Сентября 12

Мы лежали на якорѣ противъ мыса, который перерѣзанъ двумя небольшими цѣпями каменныхъ горъ; за оными идетъ долина, которая простирается къ Юго Востоку до моря а къ Юго-Западу до Красноводской косы, и не имѣетъ никакихъ возвышеній; за сею опять начинается каменный обрывъ, составляющій берегъ пространной степи, ведущей къ Хивѣ. На Красноводской косѣ есть хорошая прѣсная вода, и кочуетъ 50 семействъ Туркменовъ. Коса сія имѣетъ до 4^{хъ} верстъ въ поперечникѣ, и до трехъ часовъ хода въ длину; я узналъ о семъ по распросамъ у жителей.

Собрались на Корветъ главные старшины Туркменовъ, живущихъ на берегахъ Балканскаго залива; они были: Мулла Кайбъ, Гекимъ Али-бай, Ніазъ Булатъ-бай, Магмедъ Ніазъ Мергенъ, Миръ Сейлъ, (прибывшій изъ Гассанъ Кули.) Таганъ Ніасъ и Кюль Яршикъ, (хозяинъ колодца на берегу противъ нашей якорной стоянки): они пробыли на Корветѣ цѣлый день и ввечеру уже довольно поздно возвратились.

Сентября 14

Пономаревъ съѣхалъ со мной на берегъ, гдѣ было приготовлено угощеніе старшинамъ; послѣ того начались игры; борьба и стрѣльба. Въ сей день старшинамъ ничего не предлагали; Кіатъ склонялъ ихъ только къ исполненію видовъ нашихъ. Предложенный имъ *Червидаръ*² отказался везти меня, и Кіатъ послалъ отыскать другаго; сей послѣдній, по имени *Сеидъ*, прибылъ 15го числа. Кіатъ опять привезъ всѣхъ прежнихъ старшинъ на корветъ; вмѣсто подписи они обмакивая пальцы въ чернила, прикладывали ихъ къ бумагѣ. Мулла Кайбъ засвидѣтельствовалъ ихъ согласіе; послѣ сего сдѣланы были имъ подарки. Между тѣмъ я сторговался съ Сеидомъ, которой хотѣлъ отправиться 21го числа Сентября въ Хиву или, по ихъ счисленію, 12го числа мѣсяца *зылхидже*. Онъ подрядился везти меня туда и обратно за 40 червонцевъ, изъ коихъ половину я отдалъ ему въ задатокъ. Шкоутъ Поликарпъ везущій намъ провіантъ еще сюда не прибылъ. Мы полагали, что онъ воротился въ Сару по причинѣ течи, открывшейся въ немъ, и что мы останемся безъ продовольствія. Почему и думали, что корветъ долженъ будетъ воротиться въ Баку, а мнѣ по прибытіи

Сентября 15

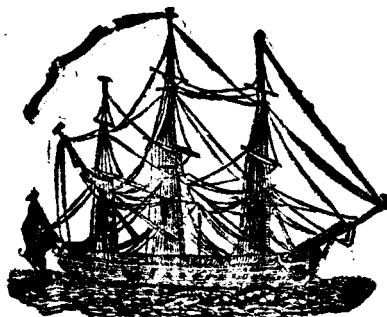
¹ Онъ называется *Бланую*, что значитъ *медовой колодезь*.

² *Червидаромъ* называется по Турецки человѣкъ, которой подрядается везти кого-нибудь.

изъ Хивы, зимовать на берегу.

Я сошелъ на берегъ чтобы купить лошадь для поѣздки въ Хиву. Мнѣ привели дурную, старую, маленькую, которая болѣе 30^{ти} рублей ассигнаціями не стоила и не перенесла бы двухъ переходовъ.¹ За нее просили 125 реаловъ т. е. 250 рублей ассигнаціями. Я не купилъ ее и рѣшился ѣхать на верблюдахъ; того же числа *Алеке* проводникъ нашъ изъ Нефтянаго острова, поѣхалъ на кироджѣ отыскивать Шкоутъ. Пріѣхавшая изъ Астрабада обывательская лодка не видала его, что насъ еще болѣе удостоверило въ прежнемъ предположеніи.

Сентября 17

¹ Хорошихъ лошадей въ семъ мѣстѣ очень мало за недостаткомъ пастбищъ. Конскіе табуны Туркменовъ пасутся на рѣкахъ Атрекѣ и Гюргенѣ, или на покатосяхъ Балканскихъ горъ, гдѣ травы хороши.

ГЛАВА II.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ХИВУ И ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ХАНСТВѢ ХИВИНСКОМЪ.

Я провель въ приготовленіяхъ къ поѣздкѣ въ Хиву, и имѣлъ два письма къ Хану, одно отъ Его Высокопревосходительства Алексѣя Петровича Ермолова, а другое отъ Маіора Пономарева; здесь оныя прилагаются.

Сентября 17

I. Копія съ письма Алексѣя Петровича Ермолова къ Хивинскому Магмедъ Рагимъ Хану.

Высокославный, могущественный и прещастливѣйшій Россійской Имперіи Главнокомандующій, въ Астрахани, въ Грузіи и надъ всѣми народами обитающими отъ береговъ Чернаго моря до предѣловъ Каспійскаго, дружелюбно привѣтствуя Высокостепеннаго и знаменитѣйшаго обладателя Хивинскія земли, желаю многолѣтняго здравія и всѣхъ радостей.

Честь имѣю притомъ объявить, что торговля привлекающая Хивинцовъ въ Астрахань, давно уже познакомила меня съ подвластнымъ вамъ народомъ, извѣстнымъ храбростію своею, великодушіемъ и добронравіемъ; восхищенный же сверхъ того славою, повсюду распространяющеюся, о высокихъ достоинствахъ вашихъ, мудрости и отличающихъ особу вашу добродѣтеляхъ, я съ удовольствіемъ пожелалъ войти въ ближайшее съ Вашимъ Высокостепенствомъ знакомство и возстановить дружественныя сношенія. Почему черезъ сіе письмо, въ благополучное время къ вамъ писанное, открывая между нами двери дружбы и добраго согласія, весьма пріятно мнѣ надѣяться, что чрезъ оныя при взаимномъ соотвѣтствіи вашемъ и моимъ искреннимъ расположеніемъ, проложится щастливый путь для вашихъ подвластныхъ къ ближайшему достиженію преимущественныхъ выгодъ по торговлѣ съ Россією и по вѣщему утвержденію взаимной пріязни основанной на доброй вѣрѣ. Податель сего письма, имѣющій отъ меня словесныя къ вамъ порученія, будетъ имѣть честь лично удостовѣрить Ваше Высокостепенство въ желаніи моемъ, изъ цвѣтовъ сада дружбы сплести пріятный узелъ соединенія нашего неразрывною пріязнію.

Онъ же обязанъ будетъ, по возвращеніи своемъ, донести мнѣ о пріемѣ, коимъ отъ васъ удостоенъ будетъ, и взаимныхъ расположеніяхъ Вашего Высокостепенства, дабы я и на будущій годъ могъ имѣть удовольствіе отправить къ вамъ своего посланнаго съ дружественнымъ привѣтствіемъ и съ засвидѣтельствованіемъ моего особливѣйшаго почтенія.

Впротчемъ прося Бога, да украситъ дни жизни вашей,

блистательною славою и неизмѣняемымъ благополучіемъ, честь имѣю пребывать истинно, вамъ усердный и доброжелательный.

Подлинное подписалъ: Генераль отъ Инфантеріи Ермоловъ.

2. Копія съ письма Маіора Пономарева.

Высокостепенному, Высокопочтенному и знаменитейшему обладателю Хивинскія земли желаю много лѣтъ здравствовать.

Высокославной, могущественной и прещастливѣйшей Россійской Имперіи Главнокомандующій, въ Астрахани, въ Грузіи и надъ всѣми народами обитающими отъ береговъ Чернаго до предѣловъ Каспійскаго моря Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, желая съ живущими при берегѣ Каспійскаго моря Туркменами завести торговую связь послалъ меня къ нимъ. Связь сія тѣмъ болѣе увеличиться можетъ, когда Ваше Высокостепенство соедините желаніе свое съ намѣреніемъ Главнокомандующаго нашего, тогда совершенно осчастливите народъ, заслуживающій толь высокаго обоюднаго покровительства; что всего легче учинить, когда чрезъ землю ихъ позволите вашему народу провозить свои товары къ Балканскому Заливу, куда и Россійскіе купцы пріѣзжать будутъ. Чрезъ что караваны скорѣе доходить могутъ въ Астрахань, но главное, избѣгнуть тѣхъ грабительствъ и притѣсненій какія претерпевали они, проходя Киргизъ-Кайсацкія Орды. Уже давно Россійской народъ знакомъ съ вашимъ и всегда въ связи дружеской находился, для того Главнокомандующій почелъ за нужное отправить къ вамъ особаго своего чиновника Николая Николаевича Муравьева, засвидѣтельствовать толь знаменитому владѣтелю Хивинскія земли свое искреннее уваженіе, а сверхъ того поручилъ ему и словесно отъ себя разныя дѣла вамъ объявить. Я радуюсь сему случаю, поспешаю отправленіемъ сего чиновника къ вамъ; чрезъ котораго свидѣтельствую Вашему Высокостепенству мое униженнѣйшее высокопочитаніе, желая искренно, дабы въ благополучное время владѣнія вашего, толико славное, взаимное дружеское сношеніе связалось цепью сплетенною изъ розъ неувядаемыхъ и восхвалено пѣснями громогласныхъ соловьевъ изъ Царства всѣхъ утѣхъ и райскихъ наслажденій. Имѣю честь остаться вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Подлинное подписалъ: Маіоръ Пономаревъ.

Ввечеру когда уже все было готово къ моему отъѣздѣ обрадованы мы были извѣстіемъ о Шкоутѣ Санктъ Поликарпѣ, привезеннымъ къ намъ черезъ гребное судно съ него прибывшее. Шкоутъ оставался за противными вѣтрами близь острововъ Челекени и Огурчинскаго, и нуждался въ прѣсной водѣ. Извѣстіе о Шкоутѣ перемѣнило прежнее наше намѣреніе и гребное судно было тотчасъ возвращено обратно, съ двумя бочками воды и предписаніемъ къ Лейтенанту Остолопову не замедлить прибытіемъ въ Красноводскъ; въ тотъ же самый вечеръ я съѣхалъ на берегъ и ночевалъ въ прибрежныхъ двухъ кибиткахъ у старика Кюль-Яршикъ Софи; меня

Сентября 18

проводили на берегъ Священникъ нашъ, Лейтенантъ Линицкой и Мичманъ Юрьевъ.

Я имѣлъ весьма мало надежды возвратиться; но былъ довольно покоенъ, потому что уже сдѣлалъ первой шагъ къ исполненію той трудной обязанности, которую на себя принималъ и совершенно положился на благость Творца¹.

Я оставилъ берегъ. Проводникъ мой Сеидъ жилъ въ кочевьѣ при колодцахъ *Суджи Кабилъ*; онъ прислалъ ко мнѣ 4^{хъ} верблюдовъ съ родственникомъ своимъ Абулъ Гуссейномъ, достали еще двухъ лошадей, и такимъ образомъ я отправился въ степь. При мнѣ находились только переводчикъ Армянинъ Петровичъ, и денщикъ мой. Недостатокъ въ людяхъ замѣнилъ я добрымъ штуцеромъ, пистолетомъ, большимъ кинжаломъ и шашкою, которыя во всю дорогу съ себя не снималъ. Петровичъ былъ человѣкъ очень усердный, преданной мнѣ и веселаго нрава, къ сему имѣлъ довольно странную наружность и охоту забавлять другихъ; шутливостью своею онъ не рѣдко развешивалъ меня въ самыя грустныя минуты.

Сентября 19

Кіатъ и Таганъ Ніасъ провожали меня до Сеидовой Обы. Поднявшись на высокія скалы составляющія берегъ Балканскаго заливы, я увидѣлъ обширную степь, чрезъ которую лежалъ мой путь; она покрыта мѣстами кустарникомъ, мѣстами же песчана, не въ большомъ разстояніи отъ берега есть колодцы солоноватой воды, при которыхъ находятся Туркменскія кочевья. Произрастеній и травъ совершенно никакихъ не видно; однакожъ по симъ голымъ равнинамъ пасутся стада верблюдовъ и овецъ питающіяся сухими кустиками, растущими мѣстами по степи. Беззаботливые и лѣнныя Туркмены кое какъ продовольствуютъ себя хлѣбомъ, покупаемымъ въ Астрабадѣ или Хивѣ, и верблюжьимъ молокомъ. Промыселъ ихъ воровство; похищая людей изъ Астрабада, они продаютъ ихъ въ Хиву и выручаютъ за нихъ большія деньги.

Поднявшись, какъ выше сказано на скалы, я заѣхалъ къ знакомому мнѣ старшинѣ Муллѣ Каибу, которой угостилъ меня верблюжьимъ молокомъ. Отправившись отъ него, проѣхалъ мимо нѣсколькихъ кочевьевъ, имѣя въ сторонѣ не большія возвышенія, которыя должны быть отрасли Балканской горы, и передъ вечеромъ прибылъ въ Обу Сеида, населенную Туркменскимъ племенемъ *Келте*, поколѣнія Джафаръ-бай отрасли Шеребъ, происходящей отъ народа Іомудскаго составляющаго одно изъ 11^{ти} главныхъ Туркменскихъ поколѣній².

Сіи Туркменскія поколѣнія разсыпаны по всей степи начиная

¹ Во время путешествія моего во внутренности сихъ земель, я былъ очень затрудненъ вести дневныя записки потому, что меня почитали за лазутчика, для чего и принужденъ былъ записывать видѣнное мною украдкою и разными знаками, дабы Ханъ ежели бы ему записки сіи попались не могъ ихъ разобрать, и потому большую часть повѣрялъ своей памяти.

² Смотри таблицу Туркменскихъ поколѣній.

отъ Каспійскаго моря почти до самыхъ Китайскихъ предѣловъ. Онѣ раздѣляются на множество мѣлкихъ отраслей, изъ коихъ въ каждой есть избранный старшина, которому народъ повинуетъ, или лучше сказать, котораго народъ уважаетъ по старости лѣтъ, по разбойническимъ доблестямъ его, или по богатству. Въ Обѣ Суджи Кабилъ въ которую я прибылъ считается до 50^{ти} дворовъ и три колодца съ хорошей прѣсной водой.

Море отстоитъ отъ оной къ Западу на 3 *агача*¹. Я остановился въ кибитке Сеида, гдѣ былъ принятъ очень ласково; кочевье сіе находится въ 28 верстахъ на Н*? О. отъ Красноводской якорной стоянки нашей.

Я дневалъ въ Суджи Кабилѣ; по сказаніямъ Мулловъ Туркменскихъ, мы должны были въ путь отправиться 12го числа луннаго мѣсяца Зилхидже, что сосотвѣтствуетъ 21 числу Сентября; сей день у нихъ считается счастливымъ для поѣздки, и проводники мои никакъ не хотѣли меня прежде сего времени везти.

Въ послѣдствіи узналъ я, что старшина поколѣнія Келте уговаривалъ Сеида не ѣхать со мной; причиною тому была дружба сего старшины съ Гекимъ-Али-Баемъ старшиной поколѣнія Киринджикъ, коего братъ сперва вызывался везти меня за 100 червонцовъ, но которому я отказалъ, и нанялъ Сеида за 40; несмотря на всѣ его убѣжденія Сеидъ давъ мнѣ слово, не хотѣлъ измѣнить ему, и противъ желанія всѣхъ единоплеменниковъ принялъ меня къ себѣ. Рѣдкой поступокъ сей несоотвѣтствующій безчестнымъ правиламъ коими руководствуются Туркмены, имѣлъ причиною внушенія Кіата которой пользуясь довѣренностью между Туркменами, и надѣясь послѣ щастливаго возвращенія моего успѣть въ видахъ своихъ относительно нашего правительства, уговорилъ Сеида ѣхать, и по прибытіи моемъ въ Суджи Кабилъ два раза ѣздилъ къ вышеупомянутому старшинѣ въ кочевье. Нравъ Сеидовъ былъ можетъ быть еще изъ лучшихъ между Туркменами мнѣ знакомыми; онъ былъ грубъ въ обращеніи, не весьма дальновиденъ, но постояненъ, рѣшителенъ и отваженъ, притомъ же хорошій наѣздникъ и славенъ разбоями производимыми имъ въ Персіи. Въ теченіи сихъ записокъ видны будутъ нѣкоторыя прекрасныя черты его нрава и между тѣмъ другіе поступки столь протівурѣчушіе первымъ, что оныхъ никакъ бы нельзя приписать тому же самому человѣку. О немъ рассказываютъ слѣдующее: Когда Сеиду было 16 лѣтъ, то поѣхалъ онъ однажды въ поле съ престарѣлымъ отцомъ за три дни ѣзды отъ своей кибитки, и нечаянно встрѣченъ былъ толпою конницы поколѣнія *Теке* имъ непріязненнаго. Отецъ его ѣхалъ на добромъ конѣ, а Сеидова лошадь едва тащилась, не имѣя надежды спастись старикъ слѣзъ, и отдавая лошадь своему сыну, говорилъ ему: Сеидъ я уже старъ и довольно жилъ, ты молодъ, и можешь поддержать семейство наше, прощай спасайся, а

Сентября 20

¹ Агачъ равенъ Нѣмецкой мили или 7^{ми} верстамъ, слово сіе Персидское и въ Турецкомъ языкѣ означаетъ дерево и палку.

я здѣсь останусь; Сеидъ отвѣчалъ старику обнаживъ саблю, что если онъ не хочетъ самъ спастись, то погубить ихъ обѣихъ и все семейство осиротѣть, потому что онъ намѣренъ въ такомъ случаѣ защищаться, и самъ соскочилъ съ лошади. Краткость времени и приближающійся непріятель не позволили имъ болѣе спорить, они рѣшились спастись всякой на своемъ конѣ; наступившая ночь укрыла ихъ отъ непріятели и отецъ его сознавался въ прісудствіи всѣхъ единоплеменниковъ, что сынъ превзошелъ его въ храбрости.

Я нашелъ однакожь что нравы Туркменовъ въ сей Обѣ гораздо лучше прибрежныхъ; это полагаю происходитъ отъ того, что живучи далѣе въ степи они не привыкли, столько къ плутовству чрезъ обращеніе съ промышленниками, пріезжающими всякой годъ съ разными товарами на Туркменской берегъ. Кіатъ однакоже не оставилъ случая выпросить у меня подарковъ Гекимъ-Али-баю и Ана-Дурдѣ, старшинамъ которые вмѣстѣ со мною ѣхали въ Хиву по своимъ надобностямъ; я также подарилъ нѣкоторые бездѣлицы женѣ Сеида и женамъ нанятыхъ имъ для меня проводниковъ.

Изъ Суджи Кабилъ я извѣстилъ о себѣ письменно Маіора Пономарева.

Съ разсвѣтомъ выѣхалъ я изъ Суджи Кабилъ на большомъ и толстомъ верблюдѣ, на которомъ съ трудомъ могъ усидѣть когда онъ подымался. Мой керванъ состоялъ изъ 17^{ти} верблюдовъ принадлежащихъ 4^{мъ} хозяевамъ; бывшимъ у меня въ проводникахъ и ѣхавшимъ въ Хиву для покупки хлѣба. Изъ нихъ старшій былъ Сеидъ, второй родственникъ его Абуль-Гуссейнъ, третій Кульчи а четвертый Ахъ-Нефесъ; верблюды наши были всѣ привязаны другъ къ другу и тянулись длинною цѣпью¹.

Проѣхавъ 20 верстъ мы остановились около полдня на часъ времени и соединились съ другимъ керваномъ, коимъ предводительствовалъ Гекимъ - Али-бай. - По мѣрѣ удаленія нашего отъ берега керванъ нашъ все увеличивался изъ разбросанныхъ по сторонамъ Туркменскихъ кочевьевъ, такъ что на третій день, когда мы вступили уже совершенно въ безлюдную степь, съ нами было до 200 верблюдовъ и до 40 человекъ, которые всѣ шли въ Хиву для покупки хлѣба.

Раздоры Гекимъ-Али-бая съ моимъ Сеидомъ распространились и на меня;—мы шли особо, и на ночлегахъ останавливались порознь. Керванъ мой былъ хорошо вооруженъ и если Гекимъ-Али-бай, какъ я

Сентября 21

¹ На передовомъ сидѣла Курдинка Фатъма, бывшая наложница отца Сеидова; она уже 13 лѣтъ была у него въ неволѣ и желая лучшей участи, просила хозяина своего продать ее въ Хиву, но получивши отказъ, несчастная сія подбѣжавъ къ колодцу, сказала Сеиду, что если онъ ее не продастъ, то бросится въ оной и что тогда за нее ни одного реала не получить. Отчаянной поступокъ сей заставилъ его согласиться на ее требованіе и ее повезли; что сія женщина переносила дорогой почти невѣроятно; будучи едва прикрыта рубищемъ она днемъ и ночью вела Керванъ безъ сна и почти безъ пищи; на привалахъ же пасла, путала верблюдовъ и еще пекла въ горячей золѣ хлѣбъ для своихъ хозяевъ.

полагаю имѣлъ намѣреніе ограбить насъ, то вѣроятно не рѣшился на сіе опасаясь оружія нашего. Онъ никогда не кланялся мѣ и сидя у своего огня съ своими товарищами всегда поносилъ насъ; мнѣ удалось однакожь посредствомъ чая, до котораго Туркмены большіе охотники, переманить къ себѣ нѣсколько человѣкъ изъ его кербана. Можетъ быть Гекимъ-Али-бай еще и для того убѣгалъ меня, что опасался за сіе дурнаго пріема отъ Хивинскаго Хана. Какъ бы то ни было, я всегда бралъ предосторожности и во всѣ 16 дней и ночей поѣздки нашей не снималъ съ себя оружія.

Послѣ полдня мы поднялись на небольшую высоту называющуюся *Кизыль Айягъ*,¹ которая должна быть отрасль Балканскихъ горъ. Прошедши еще 20 верстъ передъ вечеромъ остановились на привалѣ, оставя позади въ лѣвой рукѣ кочевье при колодцахъ Сюлмень².

Во время переходовъ сихъ меня не столько мучили непріятное качаніе и непокойная ѣзда на верблюдѣ, какъ непреоборимая скука: я былъ совершенно одинъ, говорить было не съ кѣмъ, щастливъ еще тѣмъ, что жаръ хотя былъ довольно сильный, но сносный. Степь представляла печальный видъ, образъ смерти, или слѣдствіе опусотошенія послѣ какого нибудь сильнаго переворота въ природѣ, ни одного животнаго, ни одной птицы, никакой зелени ни травы не видно было, мѣстами лишь встрѣчались несчаныя полосы, на которыхъ росли маленькіе кустики. Къ тому еще мысль объ удаленіи изъ отечества, для того можетъ быть чтобы впасть въ вѣчную неволю, меня очень тревожила. Таковое мое положеніе продолжалось 16 сутокъ.

Во все время поѣздки моей ходилъ я въ Туркменскомъ платьѣ, и называлъ себя Турецкимъ именемъ Мурадъ бекъ; сіе имѣло для меня значительную выгоду потому, что хотя меня и всѣ въ кербанѣ знали, но при встрѣчахъ съ чужими я часто слылъ за Туркмена поколѣнія Джафаръ-бай, и тѣмъ избавлялся отъ вопросовъ любопытныхъ.

Въ сей день направленіе наше было прямо на Востокъ.

Сію ночь было лунное затмѣніе продолжавшееся болѣе часа. Туркменовъ оно очень безпокоило; они спрашивали у меня о причинѣ сего явленія, и между прочимъ утверждали, что луна померкаетъ только при смерти какого нибудь великаго Государя или Старшины ихъ, что вѣроятно затмѣніе сіе предвѣщаетъ дурной пріемъ мой въ Хивѣ. Я долженъ былъ вывести ихъ изъ заблужденія, и вспомнилъ что какой то древній мудрецъ, рѣшилъ въ подобномъ случаѣ вопросъ накинувъ плащъ свой на вопрошающаго. Я сделалъ сіе съ Сеидомъ и накинувъ на него *Чуху*³, спросилъ, видитъ ли онъ огонь которой передъ нимъ горитъ? Нѣтъ отвѣчалъ онъ. Я приложилъ сіе сравненіе къ движенію тѣлъ небесныхъ, заслоняющихъ другъ друга въ

¹ Красная или золотая нога или подошва горы.

² Разстояніе измѣрялъ я часами, полагая по 4 версты на часъ.

³ Большой плащъ изъ валеняго сукна съ длинными рукавами.

извѣстныя времена. Туркмены не поняли меня,— думали, я говорилъ смѣло обо всѣхъ свѣтилахъ, и наконецъ увѣрились они въ моей мудрости. Ты точно посланникъ, сказали они мнѣ, ты человѣкъ избранный и знаешь не только что на землѣ дѣлается, но даже что и на небесахъ происходитъ. Я довершилъ удивленіе ихъ, предсказавъ которой край луны начнетъ появляться.

Въ часъ по полуночи мы поднялись, ночь была очень холодная, и роса, какой еще никогда не видалъ. Пройдя 24 версты мы прибыли на разсвѣтъ къ колодцамъ Сюйли, при которыхъ было до 20 Туркменскихъ кибитокъ. Колодцы сіи имѣютъ 15 сажень глубины, вода въ нихъ не хороша однако пить можно, хотя и съ отвращеніемъ.— При семъ мѣстѣ есть большее кладбище, — надгробные камни должны быть извѣстковые; они довольно велики, хорошо обдѣланы и съ нѣкоторыми изваяніями, но работы не Туркменской, на многихъ видны слѣды раковинъ.— Жители говорятъ что кладбище сіе очень древнее, и что камни такого свойства находятся на берегу моря. — Отъ сюда я опять извѣстилъ о себѣ Маіора Пономарева черезъ Туркмена *Аширъ-Магмедъ*, провожавшаго меня до сего мѣста.

Напоивъ верблюдовъ мы прошли еще 4 версты и остановились на привалѣ часа 1¹₂.— Потомъ прошли еще 8 верстъ и остановились передъ вечеромъ; направленіе наше было въ цѣлой день на Востокъ.

Въ правой сторонѣ видны были Балканскія горы, на покатосяхъ коихъ по словамъ жителей есть хорошія пастбища и прѣсныя воды; тамъ пасутся конскіе табуны ихъ.

Около полуночи мы пустились въ путь. За часъ до восхожденія солнца отъѣхавши 18 верстъ, прибыли къ колодцамъ *Демурджемъ*, которые¹ нѣсколько въ правой сторонѣ отъ большой дороги; въ семъ мѣстѣ кочуетъ до 40 Туркменскихъ семействъ; на дорогѣ же противъ сего кочевья находятся колодцы *Ясакъ-джемъ*², у которыхъ кербаны не останавливаются по причинѣ солоноватости воды. Колодцы Демурджемъ находятся на ровной низмѣнности окруженной берегами, которая какъ кажется была дномъ бывшаго въ семъ мѣстѣ озера.

Не спавши почти двое сутокъ я слѣзъ съ верблюда, и пока ихъ поили около часа уснулъ мертвымъ сномъ. Мнѣ представилось что я прощался навсегда со старшимъ братомъ своимъ и что ѣхалъ на вѣрную гибель, въ вѣчную неволю; проснувшись увидѣлъ себя окруженнымъ женщинами и дѣтьми, которыя обступили и внимательно разсматривали меня. Переходъ сей былъ столь быстръ, что мнѣ трудно было постигнуть его; но голосъ Сеида, которой уговаривалъ меня скорѣе вставать напомнилъ мне, что я уже въ рукахъ Туркменовъ, и можетъ быть на канунъ предвидѣнной неволи. Я не вѣрилъ снамъ, но этотъ занималъ мысль мою нѣсколько дней; для развлеченія я рѣшился сидя на верблюдѣ, читать; сначала чтеніе было трудно, но послѣ я привыкъ. Оно довольно развлекало меня чтобы

Сентября 22

Сентября 23

¹ Желѣзо въ сборѣ.

² Ясаки въ сборѣ.

неутомиться единообразіемъ природы, въ которой одинъ только движущійся предметъ могъ меня занимать, днемъ восходящее и заходящее солнце а ночью прелестная луна. Светила сіи поручая меня обоюднo другъ другу означали кербану время отдыха, а мне приближеніе той минуты, когда свершится долгъ мой.

Напоивъ верблюдовъ мы поѣхали далѣе, потому что на днѣ сего озера нѣтъ даже ни одного кустика, и сдѣлали приваль въ 6^{ти} верстахъ отъ Демурджема. Во всю дорогу травы не было; но верблюды также хорошо переносятъ недостатокъ въ пищѣ какъ и въ водѣ, они ѣдятъ прутья, и все что попадаетъ въ степи; въ лѣтнее же время могутъ пробыть 20^{ти} дней безъ воды. Такъ какъ мы отправлялись на нѣсколько безводныхъ переходовъ, то и налили *Тулуки*¹ свои водой изъ Демурджема. Кербанъ нашъ еще умножился.

Отдохнувъ часа два мы пустились въ дорогу и прошли 30 верстъ до захожденія солнца, направленіе наше было ONO¹I₄ O. Изъ Демурджема я послалъ съ однимъ Туркменомъ на корветъ записку, прося Маіора Пономарева имѣть подъ надзоромъ семейство Гекимъ Али-Бая, котораго подозрѣвалъ въ худыхъ на мой щетъ намѣреніяхъ.

Переходъ сей мы шли все по днамъ высохшихъ озеръ; въ 10^{ти} верстахъ отъ Демурджема, въ правой рукѣ видно было кочевье при колодцѣ *Геройданъ*, вода въ немъ не очень хороша. Довольно странно что земля сія не вездѣ имѣетъ воду одного свойства, подлѣ копани съ соленой водой, показывается прѣсная. Иные колодцы имѣютъ до 40 сажень глубины и обдѣланы срубами; жители не знаютъ даже кѣмъ они были вырыты.

Передъ полночью мы пустились въ путь, прошли 28 верстъ по направленнo O^{ten}N и сдѣлали приваль прежде восхожденія солнца.

Въ лѣвой сторонѣ верстахъ въ 5^{ти} отъ дороги видно было большое озеро, называемое Туркменами *Кули-Деріа* (море слуги) или *Аджи Куюси* (горькой колодезь); оно имѣетъ 10 миль съ Сѣвера на Югъ и соединяется съ Карабогазскимъ заливомъ.

Кажется что сіе обширное озеро неизвѣстно нашимъ Землеописателямъ, также и Карабогазской заливъ, въ которомъ жители полагаютъ водоворотъ не былъ еще осмотрѣнъ нашими мореплавателями. Хотя Киржимы обывательскіе и ходятъ безъ всякой опасности по берегамъ части залива сего на ловлю тюленей, но никогда еще не дерзали пускаться въ самую оконечность *Кули-Деріи* — и разсказываютъ о немъ съ таинственнымъ видомъ.

Какая нужда въ сіе озеро заѣзжать, говорили они, всѣ животныя убѣгаютъ его, степные звери боятся пить изъ онаго воду, она необыкновенно горька и смертельна, даже ни одной рыбы не водится въ водахъ его. Они полагаютъ что упомянутое озеро поглощаетъ воду Каспійскаго моря, потому что теченіе изъ онаго въ проливъ Карабогазской необыкновенно сильно. Озеро же Кули-Деріа по

¹ Иначе бурдюкъ, или вывороченная баранья кожа.

видимому уменьшается, слѣды береговъ его очень далеко еще видны въ степи. Сѣверный берегъ онаго утесистой. Въ народѣ носится молва, что даже птицы перелетающія черезъ сей заливъ слѣпнутъ.

Близъ привала нашего отдѣлялась на лѣво вдоль берега озера дорога, ведущая въ Мангышлакъ; при соединеніи сихъ дорогъ находится большое кладбище, надгробныя камни такого же рода какъ и въ Сюйли. По словамъ жителей памятники сіи поставлены въ честь Юмудовъ убіенныхъ на семъ мѣстѣ во время нападеній Киргизъ Кайсаковъ или какъ они говорятъ (Кыргызы Казаховъ).

Съ восхожденіемъ солнца мы поднялись и пройдши 30 верстъ остановились почти на вершинѣ цѣпи горъ *Саре-Баба*¹ направленіе оныхъ отъ Сѣвера на Югъ.

Сентября 24

Въ началѣ сего перехода мы переѣзжали глубокія рытвины или овраги составленные потоками бывшихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Кули-Дерія, мѣсто сіе называется *Белгерингри* — дорога была очень дурна и слой земли извѣстковой. Съ половины перехода мы начали подниматься на горы Саре-Баба давно уже видныя; подъемъ сей весьма пологъ, но очень продолжителенъ, вечерней приваль нашъ былъ очень безпокоенъ — сильный вѣтеръ заносилъ насъ пескомъ, и холодъ былъ довольно ощутителенъ, прітомъ мы съ трудомъ могли по степи собрать нѣсколько прутьевъ для разведенія огня.

Того же числа передъ полночью мы пошли далѣе, и скоро спустились съ сихъ горъ — спускъ сей довольно крутъ хотя и не высокъ, но дорога такъ хороша, что можно почти принять ее за искусственную. На самой вершинѣ оныхъ есть небольшой бугоръ называющійся *Кыръ*² на которомъ непрестанно свирѣпствуетъ сильной вѣтръ. На семъ бугрѣ поставленъ памятникъ въ честь родоначальника поколѣнія Туркменскаго *Еръ Саре Баба*³. Многочисленное поколеніе сіе прежде обитавшее около Балканскаго залива, теперь перешло къ Бухаріи. Еръ Саре Баба по словамъ жителей жилъ въ давнія времена, и былъ уважаемъ по добродѣтелямъ своимъ и многочислству. Онъ пожелалъ быть похороненнымъ на вершинѣ сей горы близъ дороги, дабы всякій проѣзжій молился за него, почему и горы сіи названы его именемъ. Надгробной памятникъ его состоитъ изъ шеста къ коему привѣшено нѣсколько разноцвѣтныхъ тряпокъ, обваленнаго камнями, оленьими рогами и разбитыми черепками горшковъ. Сіи приношенія дѣлаютъ ему проѣзжающіе Туркмены хотя бы и другаго поколѣнія были — никто изъ нихъ не смѣетъ коснуться до сей могилы, близъ которой видно еще древнее кладбище.

Спустившись съ горы казалось, что мы перешли совсѣмъ въ другой климатъ, наступила тихая и теплая погода, мы шли сыпучими песками, по коимъ росли однакожъ кусты, наконецъ 25 числа къ 3

¹ Желтой дѣды.

² Безплодное мѣсто.

³ Мужъ желтый дѣды

часамъ утра сдѣлавши 25 верстъ прибыли къ колодцамъ *Туеръ*, направленіе наше было Оten N. Не далеко отъ оныхъ вправо отъ дороги есть небольшое кочевье поколѣнія *Ата*, оно прежде было у самыхъ колодцовъ — народъ сей не силенъ и часто обижаемой сосѣдями, прибѣгаетъ къ покровительству Хивинскаго Хана. Ата рѣдко дерзають разбойничать, потому что слишкомъ разсѣяны; но когда вѣрный случай представляется, то хищнѣе еще другихъ въ грабежахъ. Одежда ихъ а особливо лица различествуютъ отъ прочихъ Туркменовъ, также и образъ жизни ихъ и нравы — всего числомъ ихъ не болѣе 1000 кибитокъ, должно полагать что народъ сей получилъ начало свое не отъ тѣхъ поколѣній, которыя населяють всю называемую нами Татарію.

Въ *Туеръ* находится 6 колодцевъ съ хорошей водой, но земля въ семъ мѣстѣ совершенно голая, зелени во всю дорогу не видно, а здѣсь и сухаго прутика не было.

Не подалеку отъ сихъ колодцевъ находится каменной памятникъ довольно хорошо сложенной въ честь Туркмена *Джфаръ-бая*, одного изъ родоначальниковъ поколѣнія Іомудовъ, онъ оставилъ названіе свое храбрѣйшему и многочисленнейшему изъ племенъ поколѣнія Іомуда, ихъ считается до 2000 кибитокъ, они имѣють нѣкоторое первенство надъ прочими. Проводникъ мой Сеидъ былъ сего поколѣнія и гордился имъ какъ и прочіе единоплеменники его.

Изъ Туера идутъ двѣ дороги въ Хиву — настоящая ведетъ прямо, но представляетъ два неудобства, перьвое то, что по оной недостаетъ колодезной воды, а второе что лежитъ недалеко отъ Туркменскихъ кочевьевъ поколѣнія Теке, самага хищнаго и находящагося въ вѣчной ссорѣ съ сосѣдями; взаимной грабежъ между ними никогда почти не прекращался, и нерѣдко случается, что Теке разбиваютъ керваны Іомудовъ. Перьвое неудобство отвращается для кервановъ идущихъ зимою потому, что тогда снѣгъ замѣняетъ недостатокъ въ водѣ — конные же и лѣтомъ по ней ѣздятъ.

Вторая дорога идетъ влѣво отклоняясь къ Сѣверо-Востоку, она двумя сутками ѣзды длиннѣе первой, но имѣетъ болѣе воды и безопаснѣе; однако Сеидъ зарядилъ въ Туерѣ ружье совѣтуя мнѣ приготовить и свое.

Напоивъ верблюдовъ мы пошли далѣе и после 20 верстъ сдѣлали небольшой приваль, а къ вечеру перешедши еще 20 верстъ остановились. Направленіе наше было N^{ten} O. Степь на семъ переходѣ имѣла въ стороны нѣкоторое возвышеніе.

Гекимъ Али-бай продолжалъ вести себя очень грубо противъ меня, несмотря на опасность въ семъ мѣстѣ онъ никогда не дожидался насъ чтобы вмѣстѣ ѣхать, я его также о семъ не просилъ, и видя изъ поступковъ его, что въ случаѣ нападенія; на него надежды мало, я сталъ самъ далѣе отъ него останавливаться, и бралъ по ночамъ всѣ нужныя предосторожности; тюки свои всегда складывалъ въ видѣ равелина, и имѣлъ оружіе въ готовности. Одинъ разъ приходили изъ

кербана его люди и совѣтовали мнѣ для безопасности соединиться, я отвѣчалъ, что могутъ сами присоединиться ко мнѣ если боятся, и они не сказавъ ни слова ушли. Однакоже одинъ изъ его спутниковъ, которому весьма хотѣлось чаю, перешелъ ко мнѣ съ 16^{тью} верблюдами и однимъ работникомъ, и слѣдовалъ со мною во всю дорогу въ надеждѣ получить богатые подарки; но онъ ошибся. Мнѣ удалось поссорить его также какъ и своихъ проводниковъ съ Гекимъ Али-Баемъ; я сдѣлалъ сіе дабы имѣть хорошихъ лазутчиковъ въ Хивѣ, узнавать замыслы его и доносы на меня Хивинскому Хану, которые могъ бы онъ сдѣлать дабы выслужиться у Хана и отмстить Сеиду. Онъ примѣтилъ, что я велъ записки дорогой и перьвой распустилъ о семъ въ Хивѣ слухъ.

Прежде полуночи поднялись мы опять въ путь. Мѣстоположеніе было нѣсколько гористо; после 23^{хъ} верстъ хода мы прибыли передъ разсвѣтомъ 26го числа къ колодцу *Диринъ*¹. Колодезь сей находился въ глубокой балкѣ, и обдѣланъ камнемъ, вода въ немъ вонючая и солоноватая; однако мы принуждены были налить ею бурдюки свои, потому что отправлялись изъ сего мѣста въ совершенно безводную степь.

Сентября 25

Диринъ можно назвать границею приморскихъ Туркменовъ; верстахъ въ 1¹/₂ отъ сего колодца влѣво находится послѣднее кочевье Іомудовъ поколѣнія *Бага*, содержащее до 50^{ти} дымовъ. Отъ сего мѣста должно тянуться совершенною пустынею 5 или 6 сутокъ до колодцевъ *Беишъ* *Дишикъъ*, которые можно принять за прежнія границы Хивинскаго владѣнія. Сей переѣздъ самый трудный изъ всей дороги отъ Балкана до Хивы. Балка Диринъ имѣетъ крутые берега и представляетъ русло прежней рѣки текшей отъ Сѣвера на Югъ въ старинное логовище нынѣ сухой Аму-дерьи², о которой будетъ ниже упомянуто. Недостаетъ воды и зелени, чтобы оживить мѣсто сіе прекрасно расположенное; но здѣсь природа мертвая и кажется никогда жизнь не посѣтитъ сихъ мѣстъ населенныхъ звѣроподобными людьми.

Въ семъ мѣстѣ Гекимъ Али-бай столкнувшись съ моимъ кербаномъ, сдѣлалъ мнѣ первое привѣтствіе. Искренность моя не на языкѣ сказалъ онъ мнѣ, такъ какъ у окружающихъ васъ, но она въ сердце моемъ. Я отворотился и оставилъ его безъ отвѣта.

Здѣсь явилось ко мнѣ много охотниковъ ѣхать впередъ къ Хивинскому Хану вѣстниками о моемъ прибытіи; но зная вѣроломство ихъ, я отказалъ.

Въ 10 часовъ утра мы пустились въ дорогу, шли ровною степью и после 23 верстъ остановились. Того же числа ввечеру опять тронулись и 27 съ восхожденіемъ солнца остановились послѣ 34 верстнаго перехода. Въ теченіи сихъ двухъ переходовъ мы шли по тремъ направленіямъ — сперва NO, послѣ O, а наконецъ O^{ten} N.

Сентября 26

¹ Глубокой.² Древняго Окса.

Дорогой мы встрѣтились съ небольшимъ керваномъ идущимъ изъ Хивы; я далъ записку къ Маіору Пономареву Туркмену Магомедъ Ніасу ѣхавшему съ онимъ, въ которой извѣщая его о благополучной ѣздѣ своей, просилъ захватить сына Гекимъ Али-Бая если со мною что непріятное случится.

Въ 8 часовъ утра пустились въ путь, и проѣхавъ 31 версту ввечеру остановились. Въ правой рукѣ верстахъ въ 10 былъ у насъ колодезь Казагли — коего вода очень солона, и негодна къ употребленію.

Сентября 27

Съ 27 числа вечера до вечера 28 мы прошли безъ остановки въ цѣлые сутки 67 верстъ — такъ какъ совершенно ничего мнѣ не представлялось въ теченіи всего перехода, то и не очѣнъ болѣе упомянуть какъ о смертельной скукѣ, которую ощущалъ. Отдохнувъ часа два, опять пустились въ путь и послѣ 27 верстъ хода по направленію О^{ten} N. остановились на разсвѣтѣ; 29 числа холодъ былъ довольно сильной.

Ввечеру пройдя еще 34 версты, наконецъ остановились мы ночевать при колодцахъ *Бешъ-Дишикъ* или пяти отверстий. Направленіе наше было О^{ten} N. Въ колодцахъ сихъ была хорошая прѣсная вода.

Сентября 29

Я утѣшался тѣмъ, что почти двѣ трети сего труднаго пути были совершены и что я достигъ уже земли Хивинской, но еще болѣе радовался тому, что здѣсь назначенъ былъ ночлегъ, десять дней въ дорогѣ я то качался на верблюдѣ, то шелъ пѣшкомъ, и въ продолженіи всего этого времени почти совсѣмъ не спалъ. Туркмены находили средство растягиваться на верблюдахъ, но я сего делать никакъ не умѣлъ, изрѣдка только дремалъ и нѣсколько разъ едва не падалъ съ высокаго верблюжьего горба. Я здѣсь уснулъ какъ еще во всю дорогу не удавалось, переѣмилъ платье, въ которое набилось множество пыли и песку, умылся, напился чаю изъ прѣсной воды и первой разъ ѣлъ вареное кушанье, ибо вся пища моя дорогой состояла изъ черныхъ сухарей и солоноватой воды, словомъ я здѣсь отдохнулъ и ожилъ — и успѣлъ еще сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія, которые ниже излагаю.

Послѣдній переходъ сей, мы ѣхали почти все сыпучими песками — вдали передъ нами видѣнъ былъ отвѣсной высокой утесъ съ большими трещинами, которой по словамъ спутниковъ моихъ былъ прежній берегъ моря, о которомъ будетъ ниже упомянуто. Не доѣзжая 10 верстъ до колодцевъ мы приехали къ высохшему руслу большой рѣки, которая имѣетъ до 100 сажень ширины, а глубины почти 15. Берега онаго очень круты, и обросли такъ какъ и дно кустами — направленіе его отъ Сѣверо-Востока къ Юго-Западу, намъ слѣдовало переѣхать чрезъ оное, но сего нельзя было сдѣлать за крутизною береговъ и обвалами, почему и принуждены были поворотить налево и слѣдовать вдоль берега намошенной сей рѣки, между песчаными буграми нанесенными вѣтромъ въ видѣ морской зыби вышиной сажени въ двѣ; пройдши такимъ образомъ версты три остановился я на короткое

время для написанія записки Маіору Пономареву, которую послалъ со встрѣтившимся керваномъ на отдыхъ, противъ колодца *Саре Камышъ*¹, находящійся на днѣ сего русла. Мы продолжали свой путь вдоль берега еще 7 верстъ, и наконецъ спустились на дно рѣки, расположились ночевать у вышеупомянутыхъ колодцевъ *Бешъ Дишикъ* близко отъ большаго кервана. Виденной мной называемой морской берегъ шель въ параллель рѣки въ 2 верстахъ разстоянія отъ оной.

Такъ какъ видъ сего высохшаго потока среди ровной степи не измѣнился, а имѣлъ еще изгибы на подобіе рѣки, я заключилъ что оное есть древнее русло Аму-Дерьи, объ отысканіи которой Государь Петръ Великій столь много старался. Проводники мои въ томъ еще болѣе удостовѣрили меня сказавъ, что сіе есть сухое логовище рѣки, называющееся *Усѣ-бой*, въ старину же; по оному протекающая рѣка называлась Аминъ Дерія, и впадала въ Балканской заливъ, теченіе свое она перемѣнила уже съ давнихъ временъ и теперь изъ Хивинскаго Ханства идемъ въ сторону Демуръ Казыка (желѣзнаго кола) т. е. на Сѣверъ по направленію полярной звѣзды.²

По возвращеніи моемъ изъ Хивы я узналъ отъ Кіата, что устье сей рѣки хотя и занесено пескомъ но еще примѣтно, и что на берегу онаго построена деревянная изба на подобіе Русской, о строеніи коей даже и старики не имѣютъ никакого преданія; окрестныя же жители по сію пору не смѣютъ ломать оной, имѣя къ ней таинственной страхъ и почтеніе. Удивительно, что изба сія такъ долго держится. Впрочемъ ежели она была построена Русскими, то конечно не могло сіе быть прежде временъ Петра Великаго въ Экспедицію Князя Бековича посланную для отысканія золотаго песка. До сихъ же поръ могла она простоять потому, что въ тѣхъ странахъ дождей очень мало. У нынѣшнихъ же жителей Балкана никакихъ преданій о ней не сохранилось вѣроятно потому, что страна сія населена была иными Туркменскими поколѣніями.

Дно сухой Аму-Дерьи въ мѣстахъ не занесенныхъ пескомъ совершенно различной почвы съ степью. Ибо мѣстами по оному видна зелень, растутъ деревья и есть колодцы съ хорошей прѣсной водой. Въ упомянутомъ колодцѣ *Саре Камышъ* вода даже выступивши изъ сруба течетъ ручьемъ по сухому дну рѣки, подлѣ же сего колодца есть другой съ солоноватой водой. На мѣстѣ ночлега нашего на сухомъ днѣ рѣки было 6 колодцевъ прѣсной воды. Отъ сего мѣста почти до самыхъ настоящихъ границъ Хивинскаго Ханства находится по дорогѣ довольно количество кустарника, нельзя сказать чтобы и до сихъ поръ мы нуждались въ ономъ, исключая 6 или 7 приваловъ.

¹ Желтой Камышъ.

² Подробнѣйшія извѣстія о сей занимательной рѣкѣ, называвшейся въ древности Греками и Латинами Оксомъ и Бактрой, а Аравитянами Джейгуномъ, будутъ сообщены черезъ нѣсколько времени.

Я очень удивился что на семь ночлеге Гекимъ-Али-бай, и братъ его Таганъ-Али встрѣтили меня, развьючили моихъ верблюдовъ и составили тюки. Первой даже подошедъ просилъ извиненія въ томъ, что во всю дорогу отъ меня отстранялся, увѣряя что желаетъ загладить свой проступокъ, и стараться будетъ мнѣ сколько можетъ служить, онъ даже просилъ меня считать на него какъ на самага вѣрнаго изъ моихъ служителей, я принялъ его снисходительно и напоилъ чаемъ, однакожь не ввѣрился ему, и въ сію ночь былъ еще осторожнѣе. Причиною столь внезапной переменъ полагать можно, что если онъ имѣлъ въ самомъ дѣлѣ дурныя замыслы, то будучи не въ состояніи ихъ исполнить и видя, что я безпрепятственно достигъ почти до самага Ханства; можетъ быть расчитывалъ, что гораздо выгоднѣе быть покорнымъ мнѣ, полагая что Ханъ меня хорошо приметъ, и что въ такомъ случаѣ я могу доставить ему нѣкоторыя выгоды. Къ тому же онъ узналъ отъ встрѣтившагося съ нами кервана, что въ Хивѣ носился слухъ о скоромъ прибытіи Россійскаго посла, и что Владѣлецъ онаго Магмедъ Рагимъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ моего прибытія для полученія четырехъ верблюжьихъ व्यюковъ съ червонцами, которые будто бы къ нему везу отъ *Ахъ Подишаха* или бѣлаго Царя. Слухъ о моемъ скоромъ прибытіи дошелъ до Хивы чрезъ Туркменовъ пріехавшихъ съ Гюргена и Атрека, которые въ бытность нашу на ихъ берегахъ, слышали что я спрашивалъ о дорогѣ въ Хиву, и догадывались о моемъ намѣреніи, котораго я и не скрывалъ. Отъ сего ночлега намъ опять предстояло идти нѣсколько дней безъ воды.

Мы поднялись съ разсвѣтомъ и прошедши 25 верстъ остановились при закатѣ солнца. Переходъ сей былъ довольно занимателенъ. Вышедши на другой берегъ сухой Аминъ Деръи мы шли недалеко отъ оной, въ лѣвой сторонѣ оставался высокой отвѣсной берегъ предполагаемаго Туркменами моря, о которомъ выше упоминалъ, берегъ сей коего предѣлы теряются вдаль, имѣетъ вездѣ одинаковой видъ, и вышины до 20 сажень. Находящаяся за онымъ возвышенная часть степи, также равна какъ и нижняя, по которой мы шли. Мы слѣдовали версты три вдоль сего берега и забавлялись гуломъ повторяющимъ очень чисто всѣ слова. Тутъ дорога уклоняется въ право и видны въ берегу очень правильно высѣченныя пять отверстій, имѣющихъ видъ дверей или входа въ какое нибудь жилище, къ такимъ необыкновенностямъ непременно должна быть вымыслена и сказка. Вотъ что мнѣ проводники мои рассказали: сіи пять ходовъ называются Бешъ Дишикъ или пять отверстій, по нимъ названы и колодцы при которыхъ мы ночевали, по всѣму нашему Трукменскому кочевью извѣстно что отверстия сіи ведутъ въ огромнѣйшія чертоги, въ которыхъ съ давнихъ временъ живетъ Царь съ большимъ семействомъ, богатыми сокровищами и дочерьми красавицами; что нѣкоторые любопытные дерзали въ оныя заходить, но въ пещерахъ невидимой силой были связаны и тамъ погибли. Дабы оставить сказку сію въ своей силѣ, я не спросилъ у Туркменовъ отъ кого они сіе

Сентября 30

знають, если никто оттуда не возвращался. Послѣ сего разсказа пошли разныя сужденія, это не можетъ быть сказалъ одинъ, — ты не вѣришь? отвѣчалъ другой, — а кто насъ передразнивалъ, когда мы разговаривали и ѣхали подлѣ горы. Онъ симъ такъ затруднилъ невѣрившаго, что тотъ принужденъ былъ замолчать послѣ столь яснаго доказательства.¹

Несмотря на несообразность повѣствованія мнѣ не хотѣлось проѣхать мимо сего очарованнаго мѣста не посѣтивъ стараго Царя и не посмотрѣвъ на его дочерей красавицъ, или не увидѣвъ мѣста въ которомъ можетъ быть прежде скрывалась разбойничья шайка. Я полѣзъ съ однимъ изъ моихъ Туркменовъ, къ симъ бывшимъ жильямъ: они болѣе нежели на полвысотѣ берега. Подъ входами въ оныя выдается уступъ составляющій родъ галлерей длиною сажень до 100 — рыхлая земля осыпалась подъ нами, я лѣзъ между берегомъ и отвалившейся съ верху скалы въ тѣсной ущелинѣ. Надъ головой моей висѣлъ ужасной величины камень, которой угрожалъ паденіемъ, и надобно было еще проползть чрезъ тѣсное отверстіе имъ составленное, дабы выдти на вышеупомянутый уступъ, съ котораго казалось уже легко было пройти въ необитаемыя пещеры.

Туркмень мой шелъ впереди и пробрался чрезъ оное, но вошедъ на галлерей не могъ далѣе идти потому что въ семъ мѣстѣ она перерывается на разстояніи 2 сажень; если бы мы только сіе пространство перешли, то непременно были бы въ пещерахъ до коихъ оставалось нѣсколько шаговъ. Я превозмогъ бы сіе затрудненіе съ помощію веревокъ, но кербанъ уже далеко ушелъ и я поспѣшилъ его нагнать. Мнѣ казалось что и прежде настоящій ходъ въ пещеры былъ съ сего мѣста; но что его нарочно завалили сказаннымъ камнемъ.

Я не знаю что заключить о сей грядѣ утесовъ, мнѣ кажется вѣроятнымъ предположить ихъ берегамъ бывшаго моря, или большаго озера, коего обширность съ одной точки необозрима.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Бешъ-Дишика перешедъ на другой берегъ Аминъ-Деръи; я переѣзжалъ чрезъ многіе водопроводы, въ коихъ хотя и не было уже воды, но следы оной еще ясно видны.— Направленіе наше было О^{ten} N.

Въ ночи съ 30 Сентября на 1 Октября мы прошли еще 33 версты по направленію SO. На семъ переходѣ оставался въ правой сторонѣ противоположной берегъ предполагаемаго моря. На берегу онаго видны развалины замка *Утинъ Кала*². Упомянутые водопроводы и развалины не суть ли ясныя доказательства прежней населенности

¹ Отличительная простота сія въ нравахъ Туркменовъ, не препятствуетъ имъ быть умными, и весьма острыми въ отвѣтахъ своихъ, пользуясь однакоже оною можно во многомъ успѣть между ними. Султанъ Ханъ о которомъ выше упомянуто повидимому симъ воспользовался. Онъ зналъ врачебныя свойства нѣкоторыхъ травъ, скоро прослылъ колдуномъ и получивъ ихъ довѣренность, могъ даже соединить враждебствующія три поколѣнія и воевать противъ Персіянъ.

² Кала крѣпость.

сего края и что нынѣ сухое русло *Усъ бой* прежде вмѣщало въ себѣ воды торговой рѣки Аминъ Деръи, или Окса.

Мы прошли послѣ привала до вечера 34 версты по направленію SO, переѣзжая часто черезъ сухіе водопроводы между кустарникомъ, и остановились на отдыхъ.

Октября 1

Въ ночи съ 1го на 2ое Октября мы прошли 31 версту, и остановились послѣ разсвѣта; не подалеку отъ сего мѣста есть кусты ядовитаго свойства. Проводники мои опасались оныхъ для верблюдовъ.

Передъ разсвѣтомъ встрѣтились мы съ большимъ керваномъ Туркменовъ, поколѣнія Чодвуръ племени Игдыръ, верблюдовъ было до 1000 а людей до 200. Они шли съ большимъ шумомъ, пѣли, хохотали, кричали, — обрадовавшись что выѣхали изъ Хивинскаго Ханства, закупя благополучно хлѣбъ; они шли на Мангышлакъ. Гекимъ Али-бай съ своимъ керваномъ былъ впереди и я оставался только съ 6^{ью} Туркменами. Такъ какъ мы сошлись въ тѣсномъ мѣстѣ между кустами, то и принуждены были ждать пока весь тотъ большой керванъ пройдетъ. Игдыры разпрашивая нашихъ Туркменовъ объ ихъ поколѣніи, столпились около насъ, и узнали по шапкѣ Петровича что онъ не Туркмень.

Они смотрѣли на насъ съ любопытствомъ и спрашивали у проводниковъ, что мы за люди; это плѣнные Русскіе отвѣчали наши; нынче пришли суда ихъ къ берегу, мы поймали трехъ и веземъ продавать. Везите, везите ихъ проклятыхъ невѣрныхъ отвѣчали Игдыры съ злобной усмѣшкою, мы сами трехъ Русскіхъ теперь продали въ Хивѣ, и за хорошія деньги.

Мы прошли 33 версты по направленію SO. Встрѣчались со многими керванами, идущими изъ Хивы съ хлѣбомъ. Они сказывали намъ что нынѣ Ханъ наложилъ по полу тиллу (2 руб. сереб.) подати на Туркменовъ, съ каждого приходящаго верблюда; что такъ какъ Туркмены не хотѣли сей подати платить, а просили отмѣненія оной, то Ханъ приказалъ удержать прибывшіе керваны, обѣщаясь самъ пріехать въ крѣпость *Ахъ Сарай*¹ для личнаго свиданія съ ихъ старшинами, выслушанія ихъ прозьбъ и принятія отъ нихъ подарковъ. Что несмотря на то многіе керваны бѣжали, что Ханъ уже вѣроятно выѣхалъ изъ Хивы, и что мы съ нимъ непременно встрѣтимся въ Ахъ-Сараѣ. Извѣстія сіи были довольно пріятны для меня потому, что предвѣщали скорѣйшій конецъ моему порученію. Я изготовилъ даже рѣчь для перваго свиданія съ Ханомъ и давши ее перевести Петровичу, приказалъ ему выучить наизусть; но какъ сильно ошибся!

Съ вечерняго привала нашего, расходились дороги во всѣ стороны въ разныя кочевья и селенія Хивинскаго Ханства; большой керванъ Гекимъ-Али-бая весь разошелся за покупкой хлѣба, и мы остались одни. По сторонамъ были видны огни, выѣзжающихъ въ

¹ Бѣлой Сарай, или бѣлой замокъ, или дворецъ.

степь на *Арбахъ*¹ за дровами и для заготовленія угля; тутъ бывають очень частые разбои, однако никто къ намъ не подходилъ. Я обрадовался увидѣвъ слѣды колесъ, и утѣшался тѣмъ что достигнувши населенной страны опять соединюсь съ людьми, и не полагалъ чтобы могли со мною такъ дурно поступить, какъ въ послѣдствіи оказалось.

Въ ночи со 2го на 3^{ье} мы прошли 29 верстъ по направленію ОЗО довольно частымъ кустарникомъ, сбились было съ дороги, но послѣ двухъ или трехъ часовъ, опять попали на настоящую. По утру сдѣлали приваль, послѣ котораго прошедши 10 верстъ ОЗО пришли къ водопроводу, не имѣвъ воды четверо сутокъ.

Водопроводъ сей выведенъ изъ нынѣшней Аминъ-Дерѣи, которая истекаетъ изъ горъ лежащихъ на Сѣверѣ отъ Индіи, протекаетъ черезъ Бухарію, по Восточную сторону города Хивы и впадаетъ въ Аральское море. Множество такихъ водопроводовъ идутъ черезъ все Ханство, которое въ иныхъ мѣстахъ имѣетъ до 150 верстъ въ поперешникѣ.

На первомъ водопроводѣ у котораго мы остановились для напоенія верблюдовъ, жили въ кибиткахъ Туркмены многихъ различныхъ поколѣній. Они поселились въ окрестностяхъ городовъ Хивинскихъ, и обрабатываютъ землю; по уборкѣ же хлѣба ѣздятъ на разбой въ Персію и продаютъ въ Хивѣ привезенныхъ ими невольниковъ.

Селенія въ Хивинскомъ Ханствѣ расположены по водопроводамъ, между которыми заключаются песчаные степи. Земля при оныхъ обрабатывается частью обывателями, частью же невольниками и представляетъ видъ совершеннаго изобилія.

Плодородіе удивительное. Поля засѣваются сарачинскимъ пшеномъ, пшеницею, кунджутомъ изъ котораго дѣлаютъ масло, и Джоганомъ дающимъ круглое зерно по меньше горошины, бѣлаго цвѣта, и растущимъ толстыми колосьями на прдобіе кукурузы. Джоганъ служитъ для прокормленія лошадей, а иногда и самихъ жителей.

Въ странѣ Хивинской, есть также овощи и плоды многихъ родовъ, изъ послѣднихъ отличны дыни и арбузы. Дыни сіи бывають величиною въ три четверти аршина и отмѣнно сладкаго вкуса.

Скотоводство у нихъ очень значительно; домашнія животныя суть: верблюды, рогатой скотъ и овцы, изъ коихъ нѣкоторыя необыкновенной величины.

Лошади въ Хивѣ отличной доброты, но лучшими однакожъ почитаются приводимыя Туркменами съ Гюргена и Атрека, они выносятъ труды неимовѣрные. Хивинцы и Туркмены отправляющіеся на разбой въ Персію, обыкновенно ѣздятъ 8 дней сряду по 120 верстъ въ сутки по безводнымъ степямъ; лошади ихъ бывають по 4 дни безъ воды, и другой пищи не имѣють кромѣ 5^{ти} или 6^{ти} пригоршенъ

¹ Повозка на двухъ большихъ колесахъ, запряженная въ одну лошадь.

джогану, котораго запасъ на себѣ везутъ для всей дороги¹.

Поднявшись по утру съ привала, мы продолжали свой путь; вдали былъ видѣнъ густой туманъ заімавшій весь горизонтъ. Я тщетно ожидалъ восхожденія солнца; когда же прибылъ къ вышеупомянутому водопроводу, то увидѣлъ что казавшійся мнѣ туманъ происходилъ отъ песчанаго вихря, которой продолжался безъ остановки целой день. Я принужденъ былъ чрезъ оной ѣхать, и отъ водопровода до ночлега сдѣлалъ еще 10 верстъ; уши, глаза, носъ, ротъ и волосы засыпало мнѣ пескомъ, лице же рѣзало жесточе самой метели.

Верблюды наши отворачивались отъ вѣтра; песчаной туманъ сей былъ столь густъ, что въ нѣкоторомъ рязстояніи нельзя было различить предметовъ. Часа за два до вечера, Сеидъ остановилъ кербанъ, и пошелъ въ сторону для отысканія пристанища въ видѣнныхъ имъ кибиткахъ. Проходивъ съ часъ, онъ съ трудомъ насъ отыскалъ и повелъ къ кибиткамъ. Тамъ жили Туркмены поколѣнія *Куджукъ Татаръ* изъ Юмудовъ племени *Кырыкъ*, коего старшина *Атанъ-Ніасъ-Мергенъ* тутъ же находился.

Изъ Туркменовъ которыхъ я видѣлъ и зналъ, сей старшина мне болѣе всѣхъ понравился. Переселившись въ Хивинскія владѣнія онъ вступилъ въ службу Ханскую, и считался у него наѣздникомъ; ходилъ всякую недѣлю на поклонъ къ Хану и передъ моимъ приездомъ только что возвратился изъ Хивы. Кочевье его было расположено на водопроводѣ *Дашъ-Гоусъ*². Онъ принялъ меня къ себѣ со всѣмъ гостеприимствомъ, показывающимъ человека безкорыстнаго и честнаго, что весьма рѣдко между Туркменами, и прилагалъ всевозможное стараніе доставить мнѣ покой; онъ закололъ для меня лучшаго барана, подаль умыться, сварилъ пищу, и прогналъ всѣхъ любопытныхъ сбѣжавшихся смотрѣть меня.

Атанъ-Ніасъ-Мергенъ сказалъ мнѣ, что до Хана уже дошли слухи о моемъ прибытіи, и не совѣтывалъ мнѣ посылать въ Хиву вѣстника, а ѣхать самому прямо въ городъ, и по обыкновенію ихъ, подѣхавъ къ палатамъ Ханскимъ объявить себя гостемъ и посланникомъ; что поступивъ такимъ образомъ, безъ сомнѣнія хорошо буду принятъ; я не совершенно вѣрилъ, чтобы внезапное таковое прибытіе могло нравиться Хану, и потому поблагодаривъ хозяина своего за совѣтъ, которой отъ искренняго сердца мнѣ далъ, рѣшился поступить иначе. Онъ представилъ мнѣ четырехъ сыновей своихъ, которые одинъ другаго были сановитѣе. Они хвалились длинными пищалями подаренными имъ Ханомъ, и прекрасными, жеребцами; втораго сына своего Атанъ-Ніасъ-Мергенъ отправлялъ на дняхъ на разбой въ Астрабадъ съ 30 человекъ, собравшимися идти туда на обыкновенной свой промыселъ.

¹ Подробнѣйшія свѣденія о семъ краѣ помѣщены въ Описаніи Хивинскаго Ханства.

² Каменное водохранилище.

Октября 4

Мы выѣхали передъ полднемъ послѣ нужного отдохновенія: почтенный хозяинъ мой провожалъ меня верстъ 12; настоящей дороги тамъ не было и намъ надобно было переѣхать степь, заключающуюся между водопроводами *Дашъ-Гоусомъ* и *Ахъ-Сараемъ*; пространство сіе покрыто песчаными буграми; вихрь еще не переставалъ и насъ заносило пескомъ болѣе прежняго; хозяинъ нашъ самъ сбился съ дороги. Тутъ я въ первой разъ увидѣлъ какъ вѣтръ смѣтаетъ песчаные бугры съ одного мѣста на другое; если находится въ степи хотя маленькой кустикъ, то къ нему наносится песокъ, и въ короткое время образуется бугоръ. Вѣтръ сталъ утихать, и я приметилъ по сторонамъ нѣсколько разрушенныхъ крѣпостей и строеній; все же мѣсто по которому ѣхалъ, было покрыто обломками жженныхъ кирпичей и кувшиновъ. Наконецъ проѣхавши 24 версты по направленію SO, намъ открылся передъ вечеромъ водопроводъ *Ахъ-Сарай*, по коему расположено было множество кибитокъ и видны хорошо обработанныя поля съ нѣсколькими деревьями. Мы хотѣли въ тотъ же день добраться по сему водопроводу до деревни, въ которой жили родственники Сеида, но не могли и принуждены были остановиться въ бѣдной Туркменской деревушкѣ. Тутъ уже начали появляться по мѣстамъ и строенія. Туркмены живутъ въ кибиткахъ, а скотину держать въ клѣвахъ загороженныхъ прутьями и заваленныхъ землею. Жители сего мѣста были отдаленнаго поколѣнія съ предѣловъ Бухаріи, и не знали поколѣній приморскихъ Туркменовъ. Они обступили меня и замучили вопросами; я не нашель инаго средства отвязаться отъ нихъ, какъ страшая ихъ именемъ Магмедъ-Рагимъ-Хана, коего я назывался гостемъ. Несмотря на то они отказали мнѣ въ ночлегѣ, говоря что не знаютъ Магмедъ-Рагимъ-Хана; я на нихъ крикнулъ, они тотчасъ стояли и собравшись въ кучу, въ некоторомъ разстояніи стали говорить между собою. Когда я уже начиналъ располагаться ночлегомъ между ихъ кибитками, одинъ изъ нихъ подошедъ ко мнѣ, предложилъ свою, говоря что ее уже очистилъ; я воспользовался симъ приглашеніемъ и зашедши въ бѣдную кибитку, началъ хозяйничать и выгналъ множество любопытныхъ, которые наглымъ образомъ садились подлѣ меня и надоедали вопросами. Старой хозяинъ мой съ Китайскимъ лицомъ, самъ не зналъ что у него за люди, и считалъ себя еще весьма щастливымъ, что его съ дочерью я не выгналъ и напоилъ чаемъ. Такъ какъ меня обступало множество народа, то и приказалъ Туркменамъ своимъ ночью держать карауль.

Октября 5

Съ разсвѣтомъ, мы пустились въ путь, и прошедши 10 верстъ по каналу направленіемъ OSO, прибыли къ издали нами видѣннымъ двумъ высокимъ деревьямъ, подлѣ которыхъ жилъ родственникъ Сеида.

Болѣе и болѣе вдаваясь по водопроводу внутрь края, я видѣлъ возрастающую обработанность земли. Поля съ богаѣйшими жатвами поражали меня противоположностію своею съ тѣми, которыя видѣлъ на канунѣ.

Въ самой Германіи не видалъ я такого раченія въ обработываніи полей, какъ въ Хивѣ. Всѣ дома обведены каналами, по коимъ сдѣланы вездѣ мостки. Я ѣхалъ по прекраснымъ лужайкамъ между плодовитыми деревьями, множество пицъ увеселяло меня пѣніемъ. Кибитки и строенія изъ глины, разсыпанныя по симъ прекраснѣйшимъ мѣстамъ, составляли весьма пріятное зрѣлище. Я обрадовался что прибылъ въ столь прелестной край и спросилъ съ упрекомъ у проводниковъ своихъ, за чѣмъ они сами не обработываютъ такимъ образомъ земель, или если у нихъ земли ничего не производятъ, то для чего не переселяются въ Хиву? Посоль, отвѣчали они мнѣ, мы господа, а это наши работники. Они боятся своего владѣльца, мы кромѣ Бога никого не страшимся.

Въ Хивинскомъ Ханствѣ по водопроводамъ въ деревняхъ живутъ большею частію переселенные Туркмены. Жителей по симъ мѣстамъ очень много, они одѣваются хорошо и въ обращеніи гораздо ловчѣе прибрежныхъ Туркменовъ. Подѣзжая къ дому Сеидова родственника, я встрѣтился со свадьбою; разряженная красавица ѣхала на большомъ верблюдѣ, на коемъ было довольно богатое сѣдло, обшитое все шелковыми матеріями.

Я былъ очень хорошо принятъ родственниками Сеида — для меня опорожнили маленькую комнату, впротчемъ довольно грязную и темную; пока я переодѣвался, множество старшинъ собралось для поздравленія меня съ пріѣздомъ, я впустилъ знатнѣйшихъ къ себѣ, и поговоривъ съ ними нѣсколько, вышелъ къ протчимъ; всякой дѣлалъ мнѣ привѣтствіе какъ умѣлъ. Ханъ еще не выѣзжалъ изъ Хивы, и я тотчасъ послалъ двухъ изъ собравшихся Туркменовъ одного въ Хиву съ извещеніемъ о моемъ прибытіи, а другаго въ ближайшую Ханскую крѣпостцу называющуюся Ахъ-Сарай, для извѣщенія тамошняго Ханскаго чиновника (родомъ *Узбека*¹). Но я съ прискорбіемъ слушалъ рѣчи Туркменовъ, разговаривающихъ обо мнѣ; они хвалили Русскаго Посланника: и говорили что онъ не изъ простыхъ людей долженъ быть: ибо знаетъ грамотѣ, и у всѣхъ колодцевъ записывалъ глубину оныхъ, и разстояніе одного отъ другаго — (слухи сіи дошли до Хана какъ мы послѣ увидимъ, и были причиною смертнаго приговора произнесеннаго на до мною какъ надъ лазутчикомъ.

Прибывшій въ тотъ же день изъ Хивы Туркменской старшина Берди-Ханъ, явился ко мнѣ. Въ 1812 году онъ служилъ у Персіанъ, былъ раненъ Русскими и взятъ въ плѣнъ. Служивши два года у Генерала Лисаневича и возвратившись на родину бѣжалъ въ Хиву.

Получивъ отъ него нѣсколько свѣденій о Ханѣ, я хотѣлъ въ тотъ же день ѣхать въ Хиву, до которой оставалось еще 40 верстъ, но Сеидъ мой никакъ на сіе не соглашался. Я сердился, кричалъ на него, и онъ рѣшился послать отыскать лошадей, между тѣмъ, однакоже кажется тайно приказалъ посланному не приводить ихъ. Я думаю что ему

¹ *Узбекъ* значитъ *самъ себѣ* господинъ.

хотѣлось продержать меня тутъ, дабы выхлопотать подарокъ родственникамъ своимъ. Можетъ быть также его просили о томъ старшины прибывшихъ кервановъ, которые надѣялись чрезъ мое ходатайство получить отъ Хана увольненіе отъ наложенной на верблюдовъ подати. Они намѣкали мнѣ о томъ, но я дѣлалъ, будто бы ихъ не понималъ, и такимъ образомъ отдѣлался.

За неимѣніемъ лошадей я принужденъ былъ весь день тутъ остаться, ходилъ прогуливаться и всюду толпа вокругъ меня собиралась. Одинъ Туркмень, прекрасно одѣтой, служащій въ войскѣ Ханскомъ, довольно умно разговаривая со мной, сталъ разсматривать пуговицы на моемъ сюртукѣ, и безъ дальнихъ околичностей для удостовѣренія серебряныя ли онѣ; вертѣлъ ихъ на всѣ стороны, желая отъ него отвязаться, я спросилъ у него съ насмѣшкой. — Хивинское серебро одинакаго ли цвѣта съ нашимъ? — всѣ засмѣялись. Любопытной отошелъ отъ меня и ударивъ рукою по ефесу своей сабли отвѣчалъ: Господинъ Посланникъ, мы Туркмены люди простые, намъ такія вещи прощаютъ, но уважаютъ за храбрость нашу и за острее кривой сабли которая всегда предстоить къ услугамъ Хана. Она также будетъ предстоять и къ услугамъ нашего Бѣлаго Царя, отвѣчалъ я, съ того времени, какъ чрезъ мое посредничество установятся миръ и доброе согласіе между обѣими державами. — Туркмень мой при сихъ словахъ успокоился.

Я легъ довольно поздно, и началъ уже засыпать, какъ вдругъ извѣстили меня о прибытіи чиновника отъ Магмедъ-Рагимъ-Хана. Входитъ молодой человѣкъ видный собою, съ нимъ былъ другой пожилыхъ лѣтъ. Они сѣли подлѣ моей постели, и молодой сталъ спрашивать меня отъ имени Хана о причинѣ моего пріѣзда и о видахъ Правительства нашего; я ему отвѣчалъ что о семъ сообщу Хану или тому человѣку, которому онъ мнѣ лично прикажетъ, что впрочемъ я имѣю къ нему бумаги, коихъ содержаніе мнѣ неизвѣстно. Я показалъ Адбуллѣ (такъ онъ назывался) запечатанныя письма — и приказалъ ему о семъ Хану донести. Удивительно продолжалъ онъ что отъ Бѣлаго Царя съ двухъ сторонъ посланники пріѣхали, у насъ въ Хивѣ есть 4 посланца вашихъ, вить и вы тоже Бѣлому Царю служите? Я старался его увѣрить что то не могли быть посланники, а какія нибудь бѣглые, которые назвались такъ, и что ихъ надобно остановить, что если онѣ самозванцы, то я ихъ перевяжу и отправлю въ Россію. Абдулла увѣрялъ меня что они точно Русскія послы. (Послѣ узналъ я что это были какіе то 4 Нагайца пріѣхавшіе съ письмомъ къ Хану). Пьете ли вы чай? спросилъ у меня Абдулла, если пьете то велите поставить для меня чайникъ. Мы пьемъ чай днемъ, а не въ полночь отвѣчалъ я, а такъ какъ я не совсѣмъ здоровъ и усталъ съ дороги, то вы бы меня обязали еслибъ оставили въ покоѣ, прощайте. Онъ ушелъ. Я послѣ узналъ что етотъ Абдулла сынъ какого то знатнаго Чиновника прежде при Ханѣ служившаго, и что никогда Ханъ его ко мнѣ не посылалъ и весь допросъ его былъ сдѣланъ изъ одного любопытства.

Въ тотъ же день я узналъ что двое Русскихъ услышавши о прибытіи корвета къ берегамъ Туркменскимъ, на канунъ моего прїѣзда въ Ахъ-Сарай бѣжали къ берегу, оставивъ женъ своихъ и дѣтей — ихъ однакоже послѣ поймали. Хивинцы имѣютъ много Русскихъ невольниковъ, которыхъ имъ продаютъ Киргизы, хватая ихъ на Оренбургской линіи, также и Персидскихъ и Курдинскихъ доставляемыхъ ими Туркменами въ большомъ количествѣ. Обращеніе съ сими невольниками самое жестокое; по малѣйшему подозрѣнію о побѣгѣ, они наказываютъ ихъ жестокимъ образомъ, — если же сіе во второй разъ случится, то пригвозживаютъ ихъ за ухо къ дверямъ и оставляютъ въ такомъ положеніи трое сутокъ; если они вынесутъ сіе наказаніе, то продолжаютъ по старому томиться въ неволе¹.

Октября 6

По утру привели мнѣ нанятыхъ лошадей; но прежде сего я былъ приглашенъ на завтракъ къ одному старшинѣ, сіе заставило меня часа два промедлить — еслибъ сего не случилось, то обстоятельства мои приняли бы можетъ быть совершенно другой ходъ, я бы въ тотъ же день былъ въ Хивѣ, и Ханъ удивленный внезапнымъ моимъ прибытіемъ можетъ быть принялъ бы меня хорошо и скоро отпустилъ;— съ другой стороны могло быть и то, что народъ растерзалъ бы меня до вѣзда въ городъ по повелѣнію Хана, до котораго бы вдругъ дошли слухи, что Русскіе пришли въ Хиву для отмщенія за кровь Бековича. Такого рода слухи въ Хивѣ весьма легко распространяются, и владѣлецъ не выдавшій никогда ничего кромѣ своего малаго Ханства и степей окружающихъ, могъ бы легко сему повѣрить.

Я не отѣхалъ еще 8 верстъ какъ нагналъ меня конный человѣкъ скачущій во весь опоръ, онъ просилъ меня отъ имени Хана остановиться, и подождать двухъ чиновниковъ посланныхъ ко мнѣ изъ Хивы еще прошедшую ночь. Я подождалъ, и скоро они ко мнѣ прїѣхали, въ сопровожденіи четырехъ конныхъ человѣкъ. Старшій изъ нихъ былъ роста малаго, лѣтъ 60, съ длинной сѣдой бородой, походилъ на обезьяну, нѣсколько заикался, говорилъ скоро и изъ всякаго слова видимъ былъ злой его нравъ и алчность къ деньгамъ: то былъ нѣкто *Атъ-Чапаръ*² *Алла верди*. Атъ Чапаромъ его звали потому, что Ханъ его всегда употреблялъ въ разъѣзды съ своими приказаніями. Другой былъ высокаго роста толстъ, съ маленькой бородкой, но съ благородной и скромной осанкой, рѣчи его соотвѣтствовали наружности; а послѣ и поступки его таковымъ же оказали; его называли *Еишъ Незеръ* ему было за 30 лѣтъ; званіе его было *Юзъ Баши*, что по переводу значитъ сотникъ; но въ Хивѣ названіе сіе принадлежитъ не сотеннымъ начальникамъ, которыхъ нѣтъ, а военнымъ чиновникамъ коимъ Ханъ повѣряетъ отряды различныхъ

¹ Статья о сихъ несчастныхъ показана подробнѣе въ моемъ описаніи Хивинскаго Ханства.

² Атъ значитъ по Турецки лошадь, Чапаръ же значитъ скачущій *Алла верди*, значитъ Богъ даль.

силъ во время войны.

Атъ Чатаръ, (какъ я послѣ узналъ) родомъ изъ Персіянъ Астрабадскихъ, его увезли въ малолѣтствѣ въ плѣнъ, онъ принялъ законъ Сунны и женился, сынъ его *Ходжашъ Мегремъ*¹ оказалъ въ сраженіи важную услугу Хану, сдѣлался его любимцемъ, вскорѣ получилъ управленіе таможни; и пріобрѣтши совершенную довѣренность Хана, вывелъ въ люди отца своего и братьевъ. Ханъ подарилъ ему много земли и водопроводовъ, онъ еще болѣе прикупилъ, и теперь считается третьимъ изъ самыхъ значущихъ и богатыхъ особъ Ханства.

Такъ какъ онъ имѣлъ торговыя сношенія съ Астраханью, то и просилъ Хана, чтобы я у него былъ гостемъ пока не рѣшится моя участь. Вѣроятно въ надеждѣ получить подарокъ, буде дѣла пойдутъ хорошо, или прислужиться Хану удушеніемъ меня, еслибъ ему того угодно было.

По сему самому Атъ Чатаръ Алла Верди объявилъ мнѣ Ханское приказаніе ѣхать съ нимъ въ деревню его Иль Гельди², гдѣ все приготовлено было для моего пріема. Мы ѣхали верстъ 18 по направленію N^{ten} О прекраснымъ и населеннымъ краемъ; въ одномъ мѣстѣ только переѣзжали песчаную степь между двумя водопроводами. Погода была ясная. Я увидѣлъ издали крѣпостцу, къ одному концу которой примыкалъ садикъ, это была крѣпостца Иль Гельди, она построена квадратомъ по угламъ коего находились четыре башни; стѣны сдѣланныя изъ глины смѣшанной съ камнемъ, имѣли вышины 3¹/₂ сажени, а длины 25 — (расположеніе внутреннихъ покоевъ можно видѣть изъ чертежа оной). Въ крѣпостцу былъ только одинъ въѣздъ въ большія ворота, которыя запирались огромнымъ висячимъ замкомъ. Она принадлежала Ходжашъ Мегрему. Въ Хивѣ у всѣхъ почти помѣщиковъ есть такого рода строенія, безъ бойницъ. Внутри дѣлается не большое водохранилище, нѣсколько дворовъ, покои, кладовыя, мѣльницы; и мѣста для храненія скота. Обыкновеніе сіе должно имѣть начало въ непрерывныхъ безпокойствахъ терзавшихъ всегда народъ сей при смерти владѣльцовъ, тогда обыкновенно возгарается междоусобная война, и даже въ мирныя времена не рѣдко случается, что тамошніе Туркмены грабятъ Хивинцовъ. Такого рода крѣпостца заключающая въ себѣ запасъ и все хозяйство можетъ всегда нѣсколько дней держаться противъ небольшой толпы Туркменовъ. Въ Иль Гельди было человѣкъ 50 или 60 жителей, которые частію занимали комнаты, а частію помѣщались въ кибиткахъ поставленныхъ на дворѣ, тутъ были и жены ихъ. Въ противоположенной стѣнѣ воротамъ была башня съ маленькой калиткой, которая вела за крѣпостцу въ садикъ, въ коемъ небольшое грязное водохранилище, нѣсколько деревьевъ и хорошій виноградникъ. Садъ сей былъ окруженъ стѣной вышиною сажени въ

¹ Мегремъ значитъ любимецъ.

² Иль Гельди значить годъ пришелъ или насталь.

полторы — а къ стѣнѣ примыкалъ снаружи домъ какого то Муллы и мечеть.

Пріѣхавши въ Иль Гельди я былъ встрѣченъ братомъ Хаджашъ Мегрема сыномъ Атъ Чапара Сеидъ Незеромъ, онъ служилъ въ таможенъ помощникомъ у брата своего, былъ хорошъ собой, лице его знаменовало умъ, но былъ крутаго и дерзкаго нрава. Персидское поколеніе Атъ Чапара отличалось длинными бородами, которыя въ Хивѣ очень рѣдки, оно сверхъ того было примѣчательно своей особенной алчностью къ деньгамъ; въ первой день мнѣ дѣлали еще всякія вѣжливости. Сеидъ Незеръ сказавши мнѣ поклонъ отъ Хана и старшаго брата своего, привезъ съ собою самоваръ, чаю и сахару — сварили для меня пловъ, принесли всякихъ плодовъ, и помѣстили въ особую комнату, дни были теплые, и потому холодной и темной не выбѣленной чуланъ сей казался мнѣ сноснымъ, я выходилъ на дворикъ, а иногда и въ садъ, хотя я все былъ подъ карауломъ, но сперва считалъ сіе за почестъ, а послѣ увидѣлъ что нахожусь въ плѣну. Четверо же Туркмеиновъ моихъ имѣли позволеніе всюду ходить къ своимъ родственникамъ.

Меня увѣряли что на другой день моего пріѣзда Ханъ къ себе позоветъ, но настало 7 число и никто меня не требовалъ. Пріѣхалъ изъ Хивы Якубъ третій сынъ Атъ Чапара, которой привезъ извѣстіе мнѣ, что на слѣдующей день меня уже непременно Ханъ потребуеъ.

Пріѣхалъ ко мнѣ нѣкто Якубъ бай, знавшій нѣсколько словъ по Русски. Онъ торговалъ въ Астрахани, промотался, и возвратился въ Хиву безъ всего, пристроился къ таможенъ и сталъ поправляться. Якубъ бай пріѣхалъ отъ Хана, дабы узнать кто я таковъ, съ какимъ намѣреніемъ прибылъ, какія мои порученія и требовалъ сверхъ того чтобы отдалъ ему бумаги для врученія ихъ Хану. Я съ досадою и громкимъ голосомъ отказалъ ему въ томъ говоря, что посланъ къ одному Хану, и если онъ самъ не хочетъ меня видѣть, то бы отпустилъ обратно, впрочемъ сказалъ я Якубъ Баю, ты можешь сказать Хану, что я имею къ нему два письма и подарки, первое письмо отъ Сардаря земель заключающихся между Каспійскимъ и Чернымъ морями, а другое отъ Маіора Пономарева, управляющаго однимъ изъ Ханствъ подвластныхъ нашему Сардарю. Якубъ бай всталъ сердитый и ушелъ.

Съ симъ Якубъ Баемъ, пріѣхалъ еще одинъ Якубъ родомъ жидъ, но давно уже принявшій Магометанскую веру. Жидъ сей ѣзжалъ на торги въ Оренбургъ и Астрахань, и зналъ нѣсколько по Русски. Онъ хаживалъ ко мнѣ и рассказывалъ о торговыхъ дорогахъ изъ Хивы въ Россію и въ Кашемиръ, братъ его нѣсколько разъ бывалъ въ семъ городѣ.

Одинъ изъ Туркменовъ моихъ ходившій на ближайшій Базаръ¹ называющійся *Казаватъ*, слышалъ что Ханъ выѣхалъ изъ Хивы и будетъ меня принимать въ особой крѣпостцѣ находящейся не

Октября 8

¹ Базаровъ сихъ нѣсколько въ Хивинскомъ Ханствѣ.

подалеку отъ Иль Гельди. Я сообщилъ сіе извѣстіе приставамъ своимъ Атъ Чапару и Юзъ Башѣ, но они меня увѣряли что слухъ сей несправедливъ; я узналъ въ тотъ же вечеръ, что когда Якубъ бай ко мнѣ пріѣзжалъ, Хана уже не было въ Хивѣ, и что онъ поѣхалъ на охоту въ степь на 12 дней, — между тѣмъ обращеніе со мной становилось всякой день грубѣе, пищи умѣреннѣе, чай перестали давать, также и дрова для варенія пищи; съ начала даже не позволяли мнѣ ничего себѣ покупать съѣстнаго; но подѣ конецъ отмѣнили запрещеніе сіе потому, что Атъ Чапаръ дѣлавшій закупки мои, наживался отъ моихъ денегъ; между тѣмъ присмотрѣ за мною сдѣлался строже и мнѣ не позволяли даже на минуту отлучаться изъ комнаты безъ двухъ сторожей, и поставили караульныхъ къ воротамъ, съ запрещеніемъ ко мнѣ кого либо впускать, и по ночамъ лежалъ у порога человѣкъ, такимъ образомъ что отпирая дверь всякой непременно долженъ былъ разбудить его.

Туркмены мои также слышали отъ выѣзжавшихъ на базаръ, что по пріѣздѣ моемъ Ханъ собиралъ совѣтъ, на которой приглашены были всѣ почетные люди Ханства. Намѣстникъ его и начальствующій въ городѣ Ургенджѣ старшій братъ его Кутли Мурадъ Инахъ, и главная духовная особа Кази; что долго разговаривали обо мнѣ, и не извѣстно на что рѣшились. Однако же нѣсколько дней послѣ сего я узналъ черезъ Туркменовъ родственниковъ моихъ проводниковъ, изъ коихъ одинъ былъ слугою у Хана, что Магмедъ Рагимъ услышавши что я дорогой велѣ записки называлъ меня лазутчикомъ, и говорилъ на совѣтѣ: Туркмены привезшіе его, не должны были допустить его до моихъ владѣній, а убить и представить ко мнѣ подарки, которые везъ. Но такъ какъ онъ уже пріѣхалъ, то дѣлать нечего, и я бы желалъ знать какой совѣтъ мнѣ дастъ Кази. — «Онъ невѣрный отвѣчалъ Кази; его должно отвести въ поле и зарыть живаго.» — Я почиталъ тебя умнѣе самаго себя, сказалъ ему Ханъ, а вижу что въ тебѣ совсѣмъ нѣтъ ума. Если его убью, то на будущій годъ, Государь его бѣлый Царь повытаскаетъ женъ моихъ изъ гарема; — я лучше приму его и отпущу, а между тѣмъ пускай посидитъ, надобно развѣдать отъ него за какимъ дѣломъ сюда пріѣхалъ, а ты пошелъ вонъ.»

Одни полагали въ совѣтѣ, что я пріѣхалъ для вырученія Русскихъ невольниковъ, другіе съ требованіемъ удовлетворенія за созженіе двухъ судовъ нашихъ въ Балканскомъ заливѣ (что сдѣлано было лѣтъ 10 тому назадъ) Туркменами поколѣнія Ата, (которые съ тѣхъ поръ какъ ихъ Іомуды вытѣснили съ береговъ, повинуются Магмедъ Рагиму); иные же думали, что я пріѣхалъ требовать воздаянія или мщенія за убіеніе Князя Бековича въ 1717^{мѣ} году случившееся. Говорили также что къ берегамъ Туркменскимъ пришелъ нашъ флотъ и что заложили большую крѣпость, коей половина уже сдѣлана, а что я узнавъ дороги на будущій годъ приду съ войскомъ въ Хиву. Многіе думали что будучи въ войнѣ съ Персіянами, Главнокомандующій нашъ хотѣлъ склонить Хивинскаго Хана къ

вспомоществованію намъ; говорили что даже Русскія войска уже заняли крѣпость *Ахъ Кала*¹ близъ Астрабада, и всѣ почти были того мнѣнія чтобы меня казнить, или тайно убить или взять въ невольники. Самъ Ханъ очень тревожился моимъ прибытіемъ, но опасаясь нашего Правительства явно не рѣшался меня казнить, хотя сіе и было его желаніе; почему не зная что предпринять, рѣшился оставить меня въ крѣпости впредь до полученія дальнѣйшихъ свѣденій и придумавъ лучшій способъ исполнить свое намѣреніе. Ко мнѣ были подсланы люди для развѣдыванія цѣли нашего Правительства; но я имъ ничего не открылъ.

Слухи о мнѣніи совѣта и тайномъ намѣреніи Хана не могли не тревожить меня; я не хотѣлъ сперва имъ вѣрить, но послѣ обстоятельства и другія вѣсти меня въ томъ убѣдили. Я не зналъ на что рѣшиться; мнѣ предстояло неминуемо или томительная неволя, или позорная и мучительная казнь; я помышлялъ о побѣгѣ, и лучше желалъ естьли бы меня нагнали въ степи, умереть на свободѣ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели подвергнуться казни. Съ другой стороны мысль о неисполненіи своей обязанности, когда еще могла на оное быть хотя весьма сомнительная и малая надежда, меня останавливала; и такъ я рѣшился остаться, привелъ въ порядокъ оружіе свое и изготовился къ защитѣ если бы на меня внезапно напали.

Къ щастію со мной была книга Попа переводъ Иліады, я всякое утро выходилъ въ садъ и занимался чтеніемъ, которое меня нѣсколько развлекало.

Въ вечеру принесъ ко мнѣ одинъ изъ Туркменовъ моихъ Кульчи, нѣсколько яицъ и сушеныхъ плодовъ, сказавъ что ему поручено было вручить мнѣ оное отъ одного Русскаго, пришедшаго къ крѣпостнымъ воротамъ и просящаго меня выдти съ нимъ поговорить. Я не могъ сего сдѣлать, и отпустилъ его.

Еще три дни прошло безъ всякаго извѣстія о моей участи; усиливающаяся строгость пристража, и грубость приставовъ меня болѣе удостовѣряли въ намѣреніи Хана. Размышляя о своемъ бѣдственномъ положеніи я думалъ что если меня не лишатъ жизни, то конечно возьмутъ въ невольники; мысль о неволи была еще пріятнѣйшею мечтою въ сравненіи жестокаго заточенія, въ которомъ находился; я утѣшался тѣмъ, что будучи въ неволѣ буду имѣть хотя возможность видѣться съ соотечественниками своими, и имѣть въ виду при первомъ удобномъ случаѣ взбунтовавши всѣхъ невольниковъ Русскихъ и Персидскихъ, избавить ихъ покрайнѣй мѣрѣ отъ тяжкаго рабства. Въ другое время занимали душу мою самыя горестныя мысли.

Я терялъ всякую надежду когда либо увидѣть свою родину; мысленно прощался со всѣми, глаза мои не смыкались даже и ночью; я былъ грустенъ, и съ нѣкимъ удовольствіемъ ожидалъ той минуты,

Октября 12

¹ Бѣлая крѣпость.

когда нѣсколько вооруженныхъ людей ворвутся въ мою комнату, и прекратятъ плачевную жизнь мою. Къ разсвѣту только засыпалъ, а поутру съ прискорбіемъ видѣлъ я быстро приближающуюся зиму; листь уже опадалъ, утренники становились свѣжѣе, и я послѣднюю терялъ надежду даже и при счастливомъ окончаніи своихъ дѣлъ возвратиться когда либо на родину, полагая что ледъ понудитъ корветъ воротиться и оставить меня одного на произволъ судьбы среди звѣроподобныхъ народовъ. Всѣ постигаемыя разсудкомъ человеческимъ упованія исчезли, исключая надежды на благодѣе Всемогущаго Творца, Которой одинъ могъ спасти меня отъ предстоявшей гибели.

48 Дней продолжалось мое заточеніе; не буду упоминать о физическихъ безпокойствахъ перенесенныхъ мною, я почувствовалъ ихъ тогда только когда нравственно успокоился. Кромѣ всего огорченія отъ предстоявшей мнѣ участи и вѣчной разлуки съ отечествомъ, я терзался еще положеніемъ несчастныхъ Русскихъ въ Хивѣ, видя себя не въ силахъ имъ помочь.

Прерывая писать повѣствованія о бѣдствіяхъ моихъ, обращаюсь къ другимъ произшествіямъ.

Прибыль въ Иль Гельди десятилѣтній сынъ Ходжашъ Мегрема, котораго Ханъ очень любилъ, и заставлялъ всегда у себя играть въ шахматы, отецъ его велѣлъ мнѣ сказать что самъ скоро будетъ; но столько разъ обманутый, я уже никому не вѣрилъ; братья Ходжашъ Мегрема, и многіе другіе чиновники частымъ своимъ посѣщеніемъ мнѣ надоедали; я не полагалъ однакоже чтобы изъ окружающихъ меня нельзя было кого нибудь склонить къ доставленію хотя изрѣдка справедливыхъ извѣстій изъ Хивы, почему собравъ къ себѣ всѣхъ и подаривъ чѣмъ былъ въ состояніи — старался извѣдать кого на сіе могъ бы послѣ на единѣ склонить, но никто не смѣлъ со мною говорить, опасаясь доноса свидѣтелей — тогда сыскался одинъ бѣдный Бухарецъ, бай Магмедъ, которой сбираясь въ Мекку, уже 17 лѣтъ какъ выѣхалъ изъ родины и остался въ сей крѣпостцѣ, гдѣ занимался дѣланіемъ кушаковъ. Я ему подарилъ ножницы; онъ ходилъ ко мнѣ тайно и сообщалъ разныя извѣстія, хотя не могъ онъ многого знать однакожь оказалъ мнѣ большую услугу развѣдавъ о ссорѣ Юзъ Баши съ Атъ Чапаромъ происшедшей за меня; настоящій приставъ мой былъ Юзъ Баши, человекъ доброй и честной, но очень скромной. Ему приказано было за мной имѣть самой строгой надзоръ, я приглашалъ его къ себѣ одного, онъ боялся, и старался избѣгать тайныхъ свиданій. Атъ Чапаръ же за нимъ непрестанно наблюдалъ и всегда вбѣгалъ ко мнѣ въ слѣдъ съ нимъ, опасаясь чтобы я не сдѣлалъ Юзъ Баши особаго подарка; замѣтивъ такую жадность, я призвалъ его къ себѣ и подарилъ кромѣ даннаго ему прежде сукна, еще штуку холста, сказавъ чтобы никому о семъ не говорилъ, особливо Юзъ Башѣ, старикъ схватилъ холстъ подъ полу, выбѣжалъ самымъ воровскимъ образомъ, спряталъ его и сѣлъ подлѣ Юзъ Баши, какъ будто ничего не бывало.

Октября 16

Я не упустилъ случая сообщить сего Юзь Башѣ, которой смѣялся отъ чистаго сердца; презирая Атѣ Чапару и все семейство его.

По приѣздѣ моемъ я подарилъ Юзь Башѣ и Атѣ Чапару по куску сукна, которые хранились у прикащика Атѣ Чапара; нашлось что отъ сукна Юзь Баши было отрезано полъ аршина, и въ воровствѣ обличился Атѣ Чапаръ. Они поссорились, сверхъ того я жаловался Юзь Баше, на недостатокъ и нужды претерпѣваемыя мною и на грубое со мною обращеніе; его польстила довѣренность сія. Онъ явно поссорился съ Атѣ Чапаромъ, такъ что уже послѣдній не сталъ за нимъ бегать; всякой день я подсылалъ Петровича возобновлять ихъ раздоры, дабы изъ разногласія ихъ вывѣдывать правду, Юзь Башу выводилъ въ садъ и говорилъ на единѣ, — онъ утѣшалъ меня, что хотя день приема моего и не назначенъ, но ежечасно надѣяться могу быть призваннымъ; что вѣроятно Ханъ по возвращеніи своемъ не оставитъ меня безъ отвѣта, и не уѣдетъ опять на охоту, потому что пронесется молва въ народѣ, что Ханъ убоясь Русскаго посланника и не умѣя ему отвѣчать, бѣжалъ въ степь.

Часто между сими разговорами разспрашивалъ я его о Хивинскомъ Ханѣ, сношеніяхъ его съ сосѣдами и вообще о внутреннемъ устройствѣ Ханства, и многія получалъ отъ него о семъ свѣденія. Юзь Баши чувствовалъ всю тягость Хивинскаго правленія и кажется не любилъ Хана; но никогда не произнесъ хулы на его щетъ. Онъ мнѣ говорилъ, что окружающіе Хана такъ его боятся, что не посмѣютъ никогда ему слова обо мнѣ сказать; при всемъ томъ обнадеживалъ, что дѣла мои примутъ хорошей оборотъ. Юзь Баши былъ родственникъ втораго Визиря *Кушъ Беги*¹ и нѣсколько лѣтъ назадъ будучи гонимъ Ханомъ въ избѣжаніе казни тайно удалялся въ Бухарію, гдѣ пробывши два года, по убѣдительнымъ его увѣреніямъ опять возвратился.

Я сталъ покойнѣе съ тѣхъ поръ какъ пріобрѣлъ довѣренность его, и когда самъ не могъ съ нимъ видѣться, то посылалъ Петровича, Юзь Баши принималъ во мнѣ искреннее участіе и всегда изъ лица его можно было видѣть благопріятныя ли получены изъ Хивы извѣстія. Находясь послѣ въ Тифлисѣ куда онъ былъ назначенъ посломъ отъ Хивинскаго Хана, онъ признался что слухи узнанные мной въ Хивѣ о собранномъ на мой щетъ совѣтѣ и приговорѣ къ казни, были точно справедливы.

Туркмены мои видя худое положеніе дѣлъ моихъ оказывали меньшее уваженіе; они старались отдѣлаться отъ меня опасаясь пострадать вмѣстѣ. Когда ходили на базаръ народъ толпился около ихъ, и спрашивалъ когда назначенъ день для казни Посланника, иные спрашивали у нихъ правда ли что Посланника въ прошлую ночь задушили. По сему поводу старшины уговаривали ихъ бѣжать, также и потому что Ханъ былъ очень раздраженъ на Юмудовъ, за то, что они

¹ Господинъ птицъ, званіе Оберъ Егермейстера не исправляя его должности.

еще до сихъ поръ не заплатили наложенной на нихъ подати съ приходящихъ кервановъ. Сеидъ становился дерзскимъ, слѣдующій случай покажетъ до какой степени дошла его необузданность.

Возивъ невольницу свою по базарамъ и деревнямъ онъ долго не продавалъ ее не получивъ требуемой цѣны. Нещастная Фатъма жила въ одной комнатѣ съ Туркменами, и когда они уходили, была очень обижаема Хивинцами, такъ что я не одинъ разъ посылалъ Петровича разгонять ихъ, но однажды довели ее до того, что она принуждена была бѣжать, обѣщаясь убить себя если вскорѣ не продадутъ. Сеида не было дома, когда онъ возвратился, я ему сказалъ, что поведеніе его мнѣ не нравится, что онъ долженъ перемѣнить его, слушаться меня, не забываться и продать женщину, которой присудствіе наносило намъ стыдъ.

Выслушавъ меня, онъ всталъ сказавъ «прощай Мурадъ Бегъ, я тебѣ служилъ до сихъ поръ; но если ты хочешь такъ со мной обращаться, то я тебя оставляю; Фатъма моя невольница, и я ее продамъ когда, и кому захочу. Прощай сказалъ и вышелъ.»

Я его кликнулъ, онъ ожидалъ моего извиненія; но я сказалъ ему «Сеидъ, поѣзжай назадъ, ты видишь мое бѣдственное положеніе и то что можешь вмѣстѣ со мной пострадать, — поѣзжай домой и скажи Кіатъ Агъ, которой тебя отправлялъ, что ты меня здѣсь покинулъ;— знай однакоже, что пока оружіе мое при мнѣ, я ни тебя, и никого не страшусь; безъ оружія же меня никто не увидитъ — прощай; и не приходи болѣе.»

Отвѣтъ сей сразилъ его, онъ сѣлъ, задумался, залился слезами, просилъ прощенія, клялся никогда не оставлять меня, и подвергнуться одинакой со мной участи; я помирился съ нимъ, онъ сталъ скромнѣе, и на другой день Фатъма была продана.

Сеиду надобно было довольно часто напоминать о семъ обѣщаніи, онъ нерѣдко измѣнялъ себѣ; но нельзя не сознаться что во нравѣ его были нѣкоторые хорошія черты.

Меня почти совсѣмъ лишили пищи и ничего не позволяли покупать, тогда я принужденъ былъ прибѣгнуть къ хитрости, давать деньги прикащику Атъ Чапара съ тѣмъ, чтобы онъ покупая хлѣбъ и барановъ — приносилъ мнѣ ихъ будто бы въ подарокъ; Атъ Чапаръ же самъ человѣкъ очень богатый, и значущій, приходилъ тихонько въ комнату гдѣ висѣла баранина и кралъ цѣлые куски, я открывъ сіе посмѣялся о томъ съ Юзъ Башею, которой не преставаъ ободрять меня въ терпеніи, подавая надежду къ щастливому перевороту моихъ дѣлъ.

У Атъ Чапара было 7 Русскихъ невольниковъ, изъ коихъ одинъ жилъ въ Иль Гельди, 3 въ Хивѣ и 3 по другимъ мѣстамъ. Живущій въ Иль Гельди назывался Давыдомъ, его схватили еще 14 лѣтнимъ мальчикомъ около Троицкой крѣпости на Оренбургской линіи, и продали въ Хиву. Онъ уже 16 лѣтъ въ неволѣ. Былъ проданъ и перепроданъ нѣсколько разъ и давно принялъ нравы и обычаи

Хивинцовъ, но не перемѣнялъ закона своего. Его скрывали отъ насъ, но какъ то случилось Петровичу нечаянно съ нимъ повстрѣчаться. Давыдъ просилъ его доложить мнѣ, чтобы я постарался вывезти его изъ Хивы. Я искалъ случая съ нимъ видѣться; но рѣдко сіе мнѣ удавалось, несмотря на то приказалъ ему узнавать черезъ прїѣзжающихъ съ арбами изъ Хивы Русскихъ, что тамъ дѣлается, что говорятъ обо мнѣ. Давыдъ могъ это знать, потому что ему хорошо были знакомы четверо женатыхъ Русскихъ, которыхъ Ханъ очень любилъ, и держалъ всегда при себѣ. Онъ узналъ тоже самое о собиравшемся на мой щетъ совѣтѣ. Персидскіе невольники коихъ человѣкъ 10 было въ Иль Гельди, тоже подтвердили, и также старались оказывать мнѣ всякаго рода услуги.

Я желалъ самъ поговорить съ Давыдомъ и приказалъ ему придти къ себѣ ночью. Ему подъ опасаніемъ смерти запрещено было съ нами видѣться, однакожь онъ пришелъ въ полночь, и подтвердилъ тѣже самыя вѣсти на мой щетъ, которыя уже знали отъ Туркменовъ. Онъ также далъ мнѣ многія свѣденія на щетъ положенія Русскихъ невольниковъ въ Хивѣ. Я отпустилъ его наградивъ червонцомъ.

Ихъ ловятъ большею частію Киргизцы на Оренбургской линіи, и продаютъ въ Хиву. Число Русскихъ невольниковъ въ Бухаріи находящихся, говорятъ столь же велико какъ и въ Хивѣ. Проводя цѣлый день въ трудной работѣ къ коей ни Туркмены ни Хивинцы неспособны; они получаютъ на содержаніе въ мѣсяцъ по два пуда муки и больше ничего, развѣ иногда бросаютъ имъ изношенный кафтанъ. Они продаютъ излишество получаемого хлѣба и копятъ деньги присоединяя пріобрѣтаемая воровствомъ. Когда же соберутъ сумму превышающую за нихъ заплаченную 20 или 30 тиллами (1 тилла равенъ 4 р. серебр.) (что обыкновенно удается имъ послѣ двадцати лѣтъ неволи), то откупаются у своихъ хозяевъ; однакожь получивши свободу должны остаться навсегда въ Хивѣ, по второму подозрѣнію о побѣгѣ лишаютъ ихъ жизни. За 25 лѣтняго Русскаго платятъ по 60 и по 80 тилла, за Персіянина меньше. Сихъ послѣднихъ считается до 30,000 въ Хивѣ, Русскихъ же до 3000. Персіянъ привозятъ очень часто по 5, по 10, а иногда и по 30 человѣкъ. Туркмены ловятъ ихъ въ Астрабадѣ и по дорогѣ къ Хивѣ бросаютъ усталыхъ, которые погибаютъ въ степи, привезши ихъ въ Хиву хозяинъ садится на площадь и окружаетъ себя невольниками, покупщики являются и торгуютъ ихъ какъ лошадей. Иногда сами же Туркмены крадутъ ихъ обратно изъ Хивы и привозятъ въ Персію получая отъ родителей за нихъ плату. Въ мою бытность въ Хивѣ привозили нѣсколько партій сихъ невольниковъ, и продавали развозя ихъ по деревнямъ. Атъ Чапара купилъ шестнадцати лѣтняго мальчика сына богатаго Астрабадскаго купца довольно дорого въ надеждѣ перепродать его съ барышемъ обратно, сестру его 14 лѣтнюю дѣвицу возили нѣсколько дней по всѣмъ базарамъ, прося за нее 80 тилла и хорошаго сукна на кафтанъ. Персидскихъ невольниковъ заставляють перемѣнять законъ,

Русскихъ же не принуждаютъ къ сему. Меня Давыдъ увѣрялъ что они имѣютъ даже особую комнату, куда ставятъ образа, и по ночамъ ходятъ молиться. Три праздника въ году, хозяева имъ позволяютъ гулять, они тогда собираются и напиваются водкой, которую сами гонятъ изъ какой то ягоды. Праздники сіи обыкновенно кончаются какимъ нибудь убійствомъ.

Хозяева имѣютъ права убивать невольниковъ своихъ, но рѣдко сіе дѣлаютъ, чтобы не лишиться работника; а выкалываютъ имъ одинъ глазъ, или отрѣзываютъ ухо, при мнѣ Атъ Чапаръ хотѣлъ отрезать Давыду ухо за то, что онъ ѣздивши въ Хиву, поссорился съ Персидскимъ невольникомъ, и ударилъ его ножомъ. Онъ билъ его плетью сперва по лицу, потомъ выхватя ножъ, приказалъ его повалить дабы исполнить свое намѣреніе; но его удержалъ отъ сего прикащикъ его Узбекъ Магмедъ Ага. Я не заступался за него опасаясь чтобы отъ моего содѣйствія ему бы не было хуже, и ушелъ, — въ ту же ночь пришелъ ко мнѣ Давыдъ и сказалъ, «видалъ ли ты Ваше Высокородіе, какъ меня били, хотѣлъ собака ухо отрѣзать, да вчера еще сынъ его завалилъ мнѣ плетей съ 500, съ ними собаками надобно всегда едакъ поступать, по смѣлѣ, а то они и на шею садутъ, вишь даромъ что меня били, а они меня боятся, — посмотрѣлъ бы ты когда я напыюсь, такъ всѣ бѣгутъ отъ меня.»

Пріѣхалъ къ намъ Сеидъ Незеръ изъ Ургенджа, онъ часто меня навѣщалъ. Я не знаю подозрѣвали ли меня въ намѣреніи бѣжать, только, когда я спросилъ у него скоро ли возвратится Ханъ, онъ отвѣчалъ съ жаромъ, развѣ вы бѣжать хотите? Бѣгите, осмѣльтесь бѣжать увидите что съ вами тогда будетъ. Я внутренно досадывалъ, но не смѣлъ сего показать опасаясь открыть свое намѣреніе и отвѣчалъ ему кротко, что онъ ошибается, и что Посланники никогда не бѣгаютъ, потому что владѣлецъ отвѣчаетъ всегда за ихъ безопасность.

Октября 20

Однако случай сей заставилъ меня подозрѣвать не узнали ли моего намѣренія, я пошелъ въ садъ осматривать стѣны; лѣстница приставленная къ послѣдней стѣнѣ, на которую я много надѣялся, была снята. Я жаловался Юзъ Башѣ на грубыя слова Сеидъ Незера, говорилъ что начиная съ Атъ Чапара человѣка уже не молодаго, съ большой сѣдой бородой долженствующей внушать почтеніе, все семейство его кажется мнѣ презрительнымъ. Правда отвѣчалъ мнѣ Юзъ Баша, борода его ничего не доказываетъ, у козловъ также большія бороды.

Посѣтилъ меня Гекимъ Али бай, онъ увѣрялъ меня въ привязанности своей, и сказалъ что собирается съ кербаномъ бѣжать изъ Хивы. У Хана глаза теперь налились кровью сказалъ онъ, прежде всякой имѣлъ доступъ къ нему, теперь же никого не слушаетъ, деретъ съ насъ ужасныя подати за приходящіе кербаны, и симъ преграждаетъ намъ совсѣмъ путь въ Хиву. Онъ вѣшаетъ насъ, сажаетъ на колъ и проч.

Октября 21

Въ самомъ дѣлѣ Ханъ часто казнить Туркменовъ живущихъ въ

его Ханствѣ за воровство и другіе непорядки. Но симъ только однимъ средствомъ онъ могъ возстановить тишину въ своихъ владѣніяхъ. Въ бытность мою онъ пятерыхъ повѣсилъ.

Гекимъ Али бай просилъ у меня письма къ Маіору Пономареву, но я боясь ввѣрить ему оное, отдалъ бывшую со мною древнюю монету Юлія Кесаря, для врученія оной на корветѣ Священнику отцу Тимофею, прося его отъ моего имени поставить свѣчку передъ образомъ; у насъ такой обычай сказалъ я Гекимъ Али-Баю, и я тебя о семъ не тайно прошу, ты можешь сказать о томъ кому хочешь¹. Забудь прошедшее сказалъ мнѣ Гекимъ Али-бай вставая, и не сказывай по возвращеніи своемъ, что я сдѣлалъ тебѣ Туркменскую невѣжливость, я нарочно пріѣзжалъ тебѣ поклониться.

Какъ ни запрещали строго Туркменамъ входить ко мнѣ, но они всегда находили средства со мною видѣться; иные мнѣ были нужны, отъ большей же части, покоя не было.

Наконецъ Ханъ возвратился съ охоты и прибылъ на водопроводъ Дашъ Гоузъ, — меня всѣ обнадеживали что скоро буду имъ призванъ.

Хотя уже пять дней прошло съ пріѣзда Хана въ Хиву, но меня все еще держали подъ стражею; не видя никакихъ средствъ избавиться отъ жестокой неволи, рѣшился я прибегнуть къ угрозамъ; почему и повторялъ нѣсколько разъ приставамъ своимъ прося ихъ сказать Хану отъ моего имени, что наступаетъ зимнее время, корветъ подвергается опасности замерзнуть въ Балканскомъ заливѣ и погибнуть, ибо безъ меня онъ возвратиться не можетъ, если же ото льда онъ потерпитъ, то Ханъ будетъ за него отвѣчать предъ Россійскимъ Государемъ. Но никто изъ приставовъ моихъ не смѣлъ ѣхать къ нему съ симъ донесеніемъ.

Трое Туркменовъ моихъ видя что дѣла мои идутъ худо, начали самовольствовать, — одинъ изъ нихъ просилъ даже у меня увольненія, — я отпустилъ его, и также какъ и Сеида заставилъ послѣ раскаиваться.

Я позвалъ къ себѣ Атѣ Чапара и Юзѣ Башу, чтобы узнать отъ нихъ обстоятельно о намѣреніяхъ Хана, прося ихъ еще разъ, донести ему о положеніи корвета и представить объ отвѣтственности которой за сіе подвергается; но они убѣждали меня подождать еще одинъ день, до прибытія въ Иль Гельди Ходжашъ Мегрема, котораго будто бы съ часу на часъ ожидали. Видѣвши ихъ нерѣшимость, я хотѣлъ послать Петровича или Сеида въ Хиву, но пристава сего не позволили.

Я узналъ черезъ одного Туркмена что съ Красноводскаго берега пріѣхалъ въ Хиву Томудъ Ніасъ Батыръ², имѣющей два письма отъ

Октября 23

Октября 31

Ноября 4

¹ На Корветѣ всѣ знали что у меня была сія монета и посылкою оной я полагалъ извѣститъ ихъ что еще живъ.

² Онъ нѣсколько разъ отличался храбростію въ глазахъ Хана и былъ принятъ имъ въ службу, Ніасъ Батыръ жилъ два года въ родинѣ своей и женился; теперь же по приглашенію Хана прибылъ опять въ Хиву съ семействомъ своимъ.

Маіора Пономарева, одно ко мнѣ, а другое къ Хану.

Съ разсвѣтомъ я отправилъ Кульчи тайнымъ образомъ въ Хиву для сысканія его и доставленія мнѣ письма.

Самъ Ніасъ Батырь пріѣхалъ и сказавъ мнѣ поклонъ отъ Хана вручилъ по приказанію его письмо отъ Пономарева.

Ноября 7

По словамъ Ніасъ Батыра Ханъ былъ чрезвычайно имъ обрадованъ; Магмедъ Рагимъ, продолжалъ Ніасъ былъ обманутъ слухами доходившими до него отъ пріѣзжающихъ Туркменовъ, что будто бы Русскіе строятъ крѣпость на берегу; но я его теперь разуверилъ, и въ знакъ своего добраго расположенія къ вамъ, онъ приказалъ мнѣ лично вамъ доставить сіе письмо и просить васъ взять нѣсколько терпѣнія и не скучать; онъ скоро намѣренъ васъ позвать, — на корветѣ же все благополучно. Веселятся, стрѣляютъ изъ орудій, и ожидаютъ васъ. Я пріѣхалъ избавителемъ вашимъ, безъ меня, вы бы весь свой вѣкъ въ крѣпости просидѣли. Богъ знаетъ чего онъ мнѣ не наговорилъ; хотя изъ словъ его и видно было одно самохвальство и я мало ему довѣрялъ, однакоже какъ пріѣзжаго отъ Хана угостилъ его чѣмъ могъ; старый Атъ Чапаръ мой расхлопотался и истратилъ въ сей день болѣе нежели чтобы въ недѣлю на меня издержалъ.

Письмо ко мнѣ Маіора Пономарева ничего важнаго не заключало, онъ писалъ только что къ 8 числу Ноября ожидаетъ моего возвращенія, я, сдѣлавъ Ніасъ Батыру значительной подарокъ, сказалъ ему, что не желая ничего имѣть скрытнаго отъ Хана; прошу доставить ему сіе письмо для прочтенія.

Ніасъ Батырь клялся что черезъ два дни буду непременно Ханомъ призванъ, и обѣщаясь служить мнѣ чѣмъ можетъ и всякой день присылать вѣстника изъ Хивы. Остался у меня ночевать.

Хотя разсудивъ обстоятельно, я почти совсѣмъ не вѣрилъ Ніасу, однажожъ по свойственной слабости всякому неимѣющему почти никакихъ средствъ къ спасенію, сказанныя имъ вѣсти меня радовали, и 8 числа въ день Архистратига Михаила, я созвалъ всѣхъ родственниковъ моихъ Туркменовъ, купилъ двухъ барановъ, пшена, велѣлъ сварить нѣсколько большихъ плововъ, и угостилъ ихъ какъ могъ. Также и жителей крѣпости, въ мрачной сей обители въ первой разъ разлилась свѣтлая радость; голодные невольники и Туркмены, вырывали другъ у друга куски и ссорились, — пиршество кончилось, и я отпустилъ Ніасъ Батыра, напомнивъ ему обѣщаніе не оставлять меня безъ извѣстій.

Того же числа возвратился посланный мною уже нѣсколько дней тому назадъ Кульчи для отысканія Ніасъ Батыра, — онъ видѣлъ повѣшенныхъ Туркменовъ и былъ въ большемъ страхѣ.

Вечуру Ніасъ опять ко мнѣ пріѣхалъ, онъ засталъ Хана въ Май Дженгилѣ, выѣхавшаго изъ Хивы на охоту, на два дни, и наговорилъ мнѣ очень много на счетъ своего усердія; 10 числа опять поѣхалъ въ Хиву.

Ноября 9

Числы прошли безъ всякаго приглашенія отъ Хана, Давыдъ

Ноября
11,12,13

сказывалъ мнѣ что Ханъ готовится къ принятію меня, что онъ заказалъ даже для подарковъ платья, что въ моей комнатѣ будетъ одна дверь заперта на замокъ, за которой будетъ Русской меня подслушивать, и что я буду отпущенъ съ честью. Я не могъ совершенно вѣрить всему, и просилъ Юзь-Башу сказать мнѣ останусь ли я зимовать въ Хивѣ, или отпустятъ меня дабы взять свои мѣры. Не желая васъ обманывать, отвѣчалъ онъ, признаюсь что самъ ничего не знаю; мнѣ кажется однакожь отвѣчалъ онъ, что всякой часъ вамъ должно ожидать желаемаго приглашенія.

Я его упрасивалъ съездить къ нему и доложить объ опасности въ которой находится корветъ. «Если завтра къ полудню никто не пріѣдетъ изъ Хивы, то я поѣду сказалъ онъ, — 3 дни такимъ образомъ прошли и онъ не ѣхалъ.

Я ему представлялъ что бояться было нечего, потому что по словамъ Ніасъ-Батыра Ханъ ко мнѣ хорошо расположенъ; впрочемъ что за сіе не онъ а я одинъ пострадаю.

«Вы хотѣли ошибиться отвѣчалъ мнѣ Юзь-Баши, а я не хотѣлъ васъ разувѣрить очернивая человѣка, котораго вы почтили довѣренностію. Теперь вамъ скажу что Ніасъ-Батыръ безсовѣстной обманщикъ, словомъ Туркмень, которому никогда ни въ чемъ вѣрить не должно, мы ихъ довольно знаемъ, они у насъ обыкновенно на виселице кончаютъ свою жизнь.

Слова его были во многомъ справедливы, Ніасъ не присылалъ ни одного обѣщаннаго вѣстника, и въ Хивѣ искалъ средствъ обмануть меня принимая на себя мои покупки.

Наконецъ, по какому то обстоятельству Атъ-Чапаръ очень разсердилъ Юзь-Башу, которой пришедъ ко мнѣ сказалъ, что немедленно ѣдетъ въ Хиву представить Хану о худомъ моемъ содержаніи и о положеніи корвета, что невзирая ни на какія опасности, онъ рѣшился объявить ему отъ моего имени, что за потерю сего судна онъ будетъ отвѣчать передъ Русскимъ Государемъ, и что если онъ хочетъ меня задержать; то пускай корветъ отправить. Хану же оставалось только два дни до отъѣзда въ степь на охоту, куда онъ собирался на 3 мѣсяца, и уже выюки его и кибитки были вперёдъ отправлены.

Если дѣла хорошо пойдутъ сказалъ Юзь-Баши, ожидайте меня завтра послѣ полудня.

Онъ поѣхалъ 14 числа, слѣдующій день назначенной имъ для возвращенія прошелъ въ тщетномъ ожиданіи, и я полагая что уже онъ пострадалъ за объявленіе Хану мною сказаннаго или, что дѣла мои кончаются дурно, принужденъ былъ приняться за исполненія прежняго намѣренія своего, — бѣжать. Я повѣрилъ тайну сего одному Петровичу, опасаясь открыться Сеиду, и для того призвалъ сего послѣдняго довелъ его до того, что самъ мнѣ предложилъ побѣгъ; я сначала нѣсколько будто бы противился ему; но наконецъ согласился — итакъ оставалось только изыскать средства для исполненія сего.

Ноября 14

Сеидъ долженъ былъ достать у родственниковъ своихъ лошадей, и взять съ собою двухъ Туркменовъ, Ханъ Магмеда и Джанака, разбойниковъ, которые должны были удалиться изъ Хивы избѣгая висѣлицы, — я обѣщалъ Сеиду заплатить за покидаемыхъ верблюдовъ, и раздарить ему и товарищамъ его перстни и часы назначенные Хану.

Сеидъ долженъ былъ на другой день по утру 16 числа отправиться на базаръ, закупить намъ тулупы и сапоги и возвратиться къ полдню, — потомъ ввечеру ѣхать опять въ деревню и привести въ полночь лошадей къ крѣпостной стѣнѣ. Тогда надлежало мнѣ разбудить прочихъ товарищей и съ заряженнымъ оружіемъ пробираться изъ крѣпости. Дабы не подвергнуть Сеида опасности мы положили ожидать Юзь-Башу до вечера 16 числа, а если онъ пріѣдетъ послѣ второй поѣздки Сеида въ деревню за лошадьми хотя даже и съ хорошимъ извѣстіемъ, то не отлагать своего рѣшенія потому, что тогда слухъ о намѣреніи нашемъ безъ сомнѣнія не могъ бы оставаться въ тайнѣ. Мы бы подвергли Сеида и себя неизбѣжной казни.

По утру Сеидъ отправился, а я пошелъ съ Петровичемъ искать удобнаго мѣста гдѣ бы прокрасться ночью изъ крѣпости, и послѣ многихъ нерѣшимостей и толковъ ничего лучшаго не придумалъ, какъ лѣзть по веревки чрезъ стѣну, вопреки мнѣнію Сеида, которой прежде еще совѣтовалъ бѣжать въ ворота дабы увести лошадей у Атъ-Чапара — выѣхавши въ поле, намъ должно было скакать до границъ Ханства, достигнувъ оныхъ бросить усталыхъ лошадей, а свѣжихъ украсть у Туркменскихъ кибитокъ тамъ находящихся.

Ноября 16

Устроивъ все, какъ должно къ побѣгу, ожидалъ я съ нетерпѣніемъ полдня, дабы узнать о своей участи. Я могъ если бы не проворствомъ, то силой выбраться изъ Иль Гельди, потому что въ крѣпостцѣ сей было мало молодаго и вооруженнаго народа — къ тому же могъ еще надѣяться на помощь со стороны Персидскихъ невольниковъ и Давыда. Если бы нагнали меня въ полѣ я бы живой въ руки не отдался, а можетъ быть еще и ушелъ.

Полдни прошли, но ни Юзь-Баша, ни Сеидъ не являлись — боясь измѣны я очень беспокоился на щетъ втораго, солнце стало садиться и я погруженной въ задумчивости уклонился въ свой уголь ожидая рѣшенія участи.

Наконецъ Сеидъ пріѣхалъ и сѣлъ подлѣ меня. «Ты опоздалъ, сказалъ я ему, или можетъ быть усердіе твое и хлопоты были причиною промедленія, все ли готово сего дня къ полночи?» «Постой Мурадъ-Бегъ отвѣчалъ онъ, не торопись, я вотъ что сдѣлалъ; размысливъ что судьба управляетъ человѣками, мнѣ пришло въ голову, что если мы бѣжимъ, судьба наша насъ накажетъ за неповиновеніе ей. Я вспыхнулъ при сихъ словахъ, — «За чѣмъ же ты мнѣ вчера не объявилъ, что не умѣешь слова держать — сказалъ я ему — судьба намъ велитъ бѣжать, а ты мнѣ измѣнилъ. Купилъ ли ты по крайнѣй мѣрѣ вещи, я знаю что мнѣ дѣлать и безъ тебя?» «Вещей я никакихъ не купилъ, сказалъ Сеидъ, вотъ ваши деньги.» Я ему далъ 10

червонцевъ, а онъ размѣнялъ ихъ на мѣлкія и принесъ серебра и обрѣзанныхъ тилловъ, на 8 червонцевъ, говоря что остальные взяли съ него за промѣнъ.

Видѣвъ что находился совершенно въ рукахъ у Сеида, которой ежечасно могъ на меня донести, я пробылъ нѣсколько времени въ задумчивости, не зная на что рѣшиться, бѣжать ли одному, или съ терпѣніемъ ожидать моего приговора; печаль моя тронула Сеида, и онъ опять сталъ просить прощенія заливаясь слезами какъ ребенокъ, и обѣщая устроить побѣгъ нашъ къ другому дню, — я представлялъ ему низость его поступка, какъ вдругъ вбѣгаетъ Кульчи съ извѣстіемъ, что Юзь-Баши ѣдетъ. Юзь-Баши вошелъ и поздравилъ меня съ радостью; «Ханъ васъ требуетъ сказалъ онъ, завтра по утру мы ѣдемъ, — онъ было разсердился за то, что я оставилъ свое мѣсто, но послѣ когда ему рассказалъ обо всемъ подробно, о положеніи вашего корвета и о неизбѣжной отвѣтственности за удержаніе такимъ образомъ Посла, рѣшился онъ наконецъ позвать васъ, и принять какъ слѣдуетъ.» Я поблагодарилъ вѣстника подаркомъ, и весь тотъ вечеръ былъ веселѣй нежели во всѣ 48 дней проведенныхъ мною въ Иль Гельди. Туркмены мои снова сдѣлались мне покорными, а Атъ-Чапаръ, прежде грубой и несносной, сдѣлался необыкновенно ласковымъ и даже подлымъ прося никому не сказывать о скудости моего содержанія.

Я посылалъ ночью въ сосѣдственныя деревни, для найма лошадей, — слухъ о благорасположеніи ко мне Хана быстро распространился по всѣмъ окрестностямъ, и по утру знакомые и чужіе пріѣзжали поздравлять меня, въ надеждѣ получить подарки или быть помѣщенными въ посольство дабы проводивъ меня въ Хиву, всякой день ѣсть пловъ и пить чай.

Атъ Чапаръ на канунѣ еще обѣщался достать лошадей; но Юзь Баши совѣтовалъ не вѣрить Персіянину, которой хотя и принялъ вѣру Мусульмановъ; но не оставилъ своихъ отечественныхъ привычекъ — обманывать.

Передъ выѣздомъ своимъ изъ Иль-Гельди я велѣлъ Петровичу роздать жителямъ нѣсколько мѣлкихъ денегъ и подарилъ всякими мѣлочами тѣхъ изъ слугъ или невольниковъ, которые во время пребыванія моего въ Иль-Гельди старались оказывать мнѣ свои услуги, жители сего мѣста уже привыкли ко мнѣ, и все провожали меня за ворота, старики, дѣвушки, женщины и дѣти, — оставалась только одна собака *Койги* вѣчный сторожъ мой, и самой злой, къ которому я прежде подойти не могъ — но и та при прощаніи пришла и сѣла смиренно предо мною, среди окружавшихъ меня людей, — я ее покормилъ въ первой и послѣдней разъ, и разстался съ нею пріязненно.

Выѣхавши въ поле я почти не вѣрилъ, что освобожденъ отъ жестокаго заточенія въ которомъ ежечасно ожидалъ мучительной смерти. Я былъ покоенъ на щетъ своей безопасности, не полагая чтобы Хану нужно было употребить коварство для убіенія человѣка

Ноября 17

беззащитнаго и вѣрилъ словамъ Юзъ Баши.

Я вѣхалъ по направленію NO верстъ 35 до Хивы. Переѣхалъ двѣ песчаныя степи перерѣзанные каналами, по коимъ были большія селенія и много садовъ. Хивинцы съ большимъ искусствомъ проводятъ воду, я видѣлъ даже въ одномъ мѣстѣ два канала, изъ коихъ одинъ былъ проведенъ поперегъ другаго по мосту, а надъ симъ былъ еще мостъ по коему шла наша дорога.

Не доѣзжая 5 верстъ до города начинаются сады, въ коихъ подѣланы улицы и видно множество маленькихъ крѣпостей, въ которыхъ живутъ помѣщики. Передъ вѣздомъ въ городъ видъ становится очень пріятенъ. Высокая каменная окружающая его стѣна, надъ коей возвышается огромный куполь мечети берюзоваго цвѣта съ золотымъ шаромъ, и множество садовъ не позволяющіе даже видѣть всей его обширности, представляютъ прекрасную картину, — не доѣзжая онаго видно множество древнихъ могилъ; небольшой каналъ протекаетъ поперегъ дороги; на немъ выстроены прекрасные каменные мосты, — тутъ собрались многочисленныя толпы любопытныхъ провожая меня до назначеннаго мнѣ дома, — когда я вѣхалъ въ узкія улицы, то народъ сей такъ стѣснился, что даже проѣзда не было; люди другъ друга давили, падали подъ ноги лошадей нашихъ и Юзъ Баши принужденъ былъ силою разгонять окружающихъ. Между прочими видѣлъ я нѣсколько несчастныхъ Русскихъ, которые снимая шапки просили меня въ полголоса объ ихъ спасеніи.

Проѣхавши съ полверсты тѣсными переулками между плетневыми вымазанными глиною строеніями, наконецъ остановился въ глухомъ переулкѣ у дома, коего наружность была изрядная. Юзъ Баши привелъ меня на весьма хорошей чистый дворъ весь выложенный камнемъ, — съ сего двора былъ входъ въ нѣсколько комнатъ: одну большую отдали мнѣ, а маленькую Туркменамъ. Комната моя была очень хорошо убрана въ восточномъ вкусѣ, ковры были прекрасные, но холодъ непомѣрный. Любопытныя толпы народа ворвались даже ко мнѣ, Юзъ Баши ихъ выгналъ, и самъ пошелъ къ Хану доложить объ моемъ пріѣздѣ. Между тѣмъ столпилось ко мнѣ опять столь много народа, что въ дверяхъ была драка, а на дворѣ и прохода не было, — приставленные служители, *Ферашъ Баши*¹ Ханской и другіе не могли даже ихъ разогнать, — но возвратившійся Юзъ Баши, силою скоро избавилъ меня отъ несносныхъ посѣтителей. Двѣри и всѣ выходы заперли на большіе замки, и оставили при мнѣ только приставовъ, которые не смѣли войти въ мою комнату безъ приглашенія и всѣ сидѣли на дворѣ иные уходили домой но не иначе какъ съ моего позволенія. Самъ Атъ Чапаръ просидѣлъ пять дней на моемъ дворѣ, и хвалился названіемъ отца, которое ему я иногда въ насмѣшку давалъ, даже и тогда когда бранилъ его.

Юзъ Баши поздравилъ меня отъ имени Хана съ пріѣздомъ и

¹ Ферашъ Баши, начальникъ слугъ или голова слугъ.

объявиль, что я гость *Мехтеръ*¹ *Аги Юсуфа*, перьваго Визиря Ханскаго — тотчасъ приставлень былъ ко мнѣ поварь, и кромѣ того что для меня дома варили, приносили еще отъ Визиря огромныя блюда съ разными кушаньями, сахаромъ, чаемъ и плодами. Учтивость съ каковою обращались со мною несвойственна даже сему народу, однакожь при всемъ угощеніи продолжавшемся пять дней, меня держали подъ строжайшимъ карауломъ.

Ввечеру въ день моего приѣзда приходилъ со мною познакомиться Ходжашъ-Мегремъ, начальникъ таможни, — хитрый сей человекъ былъ очень ловокъ въ обращеніи, я съ нимъ провелъ часъ въ разговорѣ основанномъ на взаимныхъ учтивостяхъ, — онъ между прочимъ просилъ меня позволить ему исходатайствовать у Хана милость вести всѣ дѣла посольскія, я ему отвѣчалъ что не мнѣ предстоитъ назначать должности чиновникамъ Ханскимъ; но онъ въ тотъ же вечеръ все устроилъ, и пришелъ ко мнѣ съ объявленіемъ, что Ханъ ошастливилъ его симъ порученіемъ, и просилъ отъ его имени писемъ и подарковъ, я долго на сіе не соглашался; пока Юзь-Баши не удостоивилъ меня въ истиннѣ сказаннаго.

Несмотря на сіе я отдалъ Ходжашъ-Мегрему только письма, но въ ту же ночь и подарки вытребованы были. (Магмедъ-Рагимъ, спитъ днемъ, а занимается дѣлами ночью). Юзь Баши совѣтовалъ мне запечатать ихъ, чтобы Ходжашъ-Мегремъ, съ таможенными сообщниками не воспользовался чѣмъ нибудь изъ нихъ дорогой, я досталъ подносы, положилъ на нихъ сукна, парчи и другія вещи, и обвернувъ въ холстину отдалъ Ходжашу, которой пришелъ съ людьми, и самымъ тайнымъ образомъ ихъ понесъ, — съ нимъ отправилъ я Петровича, — часа два онъ не возвращался, и я уже думалъ, что не случилось ли съ нимъ чего-либо непріятнаго. Какъ вдругъ онъ вошелъ съ шумомъ, въ Узбекскомъ одѣянніи, бросилъ огромную шапку въ одинъ уголь, кафтанъ въ другой, увѣряя, что болѣе никогда не пойдетъ съ таковыми порученіями, что его проморозили въ коридорѣ, и наконецъ Ходжашъ скинувъ съ себя платье подарилъ его онымъ отъ имени Хана и отпустилъ, — на другой же день Ходжашевъ отецъ Атъ Чапаръ, торговалъ у Петровича тотъ же самый кафтанъ назадъ.

*Диванъ Беги*² Мехтеръ Аги; приходилъ ко мнѣ требовать обратно подносовъ, которые у него бралъ для посылки подарковъ къ Хану, я просилъ Юзь Башу оные достать, но онъ мнѣ отвѣчалъ, что подносовъ сихъ хозяинъ никогда болѣе не увидитъ, потому что Ханъ нашъ человекъ крѣпкой, и что къ нему разъ попадется никогда назадъ не воротится.

Въ числѣ подарковъ былъ одинъ подносъ съ десятью фунтами свинца, такого же количества пороху и 10 кремнями. Ханъ всю ночь разсматривалъ вещи, поднималъ подносъ и удивляясь тяжести его,

¹ Господинъ конюхъ, званіе перваго Визиря не исправляющаго должности конюха.

² Господинъ суда — должность засѣдателя.

спросилъ у Юзъ Баши не тутъ ли увязаны тѣ червонцы которыхъ ожидалъ, послѣ того онъ распечаталъ холстину въ которую вещи были обвернуты, и крайне удивился не нашедши желаемого. Подарокъ же они кажется растолковали слѣдующимъ образомъ: двѣ головы сахару, которыя на томъ подносѣ увязаны были вмѣстѣ съ порохомъ и свинцомъ принялъ онъ за предложеніе мира и сладкой дружбы, на которую ежели не согласится то объявится ему война.

Ханъ не принималъ меня, — мнѣ хотѣлось послать нѣсколько подарковъ, къ старшему брату его Кутли Мурадъ Инаху, но мнѣ сказали что сего нельзя сдѣлать безъ позволенія Хана, — я получилъ оное черезъ Юзъ Башу и послалъ къ нему ночью съ Петровичемъ сукна, парчи, сахару, и нѣкоторыя бездѣлицы, Петровичъ не видалъ его; но былъ отдаренъ 5 золотыми тиллами.

Ноября 18

Между посланными къ нему подарками находился небольшой бритвенной ящикъ, въ которомъ была жестяная мыльница съ кускомъ черного мыла. Инахъ разбирая всякую вещь порознь, увидѣлъ его и впалъ въ подозрѣніе не узнавъ что это мыло, онъ призвалъ своего лѣкаря, которой также не узналъ мыла, послали ко мнѣ о семъ спросить — я забылъ что въ ящикѣ было и просилъ о присылкѣ онаго ко мнѣ на время, дабы рассказать какія въ немъ вещи, мнѣ отказали, я просилъ одну мыльницу, и той не прислали, — я просилъ кусокъ черного мыла, не надѣйтесь увидѣть оное сказалъ мнѣ Юзъ Баши, нашъ Инахъ, такой же крепкой человѣкъ какъ и Ханъ что къ нему разъ попалось, то никогда назадъ не возвращается, а это вѣрно мыло должно быть и я его успокою.

Въ тотъ же вечеръ я вспомнилъ что въ числѣ подарковъ были десять стеклянныхъ стакановъ, которые я забылъ Хану послать; почему и просилъ Юзъ Башу ихъ ему доставить и извинить меня въ забвеніи оныхъ. Это ничего сказалъ Юзъ Баши, Ханъ нашъ все приметъ, отъ него лишь получать трудно, у насъ же стекло рѣдкость, ему это понравится, только не посылайте 10^{ти}, число сіе у насъ полагается не хорошимъ, а 9 счастливое.

Онъ понесъ 9 стакановъ и возвратился послѣ полночи. Ханъ былъ очень доволенъ, всякой стаканъ пересматривалъ, и сказалъ жаль, что стекло сіе не прислали ко мнѣ въ то время когда я пилъ водку (онъ прежде много употреблялъ оной; но теперь оставилъ, пересталъ даже и кальянъ курить, запретивъ куренье онаго подданнымъ своимъ, — онъ узаконилъ разрѣзывать ротъ по уши тому кто, сіе нарушитъ). Не менѣе того запрещеніе сіе не строго соблюдается.

Ханъ знаетъ что нѣкоторые изъ приближенныхъ его курятъ, но дѣлаетъ какъ будто бы сего не замѣчаетъ.

Многіе изъ Хивинцовъ вмѣсто табаку курятъ траву называющуюся *Бенгъ*. Трава сія очень вредна и не привыкшіи оную курить впадаетъ отъ нее въ безпамятство.

Въ числѣ подарковъ посланныхъ къ Хану былъ стеклянной кальянъ, коему онъ очень удивлялся, и спрашивалъ у Юзъ Баши какая

это вещь, но онъ не смѣя назвать ее, отвѣчалъ что это сосудъ, для храненія уксуса, до котораго Ханъ большей охотникъ.

Зажигательное мое стекло чрезвычайно удивляло Хивинцевъ, многіе приходили нарочно смотрѣть его, и увѣряли что такіа чудесныя свойства нельзя приписать стеклу, и что это непременно долженъ быть горной хрусталь.

Чиселъ я все еще находился подъ крѣпкой стражей, и никто не смѣлъ ко мнѣ приходить безъ позволенія.

Ноября 18,19

Я вспомнилъ что въ бытность мою въ Иль-Гельди, Давыдъ говорилъ мнѣ, что когда пріѣду въ Хиву, то приставленъ будетъ къ одной изъ двѣрей моей комнаты Русской, для подслушиванія моихъ рѣчей, и осмотрѣвшись я дѣйствительно нашелъ сію дверь, она была заперта, и слышанъ былъ даже за ней человѣкъ, — я нарочно сядилъ подлѣ двери, и разговаривалъ громко съ переводчикомъ о военныхъ достоинствахъ Магмедъ Рагимъ Хана, о силѣ его, и преимуществѣ Хивинскаго народа надъ Персіянами и проч. 3 дни меня выслушивали и доносили о семъ владѣльцу.

Въ теченіи сего времени, невзирая на всѣ вѣжливости мнѣ оказываемыя, я довольно скучалъ, потому что былъ въ неволѣ и опасался чтобы Ханъ не отправился опять на 3 мѣсяца на охоту, зная что у него уже все было готово къ походу.

Первой Министръ и пристава до такой степени были ласковы, что видя меня скучнымъ, привели нѣкоего Мулла Сеида, человѣка лѣтъ 40, очень умнаго, и имѣющаго всю веселость и ловкость Европейца, онъ шутилъ очень пріятно, игралъ въ шахматы, какъ я еще ни одного игрока не видалъ, (игра сія въ большемъ обыкновеніи въ Хивѣ).

Мулла Сеидъ жилъ подаеніями отъ первыхъ чиновниковъ Ханства, онъ съ ними проводилъ вечера, игралъ въ шахматы, сочинялъ стихи, читалъ книги, и рассказывалъ сказки и проч. Онъ въ самомъ дѣлѣ зналъ хорошо по Арабски, по Персидски и по Турецки, говорилъ ясно, и очень пріятно, зналъ древнюю Исторію Востока, и рассказывалъ ее съ жаромъ, мѣшая въ рассказы свои приличныя стихотворенія изъ лучшихъ сочинителей. Онъ говорилъ мнѣ шуткой что имѣя домъ свой въ предмѣстіи, уже 14 лѣтъ въ немъ не былъ, а все ночевалъ по гостямъ у знатныхъ въ Хивѣ; жаловался на нынѣшнія времена, говоря, что Ханъ необычайно строгъ, и не позволяетъ ни водки пить, ни бенгу курить. Онъ занялъ меня до 2 часа утра.

Передъ вечеромъ Ходжашъ Мегремъ прислалъ Сеидъ Незера звать меня къ Хану. Я одѣлся въ полной мундиръ не снимая Хивинской шапки, вмѣсто настоящаго воротника своего я пришилъ красной, опасаясь, чтобы кто нибудь изъ находящихся при Ханѣ Русскихъ не узналъ рода службы моей по воротнику.

Ноября 20

Юзь Баши предупредилъ меня что по Хивинскимъ обычаямъ нельзя въ саблѣ къ Хану представляться, а безъ оной я къ нему идти не хотѣлъ; почему и просилъ его сказать о семъ Хану, — вы этимъ все

дѣло испортите отвѣчалъ Юзъ Баши, Ханъ теперь въ хорошемъ расположеніи духа: я лучше доложу ему что у васъ не сабля а длинной ножъ (у меня была не сабля, а Черкезкая шашка), Юзъ Баши пошелъ, скоро воротился говоря, что Ханъ приказалъ меня просить придти къ нему безъ оружія, единственно для того, чтобы не нарушить ихъ обычая.

Я согласился уважить сію просьбу, дабы успѣшнѣе исполнить ввѣренное мне порученіе.

Юзъ Баши и пристава шли впереди, нѣсколько Есауловъ, съ толстыми дубинами разгоняли толпящійся передо мною народъ, всѣ крыши были покрыты любопытными, — и сей разъ также слышаны были жалобы нѣкоторыхъ соотечественниковъ нашихъ скрывающихся въ толпе. Я шелъ такимъ образомъ съ ¹1₄ версты узкимъ переулкомъ, до воротъ дворца Ханскаго, у коихъ меня остановили, между тѣмъ пошли къ Хану съ докладомъ и скоро воротились съ приглашеніемъ идти во Дворецъ. Кирпичныя ворота дворца сего были очень хорошо и со вкусомъ складены. Я вошелъ на первой дворъ, онъ не великъ песчанъ и обнесенъ нечистыми глиняными стѣнами, около которыхъ сидѣло 63 Киргизскихъ Посла, пріѣхавшихъ на поклонъ къ Магмедъ Рагиму поѣсть, получить по кафтану изъ толстаго сукна, и возвратиться.

Второй дворъ несколько по менѣе и заключаетъ Арсеналь Ханской; на ономъ находятся 7 орудій съ лафетами, сдѣланныя и окованныя по нашему, и лежація одно на другомъ съ изломанными колесами; мнѣ дали ихъ замѣтить.

Я взошелъ на третій дворикъ гдѣ собирается ихъ совѣтъ, въ покоѣ называемомъ Гернюшъ Хане,¹ съ сего дворика привели меня въ корридоръ, при входѣ котораго стояли нѣсколько Ханскихъ слугъ. Корридоръ былъ крытъ камышемъ, стѣны земляныя, полъ грязной и неровной, — выходя изъ онаго я спустился двумя ступенями на 4 дворъ, по болѣе первыхъ трехъ, но всѣхъ грязнѣе, кое гдѣ росли стѣпныя травы, а на срединѣ двора стояла Ханская кибитка.

Спускаясь со ступеней подошелъ ко мнѣ какой то; человѣкъ, въ засаленномъ тулупѣ, по рваннымъ ноздрямъ можно было видѣть что онъ Русской, бѣжавшій изъ Сибири — онъ схватилъ меня за шарфъ сзади и хотѣлъ вести.

Въ ту минуту подумалъ я, что меня обманули и привели сюда не для переговоровъ съ Ханомъ, но для казни, для чего и не позволили подѣ предлогомъ Хивинскаго обычая идти въ оружіи. Я оборотился, и съ сердцемъ спросилъ у него за чѣмъ онъ меня ухватилъ за шарфъ и, между тѣмъ замахнулся рукой, онъ отскочилъ, и Юзъ Баши, подошедъ объявилъ мнѣ, что по обычаю Хивинцовъ Посланниковъ должно вести къ Хану, Русской снова подошелъ, но не смѣлъ уже меня брать за шарфъ поднявъ руку держалъ ее только за мною.

¹ Мѣсто свиданія, или бѣседы.

Я остановился передъ кибиткой, въ коей сидѣлъ Ханъ въ красномъ халатѣ, сшитомъ изъ сукна мною ему привезеннаго. Небольшая серебряная петлица застегивалась на груди; на головѣ была чалма съ бѣлой повязкой, онъ сидѣлъ неподвижно на корассанскомъ коврѣ; у входа въ кибитку стояли съ одной стороны Ходжашъ Мегремъ, а съ другой Юсуфъ Мехтеръ Ага, человѣкъ старой, я его тутъ въ первой разъ увидѣлъ.

Наружность Хана очень пріятна, хотя и огромна, говорятъ что въ немъ 1 сажень роста, и что верховая лошадь его болѣе двухъ часовъ везти не можетъ, — у него короткая свѣтлорусая борода, голосъ пріятный, говоритъ ловко, величественно и чисто.

Ставши противъ него, я поклонился не снимая шапки, — и чтобы не отступить отъ ихъ обычая дожидаль пока самъ начнетъ говорить. Пробывши такимъ образомъ нѣсколько минутъ, одинъ изъ приближенныхъ его проговорилъ слѣдующую молитву. Да сохранить Богъ владѣніе сіе для пользы и славы владѣльца — послѣ сего Ханъ погладивъ себя по бородѣ, также и двое присутствующихъ (приставъ мой Юзъ Баши по одалъ стоялъ) привѣтствовали меня слѣдующими словами: Хошь Гелюбсень. Хошь Гелюбсень: т. е. добро пожаловать (обыкновенное привѣтствіе Азіатцовъ). Послѣ чего продолжалъ, — Посланникъ! за чѣмъ ты пріѣхалъ, и какую имѣешь просьбу до меня? Я отвѣчалъ ему слѣдующею рѣчью. «Щастливой Россійской Имперіи, Главнокомандующій надъ землями лежащими между Чернымъ и Каспійскимъ морями, имѣющій въ управленіи своемъ Тифлисъ, Ганжу, Грузію, Карабагъ, Шушу, Нуху, Шеки, Ширванъ, Баку, Кубу, Дагестанъ, Дербентъ, Астраханъ, Кавказъ, Ленкоранъ, Сальянъ, и всѣ крѣпости и области отнятыя силою оружія у Каджаровъ, послалъ меня къ Вашему Высочеству, для изъявленія почтенія своего, и врученія вамъ письма въ благополучное время писаннаго.

Ханъ.

Я читалъ письмо его.

Я.

Сверхъ того онъ поручилъ мнѣ доставить Вашему Высочеству нѣкоторые подарки, которые и имѣлъ я нѣсколько дней впередъ щастье, отправить къ вамъ. Я имѣю также приказаніе доложить вамъ о нѣкоторыхъ предметахъ изустно, я буду ожидать приказанія вашего для доклада объ нихъ, — когда угодно будетъ вамъ выслушать меня, теперь или въ другое время.

Ханъ.

Говори теперь.

Я.

Главнокомандующій нашъ желая вступить въ тѣсную дружбу съ Вашимъ Высочествомъ, хочетъ войти въ частыя сношенія съ вами. Для сего должно сперва, утвердить торговлю между нашимъ и вашимъ народами въ пользу обѣихъ державъ. Теперь кербаны ваши ходящіе черезъ Мангышлакъ, должны идти 30 дней почти безводной

степью, трудная дорога сія причиною что торговыя сношенія наши до сихъ поръ еще очень малозначительны. Главнокомандующій желалъ бы, чтобы кербаны сіи ходили къ Красноводской пристани что въ Балканскомъ заливѣ; по сей новой дорогѣ только 17 дней ѣзды и купцы ваши всегда найдутъ въ предполагаемой новой пристани Красноводской нѣсколько купеческихъ судовъ изъ Астрахани, съ тѣми товарами и издѣліями, за которыми они къ намъ ѣздятъ.

Ханъ.

Хотя справедливо, что Мангышлакская дорога гораздо долѣе Красноводской; но народъ Мангышлакской мнѣ преданъ и подданъ; прибрежные же Юмуды живущіе къ Астрабаду по большей части служатъ Каджарамъ, и потому кербаны мои подвергаться будутъ опасности быть ими разграбленными, — я не могу согласиться на сію перемѣну.

Я.

Таксирь¹ когда вы вступите въ дружественныя сношенія съ нами, тогда непріатели ваши будутъ нашими.

Далѣе говорилъ Я.

Слава оружія Вашего Высочества слишкомъ мнѣ извѣстна, но что же прикажите отвѣчать Главнокомандующему нашему желающему, дружбы вашей; онъ приказалъ просить у васъ довѣреннаго человѣка, дабы угостивъ его, по возвращеніи, онъ могъ извѣстить васъ о благорасположеніи Главнокомандующаго. По прибытіи же въ отечество, я буду тотчасъ отправленъ для донесенія Государю Императору о приѣмѣ мнѣ здѣсь оказанномъ и объ отвѣтѣ данномъ Вашимъ Высочествомъ.

Ханъ.

Я пошлю съ тобой хорошихъ людей, и дамъ имъ письмо къ Главнокомандующему, — я самъ желаю, чтобы между нами утвердилась настоящая и неразрывная дружба — Хошъ Гелюбсенъ.

Послѣднѣе слово сіе означало, что мнѣ должно было раскланиваться. Я поклонился и пошелъ, меня повели въ Гернюшъ Хане, за мною слѣдовали Ходжашъ Мегремъ и Мехтеръ Ага, и вскорѣ принесли ко мнѣ на нѣсколькихъ подносахъ сахару и плодовъ; я побылъ тутъ съ полчаса, въ теченіи сего времени Мехтеръ Ага разспрашивалъ меня о сношеніяхъ Россіи съ Персіей, и о силахъ нашихъ въ Грузіи, — я отвѣчалъ, что у насъ тамъ до 60.000 Русскаго регулярнаго войска; что сверхъ того можемъ столько же набрать иррегулярной обывательской конницы изъ славныхъ наѣздниковъ состоящей.

Вскорѣ вошелъ къ намъ Юзъ Баши, за нимъ человѣкъ несъ халатъ изъ золотой парчи подаренный мнѣ Ханомъ, которой надѣли на

¹ Таксиръ есть титулъ Хивинскаго Хана, слово сіе значитъ вина. Магмедъ Рагимъ называется Таксиръ Ханомъ, или Ханомъ вины, — вѣроятно Ханъ каратель вины.

меня, перепоясали богатымъ кушакомъ, изъ Индѣйской золотой парчи, дали за поясъ кинжалъ, въ серебряныхъ ножнахъ, и сверхъ всего накинули на меня родъ ризы съ короткими но локоть рукавами, сшитую изъ Русской парчи, переѣнили шапку на другую по хуже, которую мнѣ Ханъ дарилъ, и повели опять къ кибиткѣ его. Начался тотъ же самой обрядъ, послѣ чего помолчавъ нѣсколько, Ханъ приказалъ мнѣ повторить все сказанное снова, я ему опять все пересказалъ, и онъ мнѣ тоже самое отвѣчалъ.

Ханъ продолжалъ я, скажите мнѣ чѣмъ могу заслужить благорасположеніе, которое мнѣ изъясняете, — я бы счастливъ былъ еслибъ на будущій годъ опять могъ пріѣхать къ вамъ съ препорученіями отъ нашего Главнокомандующаго, дабы показать вамъ преданность свою.

Ты пріѣдешь если тебя пошлютъ отвѣчалъ онъ — и моихъ Пословъ ты вручишь въ полное распоряженіе Главнокомандующему, если онъ захочетъ то можетъ даже послать ихъ къ Государю.

Я возвратился къ большимъ воротамъ, гдѣ былъ для меня приготовленъ прекрасный сѣрый жеребецъ, Туркменской породы, меня посадили на него, Туркмены мои вели его подъ узцы съ двухъ сторонъ, двое подлѣ стремянъ шли; народу было множество такъ, что переводчикъ мой Петровичъ шедшій пѣшкомъ не могъ за мною слѣдовать.

Я говорилъ съ Ханомъ какъ можно громче и стоялъ вольно, приближеннымъ его привыкшимъ къ рабству и подлости сіе весьма страннымъ казалось и они во все время моего съ нимъ разговора съ неудовольствіемъ на меня глядѣли. Народъ провожалъ меня до моей комнаты. Вскорѣ пришелъ Ходжашъ Мегремъ, съ суконными халатами для людей моихъ, — Сеиду очень не нравилось что ему дарили красной кафтанъ изъ толстаго сукна на равнѣ съ товарищами его, онъ хотѣлъ отказать подарокъ, но не посмѣлъ, Ходжашъ сообщилъ мнѣ нѣкоторыя препорученія данныя ему ко мнѣ Ханомъ. Онъ сказалъ мнѣ также, что у Хана есть пушечной мастеръ изъ Царьграда, которому онъ на дняхъ приказалъ отлить пушку коей бы ядро весило 2 пуда.

Мнѣ тутъ же объявили что я теперь свободенъ и могу назадъ ѣхать, отобрали всѣхъ слугъ, и оставили одного, любопытныя толпы народа ко мнѣ тѣснились, и еслибъ не Юзъ Баши, то бы съ трудомъ отъ нихъ отдѣлался; мнѣ также бы весьма трудно было безъ содѣйствія его изъ Хивы выѣхать, потому что ни лошадей и ничего совершенно у меня не было.

За неимѣніемъ первыхъ я принужденъ былъ переночевать въ Хивѣ, будучи очень щастливъ благополучнымъ окончаніемъ даннаго мнѣ поручения; возвратившись отъ Хана послалъ къ нему просить позволенія подарить трехъ первыхъ особъ въ Ханствѣ, и послалъ имъ т. е. Мехтеръ Агѣ, Кушъ Беги, котораго въ Хивѣ не было, и Ходжашъ Мегрему еще по куску сукна, шелковой матеріи и по однимъ часамъ,

сколько я ни старался но не могъ видѣться съ Султанъ Ханомъ, извѣстнымъ соединеніемъ въ 1813 году трехъ между собой враждебныхъ поколѣній Туркменовъ, и дѣйствовавшимъ съ ними противъ Персіи.

При раздачѣ остальныхъ подарковъ, я позвалъ Юзъ-Башу и просилъ раздѣлить ихъ по достоинствамъ лицъ, — ему очень понравился стеклянной кальянъ, которой у меня еще оставался, онъ ни въ чью долю не помѣстилъ его, и сказалъ мнѣ, чтобы надѣвши шапку на глаза, я подумалъ кто больше всѣхъ заслуживаетъ сего подарка, — я ему отдалъ его. Атъ Чапаръ также мучилъ меня о подаркѣ, я ему далъ небольшой отрѣзокъ сукна, подаркомъ симъ онъ былъ недоволенъ, ушелъ сердитый и болѣе не возвращался.

Я слышалъ что Ходжашъ Мегремъ представилъ Хану ужасные щеты о содержаніи моемъ въ Иль Гельди, по 2 тилла въ сутки или 32 рубли на ассигнаціи; отецъ же его Атъ Чапаръ, взялъ съ него за меня по тиллу на день.

ГЛАВА III.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ.

Ноября 21

Рано по утру хотѣлъ я отправиться изъ Хивы въ крѣпостцу Иль Гельди, гдѣ мнѣ должно было ожидать прибытія назначенныхъ Ханомъ Посланниковъ, того же самаго Юзъ Баши, Ешъ Незера, и Якубъ Бая родомъ Сарта, о которомъ было уже прежде упомянуто. Онъ былъ человѣкъ грамотный, хитрый, и дурнаго нрава. Но меня еще задержали въ Хивѣ до полудня означенные Послы, угостивъ по приказанію Хана, несносное угощеніе сіе состояло изъ холоднаго плова.

Въ теченіи сего времени Юзъ Баши самъ бѣгалъ по базару и сдѣлалъ для меня нѣкоторыя покупки, наконецъ когда все уже было готово, и лошади осѣдланы я вспомнилъ что у двухъ-ствольнаго ружья моего замокъ былъ неисправенъ, и просилъ привести ружейнаго мастера; является молодой человѣкъ лѣтъ 20 прекрасный собою, бѣлокурый и въ чалмѣ, по лицу его видно было что онъ Русской; я спросилъ его по Русски, знаетъ ли онъ нашъ языкъ? Нѣтъ отвѣчалъ онъ по Турецки, взялъ замокъ, и началъ говорить со мной очень хорошо то по Персидски, то по Турецки, въ обхожденіи онъ былъ ловокъ и разсмотрѣвъ недостатки въ замкѣ, побѣжалъ домой, взявъ съ собой ружье для починки.

Я узналъ отъ постороннихъ что отецъ его Русской, былъ захваченъ въ неволю и проданъ въ Хиву, гдѣ принявъ магометанскую вѣру, женился на Персіянкѣ также невольницѣ, и прижилъ сего самаго сына, которой такъ успѣшно учился, что удостоился быть Муллою, и содержать теперь своими трудами бѣдное семейство свое, которое даже выкупилъ изъ неволи.

Я собирався уже ѣхать, какъ упомянутой молодой человѣкъ вбѣжалъ запыхавшись и принесъ ружье починенное хотя и весьма дурно, нѣсколько десятковъ яицъ и бѣлыхъ хлѣбовъ, — я ему далъ червонецъ, и не говорилъ съ нимъ по Русски, чтобы не ввести его въ затрудненіе; ружье же отдалъ Юзъ Башѣ, прося пересмотрѣть его, и если не хорошо исправлено, то велѣть предѣлать и привести мнѣ въ Иль-Гельди.

Какой то Русской подводя мнѣ лошадь шопотомъ ругалъ Хивинцовъ за неловкость ихъ въ приводѣ лошади. Ыхавши черезъ Хиву, я видѣлъ во многихъ мѣстахъ несчастныхъ соотечественниковъ нашихъ собравшихся въ особенныя толпы, они кланялись мнѣ, и называли своимъ избавителемъ.

Одинъ изъ нихъ шелъ долго подлѣ моей лошади, и когда я оборотился къ нему, сказалъ мнѣ: господинъ Посланникъ примите мое усерднѣйшее почтеніе и не забудьте насъ несчастныхъ по возвращеніи

вашемъ въ отечество; по виду его мнѣ казалось, что онъ не изъ простолюдимовъ.

При выѣздѣ моемъ народъ было столпился во множествѣ, но я приказавъ переводчику бросить назадъ въ толпу двѣ горсти мѣлкаго серебра, произвелъ драку, и тѣмъ освободилъ дорогу.

Къ большому огорченію не доѣзжая 10 верстъ Иль Гельди Петровичъ мой потерялъ кошелекъ съ 300 моихъ червонцевъ, которые у него хранились, онъ плакалъ и былъ въ такомъ отчаяніи, что съ трудомъ узнать отъ него могъ причину сего; но къ счастью нашему Сеидъ отыскалъ ихъ, и Петровичъ, схвативъ кошелекъ, отъ радости плакалъ; я не менѣе его былъ обрадованъ отысканіемъ сихъ денегъ, потому что безъ оныхъ не могъ бы возвратиться къ корвету и принужденъ былъ бы можетъ быть и надолго оставаться въ Хивѣ.

Сеидъ просилъ Юзъ Башу выходить у Хана приказаніе навѣючить ему безденежно 17 верблюдовъ хлѣбомъ, сколько я его не отклонялъ отъ сего, но не могли убѣдить, принужденъ былъ сказать Юзъ Башѣ, чтобы не вмѣшивался въ дѣла такого рода, однакожь Сеиду и товарищамъ его Ханъ простилъ подать положенную на верблюдовъ, а я подарилъ ему послѣ денегъ для закупки хлѣба.

Подѣзжая къ Иль Гельди около 11 часа вечера въ жестокой морозъ, я встрѣченъ былъ Давыдомъ, далеко въ полѣ.

Бухарець Мулла бай Магмедъ, и вообще всѣ жители сей крѣпостцы очень обрадовались щастливому окончанію моихъ дѣлъ и приходили поздравлять меня съ благополучнымъ возвращеніемъ.

Пошелъ я осматривать всѣ мѣста въ крѣпостцѣ напоминающія мнѣ о проведенныхъ мною 48 дняхъ въ жестокомъ заточеніи, и усердно благодарилъ спасшаго меня отъ неизбѣжной гибели Творца, приставовъ при мнѣ уже не было, я былъ свободенъ. Мнѣ должно было въ крѣпости сей прожить еще 6 дней, я опять взялъ Илліаду, и вспомнилъ что когда сидѣлъ подъ стражею, всякой вечеръ открывалъ на угадъ книгу сію и читалъ какой нибудь стихъ, задуманной мною прежде страницы и строки. Пустое занятіе, коего источникомъ была скука, не могло конечно руководствовать моими поступками, но меня однакожь сильно поразилъ слѣдующій открывшійся стихъ не задолго передъ выѣздомъ моимъ изъ Иль Гельди въ Хиву — «Странникъ не отчаявайся; будь твердъ, ты сразишь непріятеля, и возвратишься къ судамъ, благополучный вѣтеръ развѣетъ паруса, и ты увидишь отечественный берегъ.» — Хорошій приѣмъ Хана придалъ мнѣ много вѣсу во мнѣніи всѣхъ, и любопытныя толпившіеся въ моей комнатѣ повиновались уже словамъ моимъ когда я выгонялъ ихъ. Туркмены мои сдѣлались также очень послушны, они уже получили нѣкоторой родъ образованія, и пріѣзжающіе навѣщать ихъ, имѣли къ нимъ уваженіе. Я особенно былъ доволенъ Абулъ Гуссейномъ и Кульчой, которые мнѣ служили съ возможнымъ усердіемъ. И общался всѣхъ ихъ взять Посланниками отъ Туркменскаго народа къ Главнокомандующему, что имъ чрезвычайно

нравилось; привыкшимъ къ праздности, имъ пріятно было убивать время бездѣйственностію и получать пищу готовую.

Несноснаго Атѣ Чапара уже тутъ не было. Онъ укралъ лошадь у бѣднаго Туркмена пріѣхавшаго къ нему въ крѣпость покупать табакъ. Бѣднякъ жаловался, плакалъ, но его прогнали, онъ три дни держалъ ее у себя и наконецъ, на четвертой одумался и приказалъ пустить въ степь. Онъ много дѣлалъ подобныхъ поступковъ.

Я началъ запасаться разными припасами для своей дороги; пріобрѣтши опытность для странствія по симъ степямъ, я могъ уже оградить себя сколько возможно отъ претерпѣнныхъ мною нуждъ въ первомъ моемъ пути. Морозы были чрезвычайно жестоки, я купилъ тулупы, обвертки на ноги, и большіе Хивинскія сапоги; для ночей пошилъ Киргизскія шапки съ большими ушами. Въ Хиву я ѣхалъ въ Туркменскомъ платьѣ, а назадъ, днемъ въ Хивинскомъ, а ночью въ Киргизскомъ, я запасся бараниной и пшеномъ, купилъ маленькихъ Русскихъ иноходцевъ, коихъ очень много въ Хивинскомъ Ханствѣ, исправилъ и вычистилъ и оружіе свое кромѣ двухъ ствольнаго ружья, которое мнѣ Русскіе въ Хивѣ еще болѣе испортили; но ружье сіе оказало мнѣ другаго рода услугу, его привезли мнѣ изъ Хивы на 3 или на 4 день пребыванія моего въ Иль Гельди. Когда уже совсѣмъ собирались въ дорогу, я хотѣлъ его зарядить, но духъ въ лѣвой стволѣ не пошелъ; я приказалъ его вычистить, и вытащили изъ него свернутую бумажку. Когда всѣ разошлись, я развернулъ оную и нашелъ въ ней слѣдующее.

«Ваше Высокородіе осмѣливаемся вамъ донести, Россійскихъ людей найдется въ семъ Юртѣ тысячи три плѣнниковъ и претерпѣвъ несносныя труды гладъ и холодъ и разные нападки сжалтесъ надъ нашимъ бѣднымъ состояніи донесите Его Императорскому Величеству, заставьте вѣчно молить Бога есмь плѣнникъ.»

Нельзя выразить моихъ чувствъ при прочтеніи сей записки, — еще болѣе усугубилась во мнѣ благодарность къ щедротамъ Всевышняго спасшаго меня; и между тѣмъ сердце раздиралось при мысли, что оставляю несчастныхъ соотечественниковъ своихъ томящихся въ жестокомъ рабствѣ, не будучи въ состояніи имъ помочь; но далъ себѣ слово по возвращеніи своемъ употребить всевозможныя старанія для избавленія ихъ.

Я свой долгъ исполнилъ, Правительство наше уже о семъ увѣдомлено и безъ сомнѣнія возметъ по возможности всѣ мѣры къ освобожденію несчастныхъ.

Къ тому же почти времени Давыдъ привелъ ко мнѣ бѣднаго старика единоплеменца нашего, того самаго, которой вскорѣ послѣ перваго прибытія моего въ Иль Гельди желалъ со мною видѣться, но которому по обстоятельствамъ тогда принужденъ былъ отказать.

Старикъ сей по имени Осипъ Мѣльниковъ уже 30 лѣтъ былъ въ неволѣ, онъ былъ солдатской сынъ, и только одна недѣля прошла послѣ его женидбы, какъ его схватили Киргизы близъ

Ноября 22

Пречистинской крѣпости и продали въ Хиву, въ теченіи слишкомъ тридцатилѣтней жестокой неволи, трудясь по ночамъ, и продавая часть пойка ему положеннаго, онъ накопилъ то число золота, которое требовалъ отъ него хозяинъ для выкупа, но сей послѣдній взявъ у него сіи деньги, вмѣсто обѣщанной свободы продалъ его другому, — «Родственники мои продолжалъ старикъ со слезами также собрали нѣсколько денегъ для выкупа моего, и прислали сюда съ возвращающимся керваномъ, но деньги обратили назадъ, а меня не выдали, меня мучатъ, бьютъ, отъ работы отдыха нѣтъ, и я не знаю когда избавлюсь отъ звѣрей сихъ.»

«Я молю всякую ночь Христа Спасителя нашего, мы всѣ Русскіе, почитаемъ васъ избавителемъ своимъ и молимъ за васъ Бога. Мы будемъ два года еще терпѣть и усердно молиться, во ожиданіи вашего возвращенія; если же васъ не будетъ, то соберемся нѣсколько человѣкъ и пустимся черезъ Киргизскую степь. Умирать намъ Богомъ суждено, такъ умремъ; а живые въ руки не отдадимся.»

«Мнѣ бы хотѣлось продолжалъ онъ спросить у васъ за чѣмъ вы сюда пріѣхали; хотя и живу такое долгое время въ бусурманской землѣ, но смысла еще не потерялъ, и знаю что вы не скажете сего, а мы знаемъ что думать, дай вамъ Богъ только счастья благополучно возвратиться домой.»

Мѣльниковъ говорилъ очень дурно по Русски, и половину словъ мѣшалъ Турецкихъ; голосъ и страдальческое лице сего старика, меня крайне тронули, я цѣлый день былъ грустенъ при воспоминаніи вида и словъ его.

Во время перваго моего пребыванія въ Иль Гельди, я также видѣлъ нѣсколько Русскихъ изъ Музуръ¹ Астраханскихъ вновь захваченныхъ на промыслахъ при Мангышлакѣ и на Эмбѣ.

Юзь Баши пріѣхалъ въ Иль Гельди, Якубъ Бая еще не было, онъ оставался въ Ургенджѣ для устроенія домашнихъ дѣлъ.

Ноября 26

Я выѣхалъ изъ Иль Гельди, жители крѣпости сей провожали меня;— старые и малые съ чувствомъ приходили со мною прощаться.

Ноября 27

Первой ночлегъ мой былъ назначенъ въ 12 верстахъ отъ крѣпостцы въ Туркменскомъ кочевье въ кибиткахъ нѣкоего Амана, поколѣнія Байрамъ-Ша. Аманъ былъ пріятель Сеида, и имѣвши нѣкоторыя связи при дворѣ Ханскомъ, хотя и доставлялъ мнѣ тайнымъ образомъ свѣденія о происходящемъ въ Хивѣ, но при всемъ томъ былъ великой бездѣльникъ; сдѣлавши ему довѣріе для покупокъ моихъ, я такъ имъ былъ обманутъ, что принужденъ былъ его прогнать; передъ выездомъ однакожь Сеидъ привелъ его ко мнѣ и выпросилъ за него прощеніе. Имъ хотелось чтобы я у нихъ переночевалъ въ надеждѣ получить отъ меня подарокъ, — у него же жилъ старый Туркмень лѣтъ 80 слишкомъ, фамиліи *Онъ Беги*² которой извѣстенъ былъ съ молодую своими разбоями, а подъ старость мудрымъ совѣтомъ въ

¹ Купеческой вольной Матрось.

² Десяти Господь.

затруднительныхъ случаяхъ.

Онъ дѣйствительно показался мнѣ весьма порядочнымъ, Туркмены его уважали, и изъ рѣчей его видѣнь былъ разсудокъ, опытность и познаніе людей, а иногда даже острога.

Я былъ такъ радъ выѣзду своему, что всю ночь не могъ спать и просидѣлъ съ симъ старикомъ.

Выѣзжая изъ Иль Гельди Петровичъ встрѣтился съ вышеупомянутымъ Осипомъ Мѣльниковымъ, которой шелъ съ Казаватскаго базара, онъ надавалъ ему насильно хлѣба и сухихъ плодовъ, потомъ просилъ его слѣзть съ лошади, Петровичъ сперва боялся сіе сдѣлать, но по убѣдительной просьбѣ Мѣльникова наконецъ слѣзъ, — Мѣльниковъ бросился на колени, и умолялъ его не забыть несчастныхъ невольниковъ. Бѣдный старикъ плакалъ и обнималъ ноги его, Петровичъ возвратился ко мнѣ чрезвычайно растроганнымъ.

Мы пустились въ путь не по старой своей дорогѣ, но по той, которая пролегаетъ какъ выше было сказано отъ колодцевъ Туерь прямо въ Ханство, мимо владѣній Теке. Такъ, какъ со мной были Хивинскіе Чиновники, то и опасаться было нечего на щетъ разбоевъ; касательно же воды, мы узнали что по дорогѣ нашей выпалъ снѣгъ, которой стоялъ, и близъ раззоренной крѣпости Шахъ Сенемъ составила лужа, до прибытія же къ колодцамъ Ахъ Набатъ¹ не имѣли кромѣ сей лужи, другой надежды на воду.

По утру мы еще не выѣхали изъ кочевья Амана, потому, что дожидались Якубъ Бая. Я между тѣмъ заготовилъ письмо къ Пономареву, которое намѣревался отправить переѣхавъ послѣдній каналъ Хивинскаго Ханства, съ Туркменами Ханъ Магмедомъ и Джанакомъ.

Керванъ нашъ состоялъ изъ 20 Туркменовъ, которые всѣ дожидались благополучнаго окончанія дѣлъ моихъ, и выѣзда, дабы назвавшись моими слугами, пить дорогой чай, есть на мой щетъ, и въ надеждѣ быть избавленными отъ подати наложенной на нихъ Ханомъ, многіе изъ нихъ были конные. Всѣ сии пріятели и родственники Сеида кажется и проѣхали не заплативъ никакихъ пошлинъ. Они до такой степени наглы были, что приходили просить меня, чтобы купилъ имъ платья на дорогу, но я ихъ прогналъ.

Въ числѣ спутниковъ моихъ былъ нѣкто Назаръ Уста; онъ ѣхалъ съ молодой прекрасной женой и двумя сыновьями лѣтъ 8 или 9. Лѣнь Туркменовъ такъ велика, что онъ дорогой ни за что не принимался, — жена его и дѣти смотрѣли за верблюдами, и совершенно все дѣлали, а онъ приходилъ только къ моему огню грѣться и разсказывать сказки, — жена его также нерѣдко навѣщала меня, принося всегда кусокъ хлѣба, и получая на обмѣнъ кусокъ сахару.

Ноября 28

¹ Бѣлой леденецъ.

Туркмены мои избалованные хорошей моей пищею каковой никогда еще не пользовались, облѣнились до крайности, одинъ только Абуль Гуссейнъ, старался мнѣ служить, убиралъ лошадей, ходилъ за верблюдами, выючилъ ихъ, развьючивалъ, чинилъ по ночамъ оборванные ремни, раскладывалъ огонь, ходилъ со мной за дровами, варилъ пищу и проч. Мы назадъ шли гораздо долѣе нежели въ Хиву, потому, что верблюды были тяжело навьючены, и мы рѣдко по ночамъ шли — походъ сей былъ не менѣе перваго труденъ; сильныя стужи и часто недостатокъ въ лѣсѣ, насъ очень беспокоили; я самъ принужденъ былъ не рѣдко убирать свою лошадь, за дровами же всякой день самъ ходилъ и тащилъ на плечахъ свою ношу, уходя въ степь по верстѣ и болѣе за ними; снабженіе всего кербана дровами поручилъ я Петровичу. Пріѣзжая на ночлегъ, онъ тотчасъ, сзывалъ охотниковъ чай пить и отправлялся съ ними за дровами рассказывая имъ сказки для развеселенія, самъ же не работалъ, а хвалилъ только усердныхъ. Петровичъ, былъ такъ одѣтъ что не могъ поворотиться, и потому онъ не таскалъ дровъ, а только ломалъ сухіе кустарники, бросаясь на нихъ задомъ, кустъ ломался онъ черезъ переваливался, и безъ помощи другихъ уже подниматься не могъ; онъ былъ укутанъ въ шести кафтанахъ, голова же увязана была въ Киргизской шапкѣ. Армянинъ мой шутливостію своею очень ускорялъ всякое дѣло. Мѣсто ночлега моего было всегда окружено съ одной стороны вьюками, а съ другой дровами, среди редута сего въ которой былъ одинъ только входъ, разложенъ былъ огонь, а снаружи второй брустверъ составлялся изъ верблюдовъ, которые ложились другъ къ другу очень плотно.

Къ огню моему всегда собиралось множество лѣнтыевъ. Даже самые Хивинскіе посланники по свойственной азіатцамъ лѣни сидѣли всегда безъ дровъ не смѣя приказать людямъ своимъ идти за оными; они пользовались моими, также какъ и кушаньемъ моимъ, лѣнтяи сами сварить остатки бѣднаго своего запаса.

Лѣнь, господствующій порокъ Хивинцовъ и Туркменовъ, доходитъ до невѣроятія. Они въ состояніи по 2 сутокъ быть голодными, не вставать съ мѣста, и ничего не дѣлать, скупость ихъ не уступаетъ лѣни, будучи у нихъ гостемъ, я всегда кормилъ ихъ, и за сіе соглашались они видѣть во мнѣ родъ своего Начальника. Многихъ даже я отгонялъ, но на другой день опять являлись.

Теперь приступлю къ описанію обратнаго путешествія моего по порядку чиселъ, дней и переходовъ.

Того же 28 числа выѣхавши передъ полднемъ отъ Амана мы прибыли къ вечеру за водопроводъ *Бузь¹ Гемень*, послѣдній въ Ханствѣ, проѣхавъ около 20 верстъ. За Бузь Геменомъ кромѣ ровной степи по которой изрѣдка разсѣяны кочевья не обрабатывающія земель, совершенно ничего нѣтъ достойнаго замѣчанія.

Юзь Баши съ прибывшимъ Якубъ Баемъ, поѣхали ночевать

¹ Бузь значитъ ледъ.

версть за 8 въ Туркменскія кибитки, а я остался съ керваномъ въ полѣ.

Въ тотъ же вечеръ я отправилъ письмо къ Маіору Пономареву съ Туркменами Ханъ Магмедомъ и Джанакомъ. Морозъ былъ чрезвычайно силенъ, такъ что я всю ночь принужденъ былъ ходить, и почти совсѣмъ не спать, при всемъ томъ ознобилъ себѣ обѣ ноги. Къ нещастію нашему дровъ совсѣмъ въ степи не было, и сверхъ того въ ту ночь ушли у меня въ степь три лошади, которыхъ съ трудомъ нашли передъ разсвѣтомъ.

Водопроводъ Бузъ Геменъ былъ покрытъ льдомъ и мы взяли нѣсколько кусковъ онаго съ собою.

Поднялись мы довольно рано, и шли степью на которой видно было много развалинъ строеній.

Ноября 29

Мы ѣхали также по ровной степи усѣянной по мѣстамъ кустарникомъ, дорогой видны были развалины крѣпостцы *Дауданъ Кала*¹.

Ноября 30

Мы прошли мимо развалинъ крѣпости *Кезиль Кала*², и не останавливались ночевать потому что съ утра 29 числа лошадей еще не поили и посему путь свой продолжали ночью съ 1 на 2. Лошади сіи необыкновеннаго свойства, они могутъ быть по 4 сутокъ совершенно безъ воды, я тому самъ былъ очевидцемъ.

Декабря 1

Къ разсвѣту мы прибыли къ раззоренной крѣпости *Шахъ Сенемъ*, это были послѣднія развалины по нашей дорогѣ. Мы долго искали и наконецъ нашли ту замерзшую лужу, о которой намъ прежде сказывали. Лужа не имѣла болѣе ¹/₄ аршина глубины, 4 аршина ширины и 5 сажень длины, — на нее всѣ проходящіе керваны полагали свою надежду. Мы всѣ принялись за работу, иные пошли за дровами, другіе стали ледъ колоть кинжалами, которой и таяли для чаю въ котлахъ; напоивъ такимъ образомъ лошадей грязною водою, мы пошли далѣе.

Декабря 2

Крѣпостца *Шахъ Сенемъ* лежала вправо отъ дороги, мы заѣзжали ее смотрѣть: она построена на насыпной горкѣ, внутри видны еще остатки нѣкоторыхъ покоевъ.

Мѣсто сіе занимательно воспоминаніемъ происшествія извѣстнаго во всей Азіи, которое даже поютъ въ пѣсняхъ, и рассказываютъ въ повѣстьяхъ.

Шахъ Сенемъ была прелестная дочь одного богатаго вельможи: Молодой *Карибъ* (безпріютный странникъ) прославившійся пѣснопѣніемъ и бандурою, любилъ красавицу. Желая испытать постоянство любви его она требовала, чтобъ онъ семь лѣтъ провелъ въ странствіяхъ въ разлукѣ съ нею. Пѣвецъ оставляетъ бандуру престарѣлой матери своей съ запрещеніемъ кому-либо касаться струнъ ея, отправляется въ далекій путь, проходитъ многія земли, подвергается различнымъ опасностямъ, коихъ избавляется помощію судьбы и добрыхъ людей и наконецъ по истеченіи семи скучныхъ

¹ Давыдова крѣпость.

² Золотая или красная крѣпость.

годовъ, возвращается съ тою же любовію, съ большею радостію на щастливую свою родину. Между тѣмъ слезы скорби ослѣпили мать его, Шахъ Сенемъ за 3 мѣсяца до его прибытія обѣщана честолюбивымъ отцемъ богатому сосѣду; сопротивленіе отчаянной дочери было тщетно. Нещастный Карибъ беретъ свою бандуру, спѣшитъ въ палаты своей возлюбленной, вступаетъ на пиршество. Черты лица его измѣнились; ни къ кому не знаемъ, онъ ударяетъ въ струны, поетъ свою любовь, странствія, горестъ и звуки волшебныхъ струнъ, повѣсть его приключеній, а болѣе всего знакомый голосъ и пламень чувства его обнаруживаютъ. Сладость свиданія замѣнила тоску разлуки, невѣста возвращена ему и отецъ соглашается на взаимное благополучіе.

Я не могу оставить безъ замѣчанія сего мѣста покрытаго развалинами, во многихъ мѣстахъ даже видны еще слѣды водопроводовъ. Не служатъ ли признаки сіи новымъ доказательствомъ теченія Аму Дерьи, въ Каспійское море? Мнѣніе сіе согласно съ преданіями сохранившимися у Хивинцовъ, рѣка сія по словамъ ихъ уже 530 лѣтъ отъ землетрясенія перемѣнила свое теченіе на Сѣверъ.

Въ ночи со 2 на 3 число мы не останавливались.

Всѣ конные уѣхали впередъ отъ кербана дабы поспѣть въ тотъ же день къ колодцу Ахъ Набатъ; но ночь застигла насъ на дорогѣ, и мы провели оную въ полѣ, почти безъ корма для лошадей. Кербанъ тянулся всю ночь, и нагналъ насъ уже къ разсвѣту 4 числа, оставя позади себя большой кербанъ Теке, которой нѣсколько переходовъ съ нами шелъ; но не смѣлъ на насъ напасть, опасаясь Хивинскихъ Посланниковъ.

Декабря 3

До полудня мы прибыли къ Ахъ Набату вся дорога, до самаго Туера была устлана падшими верблюдами, и лошадьми, кои были брошены проходящими передъ нами кербанами; сіе случилось отъ того, что Туркмены надѣясь что Магмедъ Рагимъ Ханъ отмѣнитъ наложенную на нихъ съ верблюдовъ подать, долго прожили въ Ханствѣ, и наконецъ когда уже настали морозы, они пустились въ путь, иныя заплатя подать, иныя же тайно убѣжавъ, хотя было и мало снѣгу, но онъ замерзъ, кромѣ гололедицы отъ которой верблюды портили себѣ ноги, были они еще и безъ корму. Нельзя было не содрогнуться видя во многихъ мѣстахъ, человѣческіе трупы между верблюдами, Узбеки и Туркмены, узнали по длиннымъ бородамъ, что это должны быть Персіяне, которыхъ везли изъ Астрабада въ неволю и бросили. — Это ничего сказали они, этихъ Кизилбашей,¹ всегда половину раскидываютъ по дорогѣ, и они издыхаютъ отъ голода или холода.

Декабря 4

Вода въ колодцахъ Ахъ Набата горька, однако лошади ее пили, мы также за не имѣніемъ другой принуждены были ею пользоваться.

¹ Кизилбашъ, значитъ красноглавой и златоглавой, названіе которое Мусульмане или вѣрные послѣдователи Алкорана даютъ Персіянамъ.

Колодцы сіи окружены сыпучими песками на довольно большое разстояніе, — притомъ мѣсто сіе имѣетъ нѣкоторыя не большія возвышенія. Не много не доѣзжая сихъ колодцовъ идетъ влѣво большая дорога во владѣніе Туркменовъ Текенскаго поколѣнія.

Отъѣхавъ верстѣ 5 отъ колодцевъ, мы остановились ночевать.

Поднявшись во 2 часу по полуночи мы шли до разсвѣта, я ѣхалъ впереди съ переводчикомъ; передъ разсвѣтомъ началъ склонять меня крѣпкой сонъ, я слѣзъ съ лошади, и долго шелъ пѣшкомъ за переводчикомъ своимъ, которой по безопасности своей сбился съ дороги въ полѣ, между кустами; ночь была темная и холодная; я уже давно не слыхалъ голоса Кульчи, которой всегда съ керваномъ ѣхалъ и пѣлъ; я остановился и не полагая чтобы мы сбились съ дороги, думалъ что керванъ отсталъ и сѣвши уснулъ на бугоркѣ. Стало уже разсвѣтать и я проснувшись увидѣлъ что оставленъ одинъ среди степи, даже никакого слѣда не было примѣтно; я сталъ кричать, никто не отвѣчаетъ; мнѣ весьма не хотѣлось испытать участи брошенныхъ въ степи Персіянъ, и поѣхалъ отыскивать дорогу руководствуясь движеніемъ свѣтилъ; но вскорѣ встрѣтилъ Кульчу, которой насъ отыскивалъ и довелъ до привала керваннаго.

Декабря 5

Съ 5го на 6^е мы все продолжали путь свой и на разсвѣтѣ 6го числа пришли къ урочищу, называемому *Тюнюклю*. Тутъ мы нашли на отдыхъ нѣсколько кервановъ поколѣнія Ата и остановились подлѣ крупнаго берега прежней Аму Дерьи. Именемъ Тюнюклю, называется большой проваль, видный недалеко отъ вышеупомянутаго берега; проваль сей въ ровной степи, имѣетъ до 20 сажень глубины и до 150 въ окружности; на самомъ днѣ онаго, въ Сѣверной сторонѣ видна пещера, изъ которой бѣжитъ родникъ съ соленогорькой водой. Я видалъ на картахъ названіе Тюнюклю, приписанное большому озеру, но предположеніе сіе ложно.

Прошедши верстѣ 6 по лѣвому берегу Аму Дерьи вверхъ по прежнему теченію оной, мы переправились черезъ нее, и вышли въ голую степь, на которой не было ни одного кусточка; русло сіе называется въ семъ мѣстѣ *Энгионджъ*, и не такъ глубоко какъ при Бешъ-Дишикѣ; дно его покрыто мѣлкимъ лѣсомъ.

Декабря 6

Ночь съ 6 на 7 число мы отдыхали;— я думаю что морозъ доходилъ до 12 или 15 градусовъ, холодъ усиливался вѣтромъ.

Вечеру мы остановились ночевать въ голой степи, на ней не видно было даже ни одного кусточка.

Декабря 7

По утру мы опять пустились въ путь и прибыли вечеромъ къ колодцу *Дели*¹. Мѣсто сіе считается на половинѣ дороги отъ Хивы до Красноводска. Подлѣ сего колодца видны развалины какого то зданія. Мы тутъ нашли двухъ Туркменовъ поколѣнія Ата, пришедшихъ съ верблюдами на смѣну усталымъ идущимъ изъ Хивы; вышеупомянутые керваны пострадавшіе много въ дорогѣ были ихъ поколѣнія, и кочевья

Декабря 8

¹ Бѣшенный.

ихъ расположены около колодцевъ находящихся въ степи на ровнѣ съ Дели, но ближе къ морю.

Мы хотѣли напоить лошадей и верблюдовъ своихъ изъ сего колодца, но по несчастію въ немъ лежалъ утопшій верблюдъ, вѣроятно въ него поскользнувшійся, почему и нельзя было достать воды; съ сего мѣста не было уже совсѣмъ почти снѣгу и стало гораздо теплѣе.

Хотя съ помощію Бога я и свершилъ уже самую трудную и опасную половину пути своего, и сталъ на сей щетъ покойнѣе, но другія мысли начали меня не безъ основанія тревожить. Я полагалъ что послѣднее письмо мое не застало уже корвета, которой по расчету моему нуждаясь въ продовольствіи и опасаясь льда, долженъ былъ возвратиться. Мысль что я останусь на берегу брошенный среди Туркменовъ, почти безъ денегъ, имѣя на рукахъ Хивинскихъ Посланниковъ тревожила меня. Безъ денегъ не хорошо жить между народомъ имѣющимъ столь мало честности, безкорыстія и гостѣпріимства. Настало время сна, но я уснуть не могъ, будущность меня тревожила и поражала разныя мечты. Переѣхать море, мыслить я, на Туркменской лодкѣ, въ которой едва 12 человѣкъ умѣститься могутъ, во всякое время года а паче зимой было бы не отважное а безразсудное предпріятіе. Ѣхать сухимъ путемъ черезъ Мангышлакъ между Киргизами, было бы сопряжено съ большими опасностями, но главная невозможность сего пути состояла въ денежномъ недостаткѣ. Пуститься сухимъ путемъ въ Астрабадъ, а оттуда черезъ Мазандеранъ и Ряштъ въ Ленкоранъ было бы возможно, еслибы не было со мной Хивинскихъ Посланниковъ, и еслибъ я самъ не ѣздилъ въ Хиву, край Персіянамъ непріязненной.

Оставаться же всю зиму между Туркменами безъ денегъ, невозможно; я потерялъ бы все уваженіе ихъ, можетъ быть даже и Хивинской Ханъ узнавши о томъ, послалъ бы меня вытребовать, и меня бы за деньги безъ сомнѣнія ему выдали; я думалъ, и рѣшился на слѣдующее.

При выѣздѣ моемъ изъ Хивы, носились слухи что будто мы въ войнѣ съ Персіей, и что Кяджары вывели всю конницу изъ Астрабада, приказавъ ей слѣдовать въ Тавризъ. Слухи сіи были привезены Туркменами возвратившимися съ Чапаула или грабежа, съ невольниками; они совѣтовали единоземцамъ своимъ, отправляться на грабежъ, потому что никто не защищалъ Астрабадской области.

Я бы не долженъ вѣрить симъ слухамъ, но не видѣвши никакого себѣ опасенія, утѣшался тѣмъ, что они могутъ быть справедливы, и что въ такомъ случаѣ ежели не застану корвета, рѣшусь собрать отрядъ Туркменовъ и напасть на Астрабадъ; послѣдствія же сего меня мало беспокоили.

Я лежалъ у огня въ грустныхъ сихъ мечтахъ, какъ вдругъ Якубъ-бай, закричалъ мнѣ по Русски, что два человѣка ѣдутъ къ намъ; такъ какъ я писалъ къ Пономареву, чтобы онъ мнѣ выслалъ кого нибудь на встрѣчу какъ можно далѣе, то и полагалъ что люди сіи

конечно ко мнѣ отъ него ѣдутъ; они поспѣшно соскочили съ лошадей, сѣли у огня, и начали спрашивать меня за чѣмъ и куда я ѣду. Обманутый въ ожиданіяхъ своихъ я погрузился опять въ печаль и просилъ ихъ оставить меня въ покоѣ; это были Гюргенскіе Туркмены, ѣхавшіе въ Хиву.

Нетерпѣніе достигнуть скорѣе до берега и узнать свою участь, заставило меня рѣшиться оставить керванъ и ѣхать верхомъ одному впередъ; я посоветовался о семъ съ Юзь-Башой, оставилъ его, переводчика и деньщика, съ керваномъ давъ имъ приличное наставленіе для пути, взялъ съ собой Сеида, Кульчи и Туркмена Куввета ѣхавшаго съ керваномъ, и отправился съ ними, въ ночи съ 8 на 9 число.

На разсвѣтѣ мы отдохнули съ часъ, и поѣхали далѣе, обгоняя множество кервановъ поколѣнія Ата, мѣстоположеніе становилось нѣсколько гористо.

Декабря 9

Отъ сего мѣста до самаго берега мы ѣхали почти безъ отдыха, и не болѣе 2¹/₂ или 5 часовъ въ сутки останавливались, лошадиной кормъ состоялъ изъ нѣсколькихъ пригоршенъ Джюгану, а мы — я и не знаю чѣмъ питались, я взялъ нѣсколько баранины и сухарей, которую проводники мои въ первой день сѣли, не взявши ничего съ собой, о остальные два дни я почти совсѣмъ не ѣлъ и не спалъ.

Въ ночи съ 9 на 10 число мы проѣхали мимо колодца *Тонгра*, до котораго не доѣзжая однимъ днемъ находится въ лѣвой сторонѣ, въ разстояніи одного часа отъ дороги колодезь и кочевье *Ахъ Куи*¹ въ которомъ живутъ Туркмены поколѣнія Ата. Тонгра отстоитъ на три перехода или на 90 верстъ отъ Дели; тутъ нашли мы въ колодцѣ утопшаго оленя.

Отъ Тонгра остается только 30 верстъ до колодцевъ Туерь, гдѣ сходятся двѣ дороги изъ Хивы.

Передъ разсвѣтомъ я прибылъ въ Туерь, и засталъ керванъ Ата на водопоѣ. Такъ какъ у насъ не было ни коженаго мѣшка, на веревки для черпанія воды, то и принуждены были поить лошадей своихъ изъ ямы, въ которую Ата налили воду для своихъ верблюдовъ; они хотѣли намъ воспретить сіе, но мы назвались поколѣнія Джафаръ бай, и невзирая на ихъ множество, силою приступили; поколеніе сіе столько страшно по многочисленности своей, храбрости и родственнымъ связямъ, что тотчасъ они отступили, достали намъ деревянной ковшъ и сами черпали воду, извиняясь въ грубости своей, тѣмъ что не знали племени нашего.

Декабря 10

Въ колодцахъ Дели и Тонгрѣ, нашли мы опять утопшихъ верблюда и оленя, а въ одномъ изъ колодцевъ Туера слышали блѣяніе барана плавающего еще по дну онаго.

Ввечеру мы остановились на отдыхъ въ оврагѣ не подалеку отъ дороги, — въ оврагѣ семъ нашли мы шалашъ сложенный изъ сухихъ

¹ Бѣлой колодезь.

прутьевъ, мы поспѣшили разобрать его для разведенія огня и нашли подъ онымъ два верблюжьихъ व्यюка. Туркмены мои обрадовались, развязали ихъ, достали отъ туда изюму, табаку коего у насъ не было и Джюгану, которымъ тотчасъ наполнили торбы, и хотѣли кормить лошадей, я имъ приказалъ оставить व्यюки, и не касаться ихъ. Вотъ хорошо отвѣчалъ мнѣ Сеидъ, व्यюки эти принадлежатъ Ата, которыхъ мы не иначе считаемъ, какъ скотами и невольниками своими, не думаете ли вы что они пощадили бы наши व्यюки, еслибы гдѣ нибудь нашли ихъ? — Дѣлай какъ хочешь отвѣчалъ я Сеиду, но лошадь моя не съѣстъ ни одного краденаго зерна, потому что оно ей во вредъ обратится, а я лишиться ее не хочу, мы съ собой взяли мало корма на дорогу сказалъ Сеидъ;— это не даетъ намъ права брать чужаго отвѣчалъ я, впрочемъ ежели ты такъ презираешь Ата, то за чѣмъ не отобралъ у нихъ изъ кервановъ то, что тебѣ нужно было. Сеидъ остановился, а другіе отнесли обратно кормъ и положили его опять во व्यюки;— правда что безчестно чужое брать сказалъ мнѣ Кувветъ, но Мурадъ Бекъ, ты можешь быть не знаешь, что эти самые Ата прежде на Балканѣ жили, откуда мы ихъ выгнѣсли, что они сожгли 10 лѣтъ тому назадъ два судна купеческія, пришедшія изъ Астрахани торговать въ Красноводскъ, извели всѣхъ людей въ Хиву, гдѣ и продали ихъ; отъ того купцы перестали ѣздить къ намъ, и мы принуждены, отправляться за хлѣбомъ и другими издѣльями въ Хиву и Астрабадъ;— самъ разсуди не заслуживаютъ ли Ата нашего наказанія?

Видя повиновеніе ихъ, я положилъ два реала въ найденной व्यюкъ, и позволилъ имъ взять корму только на одинъ приваль; но они воспользовались симъ, реаловъ не тронули, а взяли весь изюмъ и табакъ, которымъ меня и подчивали дорогой, говоря что это уже не краденое и потому не поганое, а чистое.

На разсвѣтъ, мы пустились въ дорогу и переѣхали цѣль горъ Саре Баба; я видѣлъ днемъ озеро Кули-Дерья, о коемъ выше упоминалъ. Послѣ привала мы ѣхали всю ночь съ 10го на 11ое число, и 11го къ полдню напоили лошадей своихъ у колодцевъ *Демуръ-Джема*, откуда прежде находящееся кочевье удалилось; я вспомнилъ сонъ видѣнный мною на семъ мѣстѣ, когда ѣхалъ еще въ Хиву, и усердно благодарилъ Всемогущаго, что онъ не исполнился.

Не доѣзжая сихъ колодцевъ случилось со мной странное приключеніе. Передъ разсвѣтомъ я ѣхалъ одинъ, проводники мои всѣ отстали, иной дремалъ сидя на конѣ, другой спалъ въ степи у ногъ лошади своей, а я встрѣтился съ однимъ Туркменомъ ведущимъ двухъ верблюдовъ, подѣхалъ къ нему и спросилъ, кто онъ, и откуда идетъ? На сей вопросъ онъ спрятался за верблюда и выбѣжавъ съ обнаженной саблей, закричалъ мнѣ замахнувшись ею, убирайся отсюда или изрублю, и такъ поспѣшно что я едва успѣлъ выхватить пистолетъ свой изъ за пояса, и остановить его уставя на него дуломъ. Кто ты таковъ, сказалъ я ему, говори или убью; бѣднякъ испугался, опустил саблю, хотѣлъ что то сказать, но задрожалъ, и не могъ ни слова

Декабря 11

произнести; я его держалъ въ семь положеніи наступая на него, а онъ отступая и отмахиваясь саблей, пока не наѣхалъ Сеидъ, которой все дѣло объяснилъ. На мнѣ была Киргизская шапка, и онъ меня принялъ было за Киргиза¹. Когда Туркменъ отдохнулъ и опаматовался отъ своего испуга, мы его разпрашивали не слыхалъ ли онъ чего о нашемъ корветѣ, и онъ утѣшилъ меня извѣстіемъ, что судно благополучно лежитъ на якорѣ и дожидается меня.

Мы ѣхали весь день 11го числа, и остановились передъ вечеромъ на отдыхъ въ кустахъ, не подалеку отъ колодцевъ Сюйли.

Усталость одолѣвала насъ, мы давно уже не спали; я кое какъ перемогался и мысль о скоромъ возвращеніи, придавала мнѣ новыя силы; безпечные же проводники мои дремали на лошадяхъ, и часто сонные падали съ нихъ; если кто нибудь изъ насъ отставалъ, то уѣхавшіе впередъ, дабы не терять времени для сна, въ ожиданіи отставшаго слѣзали съ лошадей, и засыпали у ногъ ихъ;— я кричалъ, будилъ ихъ, упрасивалъ торопиться, но пока одного будилъ, другой опять засыпалъ; ночь съ 11го на 12ое число была послѣдняя нашего путешествія.

Я просилъ Сеида и товарищей его воздержаться еще отъ сна одну ночь, дабы скорѣе поспѣть въ его кочевье; всѣ обѣщались, но никто не могъ исполнить даннаго слова; въ сію ночь мы проѣхали колодцы Сюйли, откуда находившееся прежде кочевье удалилось. Скоро Туркмены мои стали мало по малу отставать; Кульчи первой уснулъ на дорогѣ; я ѣхалъ безъ нихъ довольно долго и видя что не ѣдутъ, легъ на дорогу съ Кувветомъ въ ожиданіи ихъ, и оба заснули; но проснувшись черезъ нѣсколько времени, и не видя остальныхъ товарищей своихъ, полагали что лошади провезли ихъ дремлющихъ мимо насъ, почему и поѣхали далѣе. Прошло уже довольно времени, но ни они насъ, ни мы ихъ еще не нагнали; почему и думали уже что сбились съ дороги, какъ вдругъ увидѣли передъ собой двухъ человѣкъ, — одинъ ѣхалъ на верблюдѣ, а другой, на лошади; принявъ ихъ по случившемуся со мной прежде сего происшествію за злоумышленныхъ, я выхватилъ пистолетъ и наставя противъ коннаго, спросилъ, кто онъ таковъ;— но онъ въ отвѣтъ, скинулъ шапку и обнявъ меня привѣтствовалъ нѣсколькими Русскими словами. Я несказанно обрадованъ былъ узнавъ въ немъ молодаго Якши-Магмеда, сына Кіать-Аги;— живучи на корветѣ онъ выучилъ нѣсколько Рускихъ словъ, и девять дней только какъ отъ туда отправился и имѣлъ письмо ко мнѣ отъ Пономарева. Онъ жилъ все это время въ кочевьѣ Сеида, гдѣ влюбился въ одну Туркменку на которой хотѣлъ жениться; отецъ же его съ почетнѣйшими старшинами, былъ высланъ ко мнѣ на встрѣчу, но поѣхалъ по другой дорогѣ. Товарищъ Якши-Магмеда былъ Туркменъ Вель-Уста, которой во время пути моего въ Хиву, отъ Гекимъ-Али-Бая перешелъ ко мнѣ. Кувветъ оставался назади; я

¹ Въ прежнія времена, Туркмены много терпѣли отъ набѣговъ Киргизовъ, и съ сего времени породилась взаимная вражда между сими народами.

пересадилъ Вель-Усту на лошадь, и послалъ его отыскивать Кіата, а Якши-Магмеда на верблюда, котораго повелъ самъ въ поводу.

Скоро насъ нагналъ Кувветъ, и мы увидѣли въ лѣво отъ дороги огонь, къ которому поѣхали для прочтенія письма;— тамъ ночевало два семейства Туркменовъ переходящихъ къ Сѣверу. Огонь былъ далеко отъ дороги, мы сбились съ оной, и едва къ разсвѣту съ помощію Куввета прибыли къ колодцамъ *Сюльмень*, у которыхъ нашли Сеида и Кульчи.

Намъ уже не далеко оставалось до кочевья Сеида, почему и послали 12 числа Кульчи впередъ, чтобы намъ изготovitъ по ѣсть, а сами поѣхали въ слѣдъ за нимъ; передъ вечеромъ мы прибыли въ Сеидово кочевье (которое перешло ближе къ дорогѣ). Жена и дѣти проводниковъ моихъ обступили насъ, собралось множество стариковъ въ мою кибитку и накормили насъ, послѣ чего я написалъ нѣсколько строкъ къ Маіору Пономареву и уснулъ мертвымъ сномъ.

Мнѣ надобно было посѣтить женъ прочихъ проводниковъ моихъ, послѣ чего часу въ 11^{мъ} до полдня, я отправился къ берегу въ сопровожденіи Сеида, сына его и челоѡкъ трехъ постороннихъ. Намъ оставалось верстъ 35 ѣзды. Верстахъ въ 5 отъ берега я заѣхалъ въ кочевье Муллы Каиба, у котораго на пути въ Хиву пилъ верблюжье молоко. Я поѣхалъ далѣе; впереди видны были горы, съ которыхъ опустясь открывались море и корветъ. Я получилъ записку отъ Пономарева въ отвѣтъ на письмо мое и успокоился; но еще болѣе обрадовался когда спускаясь со скалъ, составляющихъ почти берегъ моря, открылся мнѣ совершенно заливъ и трехъ мачтовой корветъ нашъ;— я скинулъ шапку и надѣвъ ее на пику, махалъ ею, дабы дать знать о своемъ прибытіи;— моего знаку никто не примѣтилъ; однако я вскорѣ увидѣлъ что съ корвета плыло гребное судно ко мнѣ, а въ слѣдъ за нимъ и другое; корветъ стоялъ верстахъ въ 3 отъ берега. Я присталъ къ кибиткамъ на берегу расположеннымъ; не знаю билось ли мое сердце такъ сильно когда нибудь, какъ въ ту минуту когда я стоялъ уже почти въ водѣ морской.

Гребныя суда наши причаливали всегда около колодца Балкуи, лежащаго почти съ версту по выше сего кочевья;— я туда поѣхалъ и былъ встрѣченъ матросами, пріѣхавшими наливаться водой, которые узнавъ меня бѣжали ко мнѣ по берегу. Матросъ Калюкъ, Татаринъ родомъ, прежде всѣхъ меня встрѣтилъ.

Вскорѣ прибыло за мною перъвое гребное судно, а тамъ и второе, на которомъ пріѣхалъ ко мнѣ на встрѣчу Маіоръ Пономаревъ, и тотъ же часъ меня съ собой увезъ.

Легко можно представить съ какою радостію я прибылъ и принять былъ на корветѣ.

Я началъ исполненіемъ перваго долга своего, принесеніемъ благодарственнаго молебствія Господу Богу; послѣ того, окружили меня товарищи и заставили рассказывать свои произшествія.

Корветъ также находился въ бѣдственномъ положеніи. Вскорѣ

Декабря 12

Декабря 13

послѣ отъѣзда моего въ Хиву, забравши со шкоута Св. Поликарпа весь провіантъ, его отправили обратно, не полагая чтобы мое отсудствіе такъ задлилось; недостатокъ въ продовольствіи заставилъ ихъ цѣлый мѣсяцъ держать людей на половинной порціи, и изъ 140 матросовъ, не болѣе 20 оставалось совершенно здоровыхъ, 5 умерло, 30 лежало безъ движенія отъ цынготной болѣзни, а остальные перемогались кое какъ. Лѣкаръ былъ безъ аптеки, и не могъ помогать больнымъ. Такое положеніе понудило Лейтенанта Бассаргина просить у Маіора Пономарева предписанія, отплыть обратно; къ сему, кромѣ сказаннаго, понуждалъ его еще показавшійся въ заливѣ ледъ; первое сіе требованіе Бассаргина было сдѣлано въ половинѣ Ноября; Пономаревъ положилъ еще двѣ недѣли срока, послѣ котораго отложили снятіе съ якоря еще на одну недѣлю, и наконецъ на одинъ день; на канунѣ назначеннаго утра для отплытія, во время вечерней зари, Туркменской Киржимъ причалилъ къ корвету;— посланные мною Ханъ Магмедъ и Джанакъ, вошли по приказанію моему въ Капитанскую каюту не объявляя ничего, и тамъ отдали письмо мое Пономареву. Общая радость и веселіе тотчасъ водворились между нуждающимися матросами, ропотъ прекратился, и рѣшились еще меня дожидаться.

Гекимъ Али-бай, о которомъ я нѣсколько разъ письменно просилъ Пономарева чтобы его захватили, не являлся на корветъ, а прислалъ чрезъ другаго данную мною ему монету, сколько его ни звали онъ не являлся отговариваясь болѣзнію; монету мою узнали, но полагали что Гекимъ-Али-бай убивши меня, нашелъ ее и послалъ на корветъ для оправданія своего; болѣзнь же, которой отзывался, приписывали ранѣ мною ему нанесенной во время защиты.

Все время моего пребыванія въ Хивѣ, Туркмены пріѣзжавшіе отъ туда съ кербанами, являлись на корветъ и сказывали что я въ слѣдъ да ними ѣду, дабы за добрую вѣсть получить Муштулуга, или награжденіе; ложные вѣстники сіи скоро наскучили Пономареву; онъ задержалъ одного изъ нихъ, которой клялся что черезъ четыре дни я непременно возвращусь, и обѣщался наградить его, если слова его окажутся справедливыми, если же ложными, то строго наказать; 5^й день насталъ и бѣднякъ, пришелъ со слезами просить прощенія за вымышленныя имъ извѣстія.

Кіатъ скрывался, онъ самъ беспокоился на мой щетъ, и перешептывался съ пріѣзжающими Туркменами; между тѣмъ недостатокъ въ переводчикѣ и иныя еще причины, о которыхъ не упоминаю, понудили его оставить корветъ и всѣ дѣла наши касающіяся до переговоровъ съ Туркменами, такъ что наконецъ его уже съ большимъ трудомъ могли упросить пріѣхать.

Узнавши о скоромъ прибытіи моемъ, Кіатъ поѣхалъ ко мнѣ на встрѣчу; но какъ я выше сказалъ, мы разѣѣхались. Онъ хотѣлъ говорить со мною на единѣ, но по возвращеніи узнавъ всѣ обстоятельства, я избѣгалъ разговоровъ съ нимъ, дабы не быть вынужденнымъ разбирая причины признать его правоту.

Ввечеру Кіатъ извѣстясъ о моемъ прибытіи, пріѣхаль на корветъ: онъ простудилъ дорогою правый глазъ, всю ночь кричалъ, и по утру показалось большое бѣльмо отъ котораго и окривѣлъ.

Декабря 14

Назначено было празднествовать на берегу мое прибытіе, мы съѣхали на берегъ и собралось множество голодныхъ Туркменовъ, видя дурное расположеніе духа Кіата, я боялся, чтобы Туркменанъ не вздумалось чего нибудь противъ насъ предпринять. Какъ бы больно было попасться опять къ нимъ послѣ столь чудеснаго возвращенія. Я настоялъ чтобы на берегу поставленъ былъ карауль. Праздникъ начался, скачкой на лошадяхъ, за нею послѣдовала борьба, стрѣляніе въ цѣль и бѣгъ. Побѣдители награждались деньгами. Сеидъ мой, и Кульчи не были на семъ торжествѣ, я ихъ прежде сего послалъ на встрѣчу къ кербану.

Декабря 15

Тутъ явился ко мнѣ слѣпой старикъ житель Челекенской, которой имѣлъ свидѣтельство отъ Графа Войновича, плававшего по симъ водамъ, во время царствованія Екатерины II, въ свидѣтельствѣ семъ упоминалось о заслугахъ оказанныхъ имъ въ то время Русскимъ.

Въ короткое пребываніе мое на корветѣ, я не успѣлъ съѣздить на Красноводскую косу, которую мнѣ очень хотѣлось осмотрѣть.

Пріѣхаль къ намъ Петровичъ съ извѣстіемъ о прибытіи кербана въ Сеидово кочевье, я опять отправилъ его на встрѣчу къ нему.

Декабря 16

Увидѣли мы толпу конныхъ спускающихся съ прибрежныхъ горъ, и узнали Хивинскихъ Посланниковъ, проводники ихъ Туркмены ѣхали впереди, наѣздничили и стрѣляли изъ ружей; я тотчасъ съѣхаль на берегъ, и посадилъ ихъ въ особенную кибитку, приставя къ оной карауль, дабы Туркмены по обыкновенію своему не врывались къ нимъ и не мучали вопросами. До вечера я дожидался прибытія кербана, когда же онъ прибылъ, я посадилъ Хивинцовъ въ лодку, множество Туркменовъ хотѣло ѣхать со мной на корветъ, въ надеждѣ получить награжденіе за то, что ихъ во всю дорогу кормилъ (что называется у нихъ службой), но я никого не взялъ кромѣ своихъ четырехъ.

Декабря 17

Когда уже мы со всѣмъ отчаливали отъ берегу, Сеидъ вбѣжалъ блѣдный въ кибитку, схватилъ сѣдло свое, саблю, и осѣдлалъ лошадь, — я вышелъ къ нему и спросилъ что сіе значило; губы его тряслись, онъ самъ весь дрожалъ, блѣдный какъ смерть, не могъ мнѣ ни слова сказать, и пролепеталъ только что ни за что не поѣдетъ на корветъ, я выхватилъ у него пику, и снявши саблю, сказалъ, что мнѣ очень больно видѣть его въ такомъ расположеніи, и что прошу его объясниться. Я сего дня сонъ видѣлъ сказалъ онъ мнѣ, что ѣдучи верхомъ по замерзшему берегу моря, лошадь моя передними ногами оборвалась подъ ледъ, я чувствую что со мной что нибудь не хорошее послѣдуетъ на корветѣ, но скажи мнѣ я ли тебѣ не служилъ? — Сеидъ отвѣчалъ я ему если ты самъ чувствуешь всѣ вины свои, когда тебѣ никто не напоминаетъ объ нихъ, за чѣмъ же ты стараешься еще оправдываться, повинись лучше. — Оставь меня сказалъ онъ, я

доволенъ тобой, доставилъ тебя до берега благополучно, и достаточно награжденъ, пушай я возвращусь домой, — какъ хочешь отвѣчалъ я; ежели ты мнѣ не вѣришь и посѣтить меня не хочешь, то можешь ѣхать, я тебя упрашивать не буду.

Въ бытность мою въ Хивѣ, и во все время обратнаго моего пути, Сеидъ много причинялъ мнѣ огорченія; но я молчалъ, и скрывалъ внутренно свое неудовольствіе, общаясь по возвращеніи его за сіе наказать;— я хотѣлъ по пріѣздѣ на берегъ въ присутствіи всѣхъ старшинъ, объявить его оскорбительные поступки и со стыдомъ прогнать; но когда увидѣлъ невольное его сознаніе, рѣшился простить сдѣлавъ только выговоръ на единѣ. Онъ хотѣлъ уѣхать, но Петровичъ его удержалъ: проси прощенія у Емчибека¹, говорилъ онъ ему, и я ручаюсь что будешь прощенъ;— пускай судьба управляетъ мной отвѣчалъ Сеидъ, я отдаюсь на его волю, что со мной бы ни случилось.

Я повезъ ихъ всѣхъ на корветъ, и представилъ Хивинскихъ Посланниковъ Пономареву. Якубъ-бай уже прежде ѣзжалъ на купеческихъ судахъ нашихъ изъ Мангышлака въ Астрахань и корветъ его не удивлялъ; но Юзъ-Баши долго все разсматривалъ и съ трудомъ привыкъ мыслить что онъ на морѣ. Туркменовъ моихъ Пономаревъ наградилъ подарками; я доставилъ Сеиду пистолетъ въ серебряной оправѣ, отвелъ его въ сторону и рассказалъ ему всѣ дурные его противъ меня поступки; онъ сознался, просилъ прощенія и мы помирились. Весь народъ сей остался ночевать на корветѣ.

Ввечеру мы снялись съ якоря и обратно поплыли въ Баку. На корветѣ нашемъ были два Посланника отъ Хивинскаго Хана и два отъ Туркменскаго народа.

Декабря 18

Вѣтеръ былъ намъ очень способный, мы плыли Фордевиндомъ. Сдѣлался штиль.

Декабря 19

Прибыли легкимъ вѣтромъ къ острову *Жилому*, лежащему не далеко отъ Опшеронскаго мыса; на острову семь живутъ промышленники и занимаются ловлею тюленей, не доѣзжая сего острова мы миновали недавно открытые подводные камни, означенные на новыхъ картахъ Каспійскаго моря. Противный вѣтеръ заставилъ насъ бросить якорь противъ *Жилаго*.

Декабря 21

Мы еще прошли одну милю и за противнымъ вѣтромъ принуждены были опять лечь на якорь. Намъ должно было обойти еще Шахову подводную *Косу*.

Декабря 22

По утру мы снялись съ якоря съ NW^{овымъ} вѣтромъ а ввечеру остановились на якорѣ за горами, лежащими на твердой землѣ, на Югѣ отъ Баку.

Декабря 23

Къ разсвѣту мы прибыли въ Бакинскую рейду;— передъ полднемъ сошли на берегъ, и кое какъ размѣстили Посланниковъ своихъ на одной квартирѣ. Алексей Петровичъ Ермоловъ еще былъ въ Дагестанѣ, гдѣ продолжались военныя дѣйствія.

Декабря 24

¹ Господинъ Посланникъ.

Получили мы извѣстіе о взятіи Акуши Главнокомандующимъ.

Декабря 29

Я собрался было съѣздить на огни, коимъ поклоняются Индѣйцы, но нашлось 12 товарищей, и мнѣ не удалось разсмотрѣть обстоятельно капища сего, достойное большаго вниманія.

Декабря 30

Огни сіи называющіеся по Персидски Атешке, отстоятъ на 16 верстъ на Сѣверо Востокъ отъ Баки.

Земля содержащая Нефть простирается на нѣсколько верстъ въ окружности сего мѣста;— малѣйшая яма къ которой поднесется огонь, вспыхиваетъ и горитъ неугасаемо. Огонь сей служитъ Индѣйцамъ приходящимъ на поклоненіе, для варенія пищи и освѣщенія; послѣднее они дѣлаютъ, поднося огонь ко вставленной въ землю камышинкѣ.

Тутъ у нихъ выстроены довольно опрятный Караванъ Сарай; къ стѣнамъ внутри онаго придѣланы комнаты въ однихъ сами живутъ, а въ другихъ хранятъ истуканы свои, (которыхъ мнѣ не удалось видѣть), а третьи назначены для пріѣзжихъ. На срединѣ двора построены довольно обширный жертвенникъ, по четыремъ угламъ коего проведены высокія трубы съ разливающимся всегда пламенемъ.

Въ капище семъ бываетъ до 15 и 20 человѣкъ Индѣйцовъ, спасающихся разными истязаніями; въ бытность мою оныхъ было 6 или 7 человѣкъ. Должность старосты исправлялъ у нихъ Индѣецъ, прежде торговавшій въ Астрахани; онъ зналъ кромѣ своего языка, по Русски, Армянски, Турецки и по Персидски. Индѣйцы которыхъ я видѣлъ, почти со всѣмъ голы, живутъ и ѣдятъ особенно, имѣютъ каждой въ своей комнатѣ огонь, надъ которымъ просиживаютъ по нѣсколько часовъ безъ движенія поднявши руки вверхъ, или иное принявъ положеніе, несмотря на жаръ сильно ихъ беспокоящій. Изнуреніе лица самопроизвольныхъ мучениковъ сихъ, явно доказываетъ ихъ страданія.

Между прочими спасался въ капище семъ Индѣецъ, которой прежде сего служилъ у Англичанъ солдатомъ въ одномъ полку Сипаевъ.

1820 года получили мы бумаги отъ Господина Главнокомандующаго, Генерала отъ Инфантеріи Ермолова; Пономаревъ писалъ къ нему по прибытіи нашемъ въ Баку, представляя рапортъ мой, въ которомъ я доносилъ вкратцѣ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ моего путешествія въ Хиву, и о пріемѣ сдѣланномъ мнѣ Ханомъ. Пономаревъ также спрашивалъ разрѣшенія куда намъ слѣдовать съ посланниками.

Генваря 6

Главнокомандующій предписалъ намъ отправиться немедленно въ Дербентъ, дабы его еще тамъ застать. Вмѣстѣ съ симъ получилъ я отъ него слѣдующій лестный отзывъ¹.

¹ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Господину Капитану и Кавалеру Муравьеву 4^{му}.

Господинъ Маіоръ Пономаревъ, доставилъ мнѣ въ подлинникъ рапортъ вашъ по возвращеніи изъ Хивы. Съ почтеніемъ смотря на труды ваши, на твердость

Въ слѣдствіе предписанія отъ Главнокомандующаго отправились мы изъ Баку и переночевали на Сугантѣ.

Проѣхали Кализинской постъ, и прибыли на ночлегъ въ Хадерзинды, тутъ дожидалась насъ коляска Полковника Левенцова, командира бывшаго Троицкаго полка.

Мы посадили Посланниковъ своихъ въ коляску и повезли въ Девичи гдѣ ночевали.

Пріѣхали въ Кубу, гдѣ Коммендантъ Я. М. Старковъ человекъ почтенной по ревностному исполненію должности своей, по расторопности, ранамъ, гостепріимству и обращенію, встрѣтилъ насъ и принялъ дружески.

Генваря 11

Мы выѣхали изъ Кубы.

13

Пріѣхали мы въ Дербентъ, Генераль-Маіоръ Баронъ Вреде тамошній бригадный командиръ принялъ меня съ той же лаской и дружбой, которыми я пользовался отъ него въ бытность его въ Тифлисѣ.

15

Г. Главнокомандующій кончивъ военныя дѣйствія прибылъ изъ отряда въ Дербентъ.

17

Представлялись ему сперва Хивинскіе, а потомъ Туркменскіе Послы.

21

Приняты имъ были подарки отъ Хивинскаго Хана, они состояли въ двухъ хорошихъ шаляхъ, въ 10 бухарскихъ мерлушкахъ, двухъ простыхъ сѣдлахъ, и въ нѣсколькихъ фунтахъ изюму¹. Хивинцовъ отдарили двумя перстнями.

Генваря 22

«Вы дрожите отъ Персіанъ сказалъ однажды Главнокомандующій Туркмену Кіату.— Теперь время зимнее отвѣчалъ Кіатъ съ улыбкой, все дрожать.

Алексѣй Петровичъ уѣхалъ въ Кизляръ, приказавъ намъ отвезти гостей въ Тифлисъ и дожидатся тамъ его дальнѣйшихъ приказаній.

30

Мы выѣхали изъ Дербента.

Февраля 1

Прибыли въ Кубу и

3

Наконецъ пріѣхали въ Баку.

Во время пребыванія нашего въ Дербентъ была ужасная буря въ Баку, сильной Нордовой вѣтръ, часто свирѣпствующій въ тамошней

8

съ каковою превозмогли и затрудненія и самую опасность, противуставшія исполненію возложеннаго на васъ важнаго порученія, я почитаю себя обязаннымъ представить Всеподданнѣйше ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ объ отличномъ усердіи вашемъ къ пользѣ ЕГО службы.

Ваше Высокоблагородіе собственно мнѣ сдѣлали честь оправдавъ выборъ мой исполненіемъ столь труднаго порученія.

Генераль Ерлоловъ.

31 Декабря 1819.

С. Параулъ въ Дагестанъ.

¹ Хивинской Ханъ послалъ также двухъ жеребцовъ къ Алексею Петровичу въ подарокъ, но они оставались на Восточномъ берегу моря, такъ какъ и подаренной мнѣ сѣрый жеребецъ, котораго я отдалъ Кіату.

пристані, потащилъ всѣ суда съ рейда въ ночи съ 17 на 18 Генваря, и одно купеческое судно погубило, — ужасная метель и холодъ сопровождавшія бурю не позволяли военнымъ судамъ подавать помощи купеческимъ. Вообще зима по всему Западному берегу Каспійскаго моря была жестокая, погубило нѣсколько людей, и множество скота и птицъ.

Мы пріѣхали въ Елисаветополь.

17

Выѣхали изъ Елисаветополя. Во время пребыванія моего въ семь городѣ, я былъ принятъ какъ нельзя лучше въ семействѣ Пономарева: онъ славился своимъ гостепріимствомъ.

20

Мы прибыли въ Тифлисъ. Ласковой пріемъ сдѣланной мнѣ всеми товарищами и знакомыми скоро заставилъ забыть всѣ трудности моего пути, я былъ обласканъ ими свыше всякой мѣры.

24

И. А. Вельяминовъ намѣстникъ Алексѣя Петровича Ермолова, Генераль-Лейтенантъ и дивизіонный командиръ дни черезъ два по пріѣздѣ нашемъ принялъ Посланниковъ, и въ Новрузъ¹ 12 Марта, подарилъ ихъ сукнами и шелковыми матеріями на кафтаны.

Въ началѣ Марта получена была изъ Кизляра отъ Алексѣя Петровича бумага, въ которой помѣщено было извѣщеніе Губернатора Астраханскаго о прибытіи къ нему Туркменскихъ Посланниковъ съ просьбой отъ всего народа. Просьба сія была одинакаго содержанія съ бумагою нами привезенною, они также просили Правительство наше принять ихъ въ свое подданство съ тѣмъ различіемъ, что нѣкто изъ нихъ называется наслѣдникомъ престола Туркменскаго. Алексѣй Петровичъ прислалъ къ намъ копію съ сего прошенія, въ ономъ помѣщены были имена всѣхъ старшинъ, называя ихъ Ханами, имя Кіата было также помѣщено; но онъ ничего о семъ не зналъ, и увѣрялъ что прошеніе сіе ложно.

Алексѣй Петровичъ поручилъ мнѣ розыскать сіе дѣло, я узналъ, что прібывшій съ прошеніемъ въ Астрахань Посоль, былъ родной братъ Коджи которой былъ убитъ въ 1812 году начальствовавши надъ Туркменскимъ ополченіемъ противъ Персіянъ. Посоль — пришелецъ сей, былъ родомъ отъ предѣловъ Китая и пріѣзжалъ къ Туркменамъ, требовать лошадей, оружіе, невольниклвъ, и дорогихъ камней убитаго своего брата, но будучи ими съ безчестіемъ прогнанъ, домогался получить власть надъ ними черезъ наше Правительство.

Вечеру послѣ зари пріѣхалъ противъ всякаго чаянія Алексѣй Петровичъ въ Тифлисъ.

Марта 23

Посланцы были представлены Главнокомандующему, которой ихъ очень ласково принялъ;— въ вечеру были они въ Благородномъ Тифлискомъ собраніи.

Апреля 4

Я принималъ по утру Хивинскихъ Посланцевъ готовившихся ѣхать обратно, и вручилъ имъ письмо къ Магмедъ Рагимъ Хану слѣдующаго содержанія:

Апреля 22

¹ Новый годъ Мусульмановъ.

«Посланные Вашимъ Высочествомъ довѣренныя особы Юзъ Баши, Ешъ Незеръ, и Якубъ бай, были представлены мною Главнокомандующему Государю нашего пославшаго меня въ прошломъ году къ вамъ. Люди ваши донесутъ Вашему Высочеству какимъ образомъ они были приняты у насъ, и увѣрятъ васъ въ благорасположеніи Главнокомандующаго. Я препоручилъ имъ также изъяснить совершенную мою благодарность Великому Владѣтелю странъ Восточныхъ, коего милости излитыя на меня, еще болѣе ознаменовались довѣренностію ко мнѣ, Господина Главнокомандующаго, которой согласно съ словами сказанными вамъ мною лично посылаетъ меня на дняхъ къ Государю Императору съ донесеніемъ, о новой дружественной связи устроенной между Востокомъ и Западомъ.

Одно солнце восходящее и заходящее да озаритъ связь сію во вѣки. Свѣту свѣтила сего да уподобится, сіяніе искренней связи сей, да рушится она только съ разрушеніемъ свѣта.

Позвольте Ваше Высочество мнѣ, тому которой имѣлъ счастье предстать предъ вами, надѣяться что примите письмо сіе съ благорасположеніемъ равнымъ уваженію, которое къ вамъ имѣю. Я былъ бы слишкомъ счастливъ, еслибъ могъ надѣяться, что мысли ваши обратятся иногда на того, которой желаетъ вамъ неугасаемой славы, и продолженія всѣхъ благъ, коими Всевышній одарилъ Ваше Высочество.»

Такимъ образомъ помощію Всевышняго свершилъ я благополучно ввѣренное мнѣ отъ начальства порученіе, молю Творца, чтобы перенесенные мною труды и опасности обратились къ пользѣ и славѣ любезнаго отечества. Исполненіе сихъ желаній будетъ лучшею для меня наградою.

Конецъ первой части.